

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2001

ISSN 0131-2812

Создание Шанхайской
организации сотрудничества

●

80 лет Компартии Китая

●

Десятая пятилетка КНР

●

Ценовая политика в Китае

●

Проблемы интернационализации
японской йены

1999 г. арх.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2001

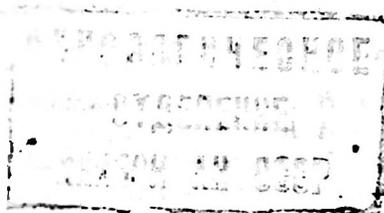
Июль - Август

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

<i>В. Воробьев.</i> От Шанхая до Шанхая. К созданию Шанхайской организации сотрудничества.....	6
<i>А. Григорьев, М. Титаренко.</i> К 80-летию Компартии Китая.....	13
<i>И. Бабак.</i> Визит президента Беларуси в Китай: новый этап в развитии двусторонних связей.....	29
<i>К. Ефремова.</i> Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов.....	36

ЭКОНОМИКА

Десятый пятилетний план экономического и социального развития КНР:

<i>И. Наумов.</i> Десятая пятилетка в реализации экономической стратегии КНР.....	50
<i>В. Михеев.</i> О новой пятилетке Китая.....	55
<i>Я. Певзнер.</i> Куда движется японская экономика?.....	64
<i>В. Жигулева.</i> Ценовая политика как инструмент перехода к рыночной экономике в Китае.....	74
<i>Д. Шаринов.</i> Размещение акций китайских компаний на зарубежных фондовых рынках.....	90
<i>В. Карлусов.</i> Смешанная экономика в Китае: от дискриминации к поддержке.....	98

Г. Белокурова, М. Мизгулина. Проблемы интернационализации японской йены в условиях глобальных изменений в мировой валютно-финансовой системе.....	103
---	-----

ИСТОРИЯ

Т. Симбирцева. Россия и Корея: отношения и оценки.....	116
--	-----

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

К. Шевелев. К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы.....	124
--	-----

ФИЛОСОФИЯ

А. Лукьянов. "Совершенная мудрость" и ранняя философия древних китайцев.....	135
--	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Торжественное заседание, посвященное 80-летию Компартии Китая.....	150
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. Асмолов. Двенадцатая международная конференция.....	152
А. Юркевич. VII Всероссийская научная конференция. "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация".....	154
В. Зимонин. Встреча ученых ИДВ РАН с американскими военными.....	158

РЕЦЕНЗИИ

О. Борох. Двадцать экономистов современного Китая: идеи и судьбы.....	161
В. Дацьшэн. Ларин А.Г. Китайцы в России. Краткий исторический очерк.....	170
А. Волохова, О. Воропаева. "Китайский благовестник": обзор журнала за 1999-2000 гг.....	173
Л. Переломов. Мартынов А.С. Конфуций. Лунь-юй. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао.....	177
А. Юркевич. Лепехов С.Ю. Философия мадхъямиков и генезис буддийской цивилизации.....	186

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Вадиму Ивановичу Шабалину — 70 лет.....	189
---	-----

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

В. Воробьев. От Шанхая до Шанхая К созданию Шанхайской организации сотрудничества

На встрече в Шанхае 14-15 июня 2001 г. высшие руководители России, Казахстана, Киргизии, Китая, Таджикистана и Узбекистана заявили о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — регионального объединения шести стран по сотрудничеству в политической, международной, военной, правоохранительной, торгово-экономической, культурной, природоохранной и других сферах. ШОС создается на основе "Шанхайской пятерки" и наследует принципы и дух взаимодействия входивших в нее пяти государств — России, Казахстана, Киргизии, Китая и Таджикистана. На саммите шести государств в 2002 г. в Санкт-Петербурге будут приняты уставные документы организации, определяющие ее структуру, критерии членства и порядок отношений с другими странами и объединениями.

А. Григорьев. М. Титаренко. К 80-летию Компартии Китая

В статье рассматриваются особенности исторического развития КПК и факторы, определившие ее самореформирование и переход к политике радикальных реформ, изменивших идеологический и организационный облик самой партии и экономический и социальный облик Китая в последние 20 лет. Рассматриваются шаги руководства партии по превращению ее в политическую организацию, представляющую интересы всех основных классов и социальных слоев Китая, а также шаги партии по разработке национальной идеи.

И. Бабак. Визит президента Беларуси в Китай: новый этап в развитии двусторонних связей

В статье рассматриваются итоги визита президента Беларуси А.Г.Лукашенко в Китай с точки зрения появления новых моментов в характере белорусско-китайских отношений. Повышение уровня политических контактов, рост товарооборота, активизация контактов в научно-технической области во многом стали следствием активного участия государственных органов Беларуси и Китая в налаживании двусторонних связей. Переговоры А.Г.Лукашенко с руководителями КНР, подписанные документы будут важным фактором дальнейшего стабильного развития отношений между двумя странами.

К. Ефремова. Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов

На материале публикаций индийских исследователей, посвященных проблемам и перспективам современной политики КНР в Южной и Юго-Восточной Азии, в статье анализируются некоторые основополагающие тенденции развития китайско-индийских отношений на рубеже веков: замораживание сторонами пограничного конфликта, отказ от идеологической конфронтации, расширение и углубление межрегионального экономического сотрудничества,

движение к совместным внешнеполитическим инициативам, направленным на установление многополярного мира и защиту интересов развивающихся стран.

Обращаясь к истокам китайско-индийского конфликта 1960-х гг., автор показывает, какие конкретно факторы способствовали улучшению двусторонних отношений с конца 1980-х гг. Рассматриваются также изменения во внешнеполитических стратегиях Китая и Индии в отношении государств СААРК и АСЕАН.

В. Жигулева. Ценовая политика как инструмент перехода к рыночной экономике в Китае

Автор скрупулезно анализирует, как менялись место и роль ценовой политики в переходе от плановой к рыночной экономике за 20 лет реформ. Если первоначально она выполняла функцию вспомогательного метода урегулирования сложной для страны экономической ситуации, сложившейся в конце 70-х — начале 80-х годов, то позже ценовая политика стала важным инструментом развития социалистической товарной экономики, а в последние годы выполняет функции основного инструмента макроэкономического контроля в условиях рыночной экономики.

Д. Шарипов. Размещение акций китайских компаний на зарубежных фондовых рынках

Автор знакомит читателя с процедурой и моделями размещения китайских акций на зарубежных фондовых биржах, что способствует привлечению иностранного капитала, сближению с мировыми стандартами деятельности компаний-эмитентов и фондового рынка, а в целом — интеграции Китая в мировую экономику.

В. Карлусов. Смешанная экономика в Китае: от дискриминации к поддержке

Феномен социальной мимикрии формирующегося частного бизнеса и смешанных предпринимательских структур — характерное явление переходных экономик стран бывшего “социалистического лагеря”. Каковы масштабы и формы, причины и факторы развития этого феномена? Кто виноват в его отрицательных проявлениях — уклоняющийся от налогового и прочего контроля частник или коррумпированное чиновничество? Какими должны быть оптимальные меры государства по преодолению мимикрии бизнеса? Автор рассматривает эти злободневные взаимосвязанные проблемы на примере современного реформенного Китая, идущего эволюционным путем легитимизации частной собственности: от политики вынужденного допуска развития и инерционной социальной дискриминации предпринимательства к политике его сбалансированного поощрения и поддержки в интересах ускорения роста совокупной экономической мощи страны.

Г. Белокурова, М. Мизгулина. Проблемы интернационализации японской йены в условиях глобальных изменений в мировой валютно-финансовой системе

В течение последних 30 лет правительством Японии неоднократно поднимался вопрос о необходимости повышения международного статуса японской валюты. Особенно остро он встал после Азиатского финансового кризиса, так как, по мнению большинства экономистов, именно режимы “мягкой” привязки национальных валют к доллару США стали причиной возникновения системного кризиса мировой валютной системы.

На фоне “антидолларовых” настроений правительств стран, пострадавших во время кризиса, японское правительство активизировало свою деятельность по укреплению международного статуса йены, что сопровождалось оживленными дискуссиями по указанному вопросу на самых разных уровнях.

В данной статье современный статус японской йены в мировой экономике рассматривается по следующим направлениям: роль йены в международной торговле, на мировых финансовых рынках и рынках капитала, в операциях центральных банков ведущих индустриальных стран.

Существует ряд объективных трудностей, не позволяющих процессу интернационализации японской национальной валюты продвигаться быстро и успешно: исторически сложившееся настороженное отношение к йене со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона; недостаточная ликвидность и доступность национального валютного рынка; несовершенная правовая база, лежащая в основе расчетов на японских национальных финансовых рынках и рынках капитала, а также неблагоприятная ситуация в финансовом секторе Японии, связанная с продолжающимся экономическим кризисом.

В статье также затрагиваются перспективы образования регионального валютно-финансового союза в АТР.

Т. Симбирцева. Россия и Корея: отношения и оценки (современная южнокорейская историография об истории российско-корейских отношений)

Автор подвергает аргументированной критике проявления недобросовестных трактовок истории российско-корейских отношений в работах некоторых южнокорейских историков, а также отдельных специалистов в других странах. В этих работах, в частности таких авторов, как Пак Тхэ Гын, Сон Чжон Хван и др., и даже в некоторых школьных учебниках Россия представлена как “извечный враг” Кореи.

А. Лукьянов. Совершенная мудрость и ранняя философия древних китайцев.

Автор развивает тему генезиса китайской философии. В центре внимания — совершенная мудрость, как особое идейное и мировоззренческое образование, встречающееся на пути движения философского самосознания китайцев “от мифа к логосу”. Совершенная мудрость фиксируется по наличию субъекта — совершенномудрого человека (шэн жэнь — духовного человека) и результатам его творчества, запечатленным первыми философами в “И цзине”, “Дао дэ цзине” и “Лунь юе”. По заключению автора, совершенная мудрость представляет собой схематизацию энергетической генетической спирали естественности (цзыжань) в виде структурно-функционального архетипа дао, открывающего вход к сокровенной сути природного и человеческого бытия. Совершенная мудрость непосредственно предшествует философии и задает парадигму развертки ее идей, логики мышления и форм суждения.

Политика

От Шанхая до Шанхая К созданию Шанхайской организации сотрудничества

© 2001

В. Воробьев

14-15 июня 2001 г. в Шанхае (КНР) состоялась встреча глав шести государств — России, Казахстана, Киргизии, Китая, Таджикистана и Узбекистана. Во главе весьма представительной делегации в ней принял активное участие Президент Российской Федерации В.В.Путин. Встреча вызвала большой международный резонанс — прежде всего потому, что главы государств провозгласили создание нового регионального объединения в целях развития многостороннего взаимодействия в различных областях — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Этому была посвящена Декларация, подписанная шестью лидерами. В ней даны принципиальные ориентиры построения новой организации, которые в течение года до следующей встречи в верхах в Санкт-Петербурге в июне 2002 г. предстоит перевести на юридический язык базового учредительного документа — Хартии.

Кроме того, подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Этот во многом новаторский по содержанию, имеющий практические выходы документ создает правовые основания для коллективного противодействия насильственным проявлениям общих для всех стран угроз и вызовов и для завершения уже начатой работы по созданию в Бишкеке (Киргизия) Антитеррористической структуры ШОС как постоянно действующего органа по координации и информационному обеспечению необходимых мероприятий и решений.

Атмосфера встречи, выступления на ней высших руководителей шести стран убедительно показали, что, во-первых, организация рождается не на пустом месте, а является результатом целого ряда крупных шагов и наработок. Во-вторых, ее создание — продукт доброй воли, осознанного стремления и желания вместе способствовать продвижению созидательных процессов в регионе Центральной Азии, утверждению в нем добрососедства, доброжелательности и доверия. В-третьих, соединяясь вместе и действуя слаженно, государства-участники получают солидные возможности для дополнительного использования собственных потенциалов ради повышения качества и улучшения условий жизни своих граждан.

Воробьев Виталий Яковлевич, специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам "Шанхайской пятерки", посол по особым поручениям МИД России.

Сразу и единодушно был поддержан предложенный В.В.Путиным девиз новой организации — безопасность через партнерство, через сотрудничество. Найдено, как представляется, точное и верное выражение сущности Шанхайской организации сотрудничества — не блок и не военно-политический союз, а построенное на добровольных и равноправных началах объединение, направленное не против кого-то, а только на конструктивные цели, прозрачное по своим принципам и задачам, открытое для широкого взаимодействия с другими странами и организациями без какой-либо дискриминации.

Во многом Шанхайская организация сотрудничества выступает наследницей и преемницей стиля, духа и принципов, сложившихся в ходе пятилетней истории взаимоотношений пяти государств в рамках «Шанхайской пятерки».

Одним из главных достижений «шанхайского процесса» за эти годы стало ослабление напряженности вдоль границы с Китаем, включая создание с обеих ее сторон зон глубиной в 100 км, где осуществляются взаимные военные инспекции. Таким образом обеспечиваются меры доверия, которые позволяют снимать любые сомнения и недоразумения.

Пять государств региона объединились в 1996 г. в результате длительного процесса решения пограничных вопросов между СССР и Китаем, начавшегося еще в середине 60-х гг. После распада СССР в 1991 г. советско-китайская граница превратилась в ряд последовательных участков границы между Китаем и четырьмя новыми суверенными государствами — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Россией.

Суть пограничного урегулирования применительно к Китаю состояла не в том, чтобы определять государственную принадлежность тех или иных территорий как основание для установления линии границы, а, наоборот, в том, чтобы найти общее понимание прохождения линии границы на базе совместно согласованных принципов и критериев, что служило отправным моментом для территориального размежевания. Именно таким образом Казахстану, Киргизии и Таджикистану удалось практически полностью закрыть к настоящему времени свои пограничные вопросы с Китаем, а России — нанести на карты (делимитировать) и обозначить на местности (демаркировать) прохождение линии российско-китайской границы на более чем 98 процентах ее общей протяженности примерно в 4,3 тысячи километров.

Уникальность переговорного механизма по пограничным вопросам, который функционирует по сей день, состоит в том, что после распада Советского Союза принципиальные позиции по вопросам уточнения прохождения пограничной линии определяются каждым суверенным государством самостоятельно, а необходимая документация по достигнутым решениям оформляется специалистами четырех стран СНГ совместно, с одной стороны, и Китая — с другой.

Подобный принцип ведения переговоров был применен после 1991 г. и в ходе начавшейся в 1989 г. выработки договоренностей об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе бывшей советско-китайской границы, что увенчалось подписанием двух соответствующих соглашений — в Шанхае в 1996 г. и в Москве в 1997 г.

Для заключения первого из двух соглашений высшие руководители пяти стран съехались в Шанхай весной 1996 г. Это дало основание для появления термина «Шанхайская пятерка». Шанхайский и последовавший через год московский саммиты стали прообразами той структуры, которая по прошествии пяти лет трансформируется в полноценную организацию многопрофильного сотрудничества.

Совместная работа над решением пограничных вопросов, над выработкой мер военно-политического доверия в приграничных районах, а в дальнейшем — по реализации двух соглашений послужила первоосновой того, что

стало именоваться «шанхайским духом», для которого характерны взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, уважение к интересам и мнениям друг друга, взаимные консультации, терпеливый поиск общих знаменателей, выход на взаимопонимание через консенсус и добровольное согласие выполнять то, о чем достигнуты договоренности.

Третье совещание в верхах в Алма-Ате в июле 1998 г. положило начало выходу пятистороннего сотрудничества за пределы военно-политической области: были намечены те направления сотрудничества, которые представляли общий интерес и обещали стать перспективными. Значение алма-атинского встречи состояло в том, что она сама по себе служила показателем начавшегося процесса сближения пяти государств, позволила подойти к этому процессу с новыми расширенными критериями и замыслами, обозначила начало работы по синхронизации отношения к целому ряду актуальных проблем региона Центральной Азии и международной жизни.

Идея более широкого взаимодействия получила практическое преломление в принципиальных договоренностях по итогам четвертого саммита пяти стран в августе 1999 г. в Бишкеке, а в июле прошлого года на пятой встрече глав государств в Душанбе воплотилась в конкретные поручения.

К тому времени уже четко проявилась заинтересованность пяти государств в развертывании взаимодействия по широкому спектру направлений, выявилась тенденция к формированию постоянно действующих механизмов сотрудничества в виде встреч министров и экспертных групп. Возник институт национальных координаторов, назначаемых в каждой из пяти стран, уверенно дала о себе знать потребность в выработке совместных базовых документов. Именно в Душанбинской декларации впервые прозвучал тезис о возможности преобразования группы в региональную организацию многостороннего сотрудничества в различных областях.

Специалисты уже получившей путевку в жизнь Бишкекской группы руководителей правоохранительных органов и спецслужб вели работу над проектом правового акта по борьбе с международным терроризмом, национальным сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Военные министерства переводили свои контакты на плановую основу. Внешнеполитические ведомства, выполняя общекоординирующие функции, приступили к формированию института регулярных рабочих консультаций. Развернулась подготовка к налаживанию сотрудничества в торгово-экономической и природоохранной сферах, в связи с чем в повестку дня стал выдвигаться вопрос о проведении встречи глав правительств.

Заработали на полную мощность предусмотренные соглашениями 1996 и 1997 гг. механизмы инспекционной деятельности и Совместной контрольной группы, состоящей из дипломатических и военных экспертов пяти стран. В этих рамках шло успешное согласование большого числа практических вопросов, отрабатывались необходимые навыки, приемы и технологии, что способствовало укреплению и обогащению «шанхайского духа».

К концу 2000 г. у руководства пяти государств сложилось мнение о целесообразности повышения управляемости сложным организмом объединения, внесения в него организационной и структурной стройности. Учитывался и заметно возрастающий интерес к «Шанхайской пятерке» со стороны многих стран и организаций, в том числе внерегиональных, вплоть до прямых обращений с просьбой о принятии в «пятерку», реагировать на которые было затруднительно из-за отсутствия каких-либо регламентирующих документов и прописанных процедур.

Иными словами, накапливался определенный количественный массив, все настоятельнее требовавший перехода в новое качество. Процесс находке-

ния общих подходов, оценок и формул естественным и логичным образом перерастал в определение общих практических шагов и действий.

С учетом развития международной ситуации и непрекращающихся угроз стабильности и безопасности, которые имеют общий характер для всех стран «пятерки», в целях еще лучшей консолидации и соединения усилий и был на рубеже нового века и тысячелетия согласован консенсус о целесообразности трансформации «пятерки» в полноценную организацию.

Соответственно была ориентирована подготовительная работа к саммиту в Шанхае: сфокусировать внимание на вопросах создания новой организации и наиболее крупных темах взаимодействия, рассчитанных на длительную перспективу.

В ходе подготовки была завершена длившаяся более года работа над текстом Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, предварительно обговорена возможность проведения в сентябре 2001 г. в Алма-Ате встречи премьер-министров, появились казахстанские и китайские предложения по вопросам разворачивания торгово-экономического сотрудничества, согласовано решение об удовлетворении выраженного в январе 2001 г. Узбекистаном намерения в полной мере подключиться к деятельности вновь образуемой организации.

Республика Узбекистан является крупным, весомым и авторитетным государством Центральной Азии, активно участвующим в международной жизни, крайне заинтересованным в локализации и нейтрализации факторов, вызывающих дестабилизацию обстановки, осознающим, что Узбекистан и государства «Шанхайской пятерки» имеют дело с общими для всех угрозами и вызовами безопасности. В Узбекистане понимают, что в одиночку противостоять им — не самый лучший и результативный путь. Там видят перспективу региона в налаживании сотрудничества по многим направлениям. Об этом говорил Президент И.А.Каримов летом 2000 г. в Душанбе, куда он был приглашен в качестве наблюдателя на саммите «Шанхайской пятерки». Руководители пяти государств приветствовали тогда намерение Узбекистана присоединиться к деятельности «пятерки» и выразили уверенность, что Ташкент в ближайшее время официально заявит о своей позиции. Такое подтверждение от Узбекистана поступило в январе 2001 г. Так как к тому времени уже утвердилось намерение преобразовать «пятерку» и уже велась работа над проектами документов для подписания на очередном саммите в Шанхае, пришлось заняться выработкой приемлемой для всех формулы удовлетворения обращения Узбекистана, что потребовало некоторого периода времени. В итоге серии взаимных консультаций была найдена адекватная форма: вечером 14 июня, перед началом неофициальных и официальных встреч, главы шести государств подписали соответствующее Заявление.

В этом «Заявлении», в частности, отмечается:

Республика Узбекистан высоко оценивает положительный опыт, накопленный «Шанхайской пятеркой» за время ее существования, разделяет дух и принципы, на основе которых осуществляется взаимодействие в рамках этого объединения;

полноправное участие Республики Узбекистан в «Шанхайской пятерке» предусматривает соблюдение принципов, нашедших отражение в подписанных в г.Шанхае и г.Москве соответственно в 1996 г. и 1997 г. соглашениях об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также других договоренностей, достигнутых между главами государств «пятерки»;

главы государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджи-

кистан приветствуют намерение Республики Узбекистан стать соучредителем Шанхайской организации сотрудничества и подписать вместе с ними «Декларацию» о ее создании и «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

Понятно, что при этом речь не идет о подключении Узбекистана к шанхайскому 1996 г. и московскому 1997 г. соглашениям, поскольку они затрагивают географически четко ограниченную зону вдоль бывшей советско-китайской границы, а Узбекистан не граничит с Китаем, составлены таким образом, что не предусматривают присоединения к ним других государств, и не распространяют свое действие на отношения между государствами-участниками со стороны СНГ.

Свидетельством конструктивного настроения Ташкента можно считать участие узбекского министра обороны в совещании министров обороны шести стран, которое состоялось 14 июня в Шанхае, и подписание им итогового Совместного коммюнике. В нем министры выразили уверенность в том, что сотрудничество в новом формате между министерствами обороны на основе принципов соглашений 1996 г. и 1997 г. будет способствовать поддержанию прочного мира, стабильности и безопасности в регионе, и квалифицировали плодотворное сотрудничество в военной области, сложившееся в рамках «Шанхайской пятерки», как пример установления нового, отвечающего современным тенденциям регионального военного сотрудничества в период после окончания «холодной войны».

Министры заявили, что в наступившем XXI веке международная обстановка имеет тенденцию к потеплению, вместе с тем по-прежнему существуют угрозы миру и развитию, и выступили за то, чтобы на основе равенства и взаимной выгоды продолжить укрепление сотрудничества в военной области и рассмотреть вопросы о проведении совместных учений по борьбе с вышеназванными угрозами и о создании новых форм диалога по проблемам обеспечения безопасности. Было подчеркнуто, что Договор о противоракетной обороне, подписанный в 1972 г., является краеугольным камнем глобальной стратегической стабильности и важным условием для развития процесса сокращения вооружений, высказаны озабоченность в связи с продолжающимся военно-политическим противостоянием в Афганистане и решительная поддержка усилий ООН и государств Центральной Азии по урегулированию афганского вопроса в русле политического решения проблемы путем мирных переговоров.

Что касается возможности приема новых членов в ШОС, то этот вопрос может быть поднят только после формального создания этой организации, ибо она является открытой, но, как любая организация, должна выработать критерии приема новых членов, а также процедуры и правила взаимоотношений с другими странами и международными объединениями. Имеется в виду, что надо найти такие механизмы, которые позволили бы строить отношения с любыми государствами, где бы они ни находились. В этом плане в мире есть, как представляется, достаточно удачные примеры, скажем, АСЕАН.

Подобные вопросы будут значительной частью той работы по составлению уставных документов, которую предстоит осуществить до следующего саммита.

«Надо сделать все, в том числе в процессе разработки основополагающего правового акта нового объединения — его Хартии, чтобы наша организация была прочной, а ее механизмы работали без пробуксовок», — подчеркнул на саммите в Шанхае глава российского государства, — чтобы она работала на обеспечение зримых результатов, полезных и важных для народов стран-участниц, для усиления международных позиций наших шести стран, для упрочения стабильности и безопасности, мирной жизни в зоне ее ответственности.

Соответствующие проекты поручено готовить Совету национальных координаторов, который играет роль рабочего органа новой организации. В Шанхае министры иностранных дел шести государств утвердили «Временное положение о порядке деятельности» Совета. При разработке Хартии будет максимально использован потенциал подписанной в Шанхае «Декларации», пункт пятый которой прямо ориентирует на это, глася, что государства-участники Шанхайской организации сотрудничества твердо придерживаются целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах. Будут приниматься во внимание подходящие прецеденты создания региональных многопрофильных международных организаций в мировой практике.

Наряду с этим Совет продолжит текущую координацию подготовки и проведения тех встреч и контактов, которые были намечены ранее и о которых договорились в Шанхае, так как процесс развития взаимодействия по конкретным направлениям не только не прерывается, но и приобретает дополнительную динамику.

Ближайшая задача, находящаяся в центре внимания, — обеспечение положительных результатов первой встречи глав правительств шести стран в Алма-Ате, намеченной на сентябрь этого года, которая должна дать начало переговорному процессу по вопросам создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, разработки долгосрочной Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, а также других соответствующих документов. Предстоит непростая и трудоемкая работа по анализу и отбору из массы уже сложившихся практик и режимов того, что можно было бы определить в качестве общих знаменателей. Здесь особенно потребуются тщательные и выверенные подходы, внимательный учет того, чтобы при продвижении вперед соизмерять каждый конкретный шаг с тем, что уже реально созрело и способно дать плоды. Вместе с тем это направление, как отметил В.В.Путин, «должно играть все возрастающую, можно сказать, цементирующую роль в сотрудничестве наших стран».

Важно не затягивать с введением в действие подписанной в Шанхае Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Этот документ, содержащий согласованные определения таких сложных международных понятий и явлений, как терроризм, сепаратизм и экстремизм, ориентирован на практическое сотрудничество стран-участниц в противодействии указанным негативным и опасным явлениям. Он создает хорошие правовые заделы для работы над документами по другим важным и актуальным направлениям транснационального антикриминального сотрудничества, таким, например, как незаконный оборот наркотиков, оружия и т.п. Конвенция предусматривает учреждение в Бишкеке антитеррористической структуры ШОС, которая станет действовать на постоянной основе.

В Шанхае была подтверждена общая заинтересованность в том, чтобы посмотреть, что можно сделать в области охраны природы и окружающей среды. Были поддержаны инициативы о проведении встречи министров культуры (вторая половина 2001 г. в Китае) и встречи руководителей ведомств, отвечающих за ликвидацию чрезвычайных ситуаций (весна 2002 г. в России).

Естественно, подготовка и организация этих и других мероприятий в рамках ШОС сопряжены с формированием и функционированием рабочих экспертных групп как в каждой стране-участнице, так и в многостороннем

плане с тем, чтобы через многочисленные согласования прийти к единому мнению, выйти на консенсус.

Все говорит о том, что в центре континента Евразии появляется новое динамичное объединение, охватывающее около пятой части населения Земли и включающее в себя такие глобальные величины, как Россия и Китай, которые вошли в новый век и тысячелетие стратегическими партнерами. Зарождается новый живой организм со своим обликом, голосом, интересами и волей.

* * *

Создание Шанхайской организации сотрудничества убедительно свидетельствует о том, что в течение всех пяти лет своего существования «Шанхайская пятерка» шла в правильном направлении. Можно сказать, что, с одной стороны, провозглашение ШОС — это своеобразный «промежуточный финиш», но вместе с тем — и старт на новой большой дистанции, который шесть стран совместно приняли осознанно и ответственно. Новые задачи стран — членов ШОС не менее, если не более, сложны, чем те, которые решала «пятерка»: ведь чем шире сфера деятельности, чем больше проблем, тем, естественно, больше подходов и мнений. Однако несомненно, что уже наработанный «пятеркой» задел, уже сложившийся дух заинтересованности, взаимного уважения и взаимного понимания будут помогать и впредь находить решения, отвечающие общим интересам.

К 80-летию Компартии Китая

© 2001

А. Григорьев, М. Титаренко

В июле этого года исполнилось 80-лет со времени создания Коммунистической партии Китая. Это знаменательное событие не только в жизни КНР, но во многих отношениях событие мирового масштаба.

КПК — сегодня старейшая и самая крупная правящая коммунистическая партия, которая не только возглавила победоносную борьбу китайского народа за объединение и независимость страны в годы национально-демократической революции, но и добилась неоспоримых успехов в деле модернизации экономики, науки и культуры недавно еще отсталой страны, повышения уровня жизни подавляющего большинства населения самого многонаселенного государства в мире в ходе инициированной и направляемой ею политики реформ.

Достижения КНР в результате проведения в последние 20 лет политики реформ, роль КПК в разработке и проведении этой политики признают не только друзья Китая, но и противники политического и социально-экономического строя КНР. Успехи Китая в деле развития экономики, науки и внешнеэкономических связей определили выход страны в число наиболее крупных стран мира по объему ВВП, по производству многих видов промышленной продукции. Вот уже 20 лет КНР демонстрирует самые высокие в мире среднегодовые темпы роста экономики¹. Все это в огромной мере укрепило международное положение Китая, повысило его престиж на международной арене.

Итоги развития КНР под руководством КПК вызывают растущее внимание политиков и ученых всего мира к истории и опыту КПК в поисках ответов на "старые вопросы" — о причинах ее победы над Гоминьданом в 1949 г., "зигзагов" в ее развитии в период с конца 50-х до конца 70-х годов, а главное — в поисках ответа на вопрос о том, в чем причины того, что партия, которую к началу реформ возглавляло самое старое по возрасту руководство, партия, десятилетиями подвергавшаяся индоктринации в духе ультралевых установок, смогла, как говорят в Китае, "раскрепостить сознание", отбросить прежние догмы, выработать новую платформу своей социально-экономической деятельности и, шаг за шагом углубляя политику реформ, изменить облик всей страны, идеологический и кадровый облик самой партии. Тем самым — и именно это обстоятельство выводит юбилей КПК за рамки событий чисто китайского значения — она показала несостоятельность утверждений, что

Григорьев Александр Миронович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН, главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Титаренко Михаил Леонтьевич, член-корреспондент РАН, профессор, директор ИДВ РАН.

“коммунистические режимы” и коммунистические партии не обладают потенциями к самореформированию.

В рамках журнальной статьи, опираясь на исследования истории КПК и ее деятельности в нашей стране и за рубежом, попытаемся наметить некоторые подходы к ответу на сложный вопрос о факторах, определивших самореформирование КПК.

Прежде всего следует подчеркнуть, что КПК, обладая многими сходными с другими компартиями чертами идейно-теоретической платформы и организационной структуры, в то же время имела ряд существенных особенностей, сформировавшихся в ходе длительного процесса ее развития.

Существенной особенностью КПК и важным источником ее потенций самореформирования был ее богатый и разнообразный опыт. КПК получила опыт работы в легальных и нелегальных условиях, опыт межпартийного сотрудничества в рамках единых национальных фронтов с Гоминьданом в 1923-1927 гг. и в 1937-1945 гг. Следует особо подчеркнуть, что еще до победы в 1949 г. КПК была единственной (кроме КПСС) компартией, которая в период создания советских территориальных баз 1927-1937 гг., а затем в Особом районе, в антияпонских базах и освобожденных районах приобрела опыт деятельности правящей партии. В годы работы в деревне, где создавались опорные базы партии, КПК, как никакая другая партия в Китае, получила уникальные знания о жизни и чаяниях китайского крестьянства, составлявшего 90% населения страны. Выработанная в результате многолетних поисков политика в отношении различных социальных слоев китайского крестьянства, которое КПК считало своей опорой, стала одним из важнейших факторов, определивших победу КПК над Гоминьданом. Опираясь на деревню, Компартия Китая создала собственные вооруженные силы, которые на заключительном этапе гражданской войны 1946-1949 гг. по своим боевым и морально-политическим качествам превосходили силы противника.

В течение 22 лет до победы в 1949 г., когда КПК создавала свои вооруженные силы и вела вооруженную борьбу, сама партия развивалась преимущественно на основе военных и партизанских формирований. Большинство ее руководителей всех рангов, возглавлявших различные органы власти в опорных базах, были одновременно командирами и (или) политкомиссарами воинских соединений. Фактически с конца 20-х — начала 30-х годов и до создания КНР КПК развивалась как высокополитизированная военно-политическая организация. Эта особенность ее организации, в которой сочетались партийная и военная дисциплина, подчиненные единой воле и цели, выгодно отличала ее от других политических и военных организаций и группировок Китая, рыхлых и аморфных по преимуществу, и стала еще одним фактором, определившим ее победу в 1949 г.

Известно, что сильные стороны субъектов политического действия, эффективные в одних исторических обстоятельствах, превращаются в недостатки в других условиях. Хотя в КПК на всех этапах ее развития, особенно начиная с периода единого национального антияпонского фронта, пришло значительное число видных общественных и политических деятелей, деятелей науки и культуры, большие группы городской интеллигенции и учащейся молодежи — активистов патриотических движений и организаций, основная масса кадров партии всех эшелонов опиралась прежде всего на опыт военно-партизанской, мобилизационной деятельности. Объективные условия ее работы в чрезвычайных обстоятельствах войны тормозили освоение демократиче-

ских процедур решения политических, экономических и других вопросов. Кроме того, деятельность КПК вплоть до конца 40-х годов развертывалась, главным образом, в отсталых сельских районах. Низкий уровень культуры основных масс населения, демонстрировавших видимость подчинения всем властям и особенно "человеку с ружьем", порождал и укреплял веру в возможность "быстрого" решения всех проблем военно-приказными методами. Именно на базе этого опыта сформировались широкие слои руководителей КПК всех эшелонов, которые и в новых условиях после создания КНР пытались использовать различные варианты форсированного развития, внедрять военноказарменные схемы, наиболее одиозными примерами которых были "большой скачок" и "культурная революция".

В то же время следует указать, что в 40-е годы в КПК на основе концепции "новой демократии" велась разработка иной модели развития страны, отдельные элементы которой применялись на практике в первой половине 50-х годов, когда КПК активно использовала для восстановления народного хозяйства и его развития возможности многоукладной, смешанной экономики. Следует отметить также, что в 1957 г. после форсированной коллективизации деревни и во время "урегулирования", то есть исправления последствий "большого скачка" в первой половине 60-х гг., КПК возвращалась к практике и опыту организации сельского хозяйства начала 50-х гг., когда основной "хозяйственной единицей" был крестьянский двор, а формами объединения коллективных усилий крестьян были группы или бригады взаимопомощи. Как известно, именно на опыте доведения заданий сначала до бригады, а затем и до отдельного двора, применявшемся в годы "урегулирования", базировались первые шаги политики реформ в деревне в конце 70-х — начале 80-х годов.

Большое влияние на опыт КПК и результаты ее деятельности оказывали ее взаимоотношения с КПСС, положение Компартии Китая до самороспуска Коминтерна в 1943 г. как его секции. Известно, что помощь КПСС и Коминтерна ускорили создание КПК и обеспечили ее превращение уже в 20-е годы в заметную политическую силу. Ошибочные установки Коминтерна и ВКП(б) в подходе к задачам национальной революции в Китае 1925-1927 гг., левацкие тенденции в самой молодой КПК определили ее поражение в 1927 г. и левацко-сектантский курс партии в годы советского движения (1927-1937 гг.), обернувшийся утратой почти всех партийных организаций в городах и тяжелыми потерями Красной армии, вынужденной перейти в отдаленные районы на северо-западе страны.

Пересмотр этого курса в период VII конгресса Коминтерна (1935 г.), движение тактики единого национального антияпонского фронта, помощь КПК со стороны Коминтерна и ВКП(б) в осуществлении этого курса позволили партии уже к концу 30-х годов стать крупной политической силой, обладавшей растущим влиянием в общенациональном масштабе. Известно также, что материальная и политическая помощь КПСС сыграла существенную роль в развертывании успешной борьбы китайских коммунистов против Гоминьдана на заключительном этапе гражданской войны в Китае в 1946-1949 гг.

Менее изучен и до сих пор является предметом дискуссий, сопровождающихся нередко спекуляциями с политическим подтекстом, вопрос о влиянии КПСС на внутренние процессы в КПК до 1949 г., на принятие ею в 50-е годы решений по ряду крупных вопросов политики, оказавших негативное влияние на ход событий в КНР. К сожалению, отголоски концепций, авторы которых возлагают ответственность за все трудности и просчеты КПК на Ко-

минтерн и КПСС, на кадры руководителей КПК, получивших образование и подготовку в учебных заведениях СССР и Коминтерна, встречаются до сих пор и в КНР, где в целом с начала 80-х годов освещение этих вопросов становится более объективным, свободным от влияния политической конъюнктуры.

Пропаганда и усиленное внедрение в практику деятельности компартий опыта КПСС, как известно, осуществлялись в рамках политики "большевизации" партий Коминтерна, развернувшейся с середины 20-х годов. Ее результаты для КПК оказались неоднозначными. С одной стороны, КПК освоила многие стороны дореволюционной деятельности КПСС: опыт сочетания легальной и нелегальной работы, опыт построения и взаимодействия номенклатуры ("ганьбу чжиду") и низовых ячеек, организации контрольных органов, стройной системы политработы в армии, опыт взаимодействия партии с молодежными, женскими и другими организациями. Это обстоятельство в огромной мере способствовало созданию в КПК, отсутствовавшей вплоть до 30-х годов стройной организационной системы, также во многом определившей ее победу. С другой стороны, под лозунгом "большевизации" насаждалась идея необходимости постоянной борьбы с "левыми" и "правыми" уклонами как важнейшего условия "большевизации", побуждавшая партию выискивать в духе "борьбы линий" своих действительных либо мнимых "меньшевиков", троцкистов. По образу КПСС, внедрялась идеология и практика культа личности, атмосфера нетерпимости к инакомыслящим, практика массовых "чисток" и зачисления несогласных либо подозреваемых в этом в категорию "врагов", шпионов и т.п. со всеми вытекающими из этого последствиями.

Хотя после своего VII конгресса Коминтерн принял и проводил курс на предоставление партиям большей самостоятельности в организационной жизни, а нападение гитлеровской Германии на СССР, а затем и роспуск Коминтерна предоставили КПК новые возможности в этом отношении, "родимые пятна" политики "большевизации" продолжали давать о себе знать.

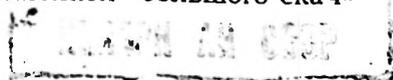
В Компартии Китая, в частности, установки "большевизации" в силу ее состава, общего низкого уровня теоретической подготовки кадров, влияния патриархальщины в партии, в питавшей и окружавшей ее социальной среде оказались особенно "прилипчивы", что выразилось в практике создания культа собственного вождя, крайностях и ошибках различных "кампаний за исправление стиля работы партии" и других идейно-политических кампаний, перераставших часто в массовые чистки и репрессии. Эти "родимые пятна" с заметной "китайской спецификой" сохранились в КПК и после 1949 г. и, развившись на собственной почве, дали о себе знать в периоды различных идейно-политических кампаний 50-60-х годов и особенно в период "культурной революции".

В зарубежной, в том числе и в китайской литературе о советско-китайских отношениях, высказывалось мнение, что ряд решений, определивших форсирование социально-экономических преобразований в Китае в 50-е годы (свертывание в 1953 г. политики "новой демократии", форсированные коллективизация и преобразования частной промышленности и торговли в 1955-1956 гг.) были связаны с прямым давлением Москвы и (или) влиянием советской модели ускоренной индустриализации, коллективизации и т.п. Высказывалось также мнение, что на выдвижение в Китае лозунгов "перегнать Англию, догнать США" и даже курса "большого скачка" большое влияние оказала выдвинутая Н.С. Хрущевым в 1957 г. установка догнать за три года США по производству ряда основных сельскохозяйственных продуктов.

Несомненно, советская модель оказывала прямое влияние на политику руководства КНР вплоть до завершения в 1957 г. первой пятилетки, когда в Китае работа по созданию новой администрации, системы управления народным хозяйством, основ современной индустрии, науки и высшего образования и т.п. проводилась под лозунгом "учиться у СССР" и при помощи советских советников. В огромной мере именно этим влиянием объясняется принятие в Китае стратегии (модели) догоняющего развития, курса на ускоренную индустриализацию с упором на тяжелую промышленность. Более того, представляется, что советская модель продолжала оказывать влияние на КНР и после снятия лозунга "учиться у СССР". Сторонники "скачковых методов" и форсирования социально-экономических преобразований видели в ней, как говорят в Китае, "учителя наоборот": свои схемы они пытались разрабатывать с учетом советского опыта по принципу "от противного". Критики политики "большого скачка", напротив, практически до начала 80-х годов считали годы первой пятилетки "золотым веком" КНР. Следует также иметь в виду, что модель "догоняющей" индустриализации с упором на развитие тяжелой промышленности считалась оптимальной вообще в мировой экономической науке в первые десятилетия после Второй мировой войны. Ее приняла в 50-е годы Индия и ряд других развивающихся стран, руководство которых трудно заподозрить в уступках "давлению" СССР.

Исследования последних лет, основанные на материалах архивов бывших СССР и КПСС и документах КПК, показывают, что КПСС не имела отношения к "свертыванию" политики "новой демократии". Руководство КПК уже в конце 1948 — начале 1949 г. самостоятельно приняло ряд решений, означавших пересмотр прежних трактовок "новой демократии". Решения Политбюро ЦК КПК в сентябре 1948 г., а затем II пленума ЦК КПК (март 1949 г.) означали, что, сохраняя на некоторое время это название для новой политико-экономической системы, которую намечала создать КПК после близящейся победы, руководство партии отказалось от идеи длительного сотрудничества с национальным капиталом, включавшим политику содействия его развитию и привлечения его представителей в органы власти². (На VII съезде КПК в 1945 г. Мао Цзэдун, разъясняя именно таким образом содержание "новодемократической политики", говорил, что она останется неизменной в течение весьма длительного периода после установления новой власти, возможно, в течение нескольких десятков лет³.) II пленум ЦК КПК взял курс на ускоренный переход к социализму и создание режима диктатуры пролетариата, в рамках которого установку на длительное сотрудничество заменила тактика временного использования национального капитала. Эти установки расходились с рекомендациями И.В. Сталина, который, в частности, в телеграмме Мао Цзэдуну в апреле 1948 г. высказывал мнение, что "...китайское правительство после победы национально-освободительных армий Китая будет, по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим"⁴.

Нет свидетельств и того, что было какое-либо давление Москвы, побудившее руководство КПК форсировать коллективизацию и фактическую национализацию частной промышленности и торговли. Напротив, известно, что Москва с одобрением восприняла положения "генеральной линии" КПК 1953 г., по которым коллективизацию намечалось провести в течение примерно трех пятилеток. Нет (во всяком случае пока) и свидетельств прямой связи между "скачковыми" призывами Н.С. Хрущева в 1957 г. и политикой "большого скач-

ка" в Китае. Представляется, что это — скорее совпадение, отразившее близость менталитета тогдашних лидеров КПСС и КПК, серьезно грешивших волюнтаризмом. Кроме того, призыв Хрущева к ускорению развития сельскохозяйственного производства несопоставим в политикой "большого скачка", включавшей не только задачи ускорения производства в городе и деревне, но и радикальное изменение формы собственности на селе и идею ускоренного перехода к коммунизму.

К середине 50-х гг., когда КПК заняла в неписанном "табеле о рангах" компартий второе место после КПСС, оценки тех или иных шагов и решений одной из партий со стороны другой стали важным фактором укрепления авторитета руководства каждой из них в своей стране и на международной арене. Именно этим можно объяснить остроту реакции Мао Цзэдуна и его сторонников на негативное отношение руководства КПСС к политике "большого скачка", ставшую, на наш взгляд, одной из главных причин обострения отношений между КПК и КПСС, переросшего вскоре в острую полемику.

В литературе об отношениях между КПСС и КПК, как правило, внимание концентрируется на воздействии КПСС на КПК. Однако с середины 50-х гг. в сфере идейно-политической весьма ощутимым стало и влияние КПК на КПСС. Так, после XX съезда КПСС позиция руководства КПК по вопросу об оценке И.В. Сталина, отраженная в известных редакционных статьях газеты "Жэньминь жибао" об диктатуре пролетариата, оказала тормозящее влияние на процесс десталинизации в КПСС и подтолкнула выступление против этого курса так называемой "антипартийной группы Маленкова, Молотова и Кагановича" летом 1957 г.

Вместе с тем широкие слои членов партии и интеллигенции в СССР позитивно оценили развернутую в 1956 г. в КНР кампанию "пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ", рассчитывая, что этот призыв к плюрализму в сфере культуры и науки побудит вступить на этот путь и руководство КПСС⁵.

Росту авторитета и влияния КПК в КПСС и коммунистическом движении способствовало обнародование в 1957 г. известной работы Мао Цзэдуна о противоречиях, в которой говорилось о необходимости различать и по-разному разрешать антагонистические и неантагонистические противоречия в обществе. На фоне расхриставшейся по миру после XX съезда КПСС информации о масштабах сталинского террора положения работы Мао Цзэдуна воспринимались прежде всего как осуждение политики репрессий в отношении инакомыслящих⁶.

Вопрос о взаимовлиянии партий в период длительной, так называемой "полемики" — публичного обмена тяжелыми политическими обвинениями, переросшего в конце 60-х годов в военно-политическое противостояние между СССР и КНР, — не поддается краткой и однозначной оценке. Следует отметить, что несмотря на наличие многочисленных описаний хода этой "полемики", сопровождающихся попытками выявить ее причины и определить ответственность сторон за ее развертывание, отмеченный вопрос практически не затрагивается в соответствующей литературе и еще ждет своего исследователя. Не ставя целью в данной статье вступать в дискуссию о причинах "полемики" и ответственности сторон, укажем лишь, что нам ближе точка зрения, которую высказывают по этим вопросам и ряд авторитетных ученых КНР, а именно, что главной причиной такого развития событий стал поворот в конце 50-х годов Мао Цзэдуна и его сторонников к политике "большого скачка" и сопровождавшие ее претензии на "единственно правильное" истолкова-

ние ленинизма, путей строительства социализма и коммунизма, политики всего коммунистического движения по вопросам мира, войны и революции.

Обращение авторов к этой теме продиктовано не стремлением ворошить становящееся все более далеким прошлое, а желанием привлечь внимание авторов, продолжающих разработку этой темы, к урокам этой "полемики". При всех расхождениях в вопросе о причинах и ответственности той или иной стороны за длительную полосу противостояния все авторы, пишущие на эту тему, сходятся в одном: конфликт нанес тяжелый ущерб каждой из партий и стран, привел к бесполезной растрате громадных ресурсов, которые могли быть использованы для решения острых социально-экономических и других проблем обеих стран в эпоху, когда наиболее развитые страны мира осуществляли новый этап научно-технической революции, с удовлетворением и злорадством взирая с вершины своего развития на "борьбу двух тигров".

Но, по нашему мнению, ущерб этот не сводился лишь к растрате материальных ресурсов. Огромный ущерб, неизмеримый в рублях или юанях был нанесен делу развития Китая и СССР. История не знает сослагательного наклонения, но ученые вправе рассмотреть альтернативные варианты развития. Что было бы например, если бы в результате нормальной и спокойной дискуссии Мао Цзэдун прислушался к голосам разума в своей партии и к критике КПСС и отказался от продолжения политики в духе "большого скачка" и, скажем, поддержал бы "косыгинские реформы" в СССР и сходный курс в Китае? Может быть, Китай перешел бы к политике реформ, минуя ужасы "культурной революции", а КПСС и СССР, своевременно вступив на путь реформ и углубляя их, избежали бы своей нынешней судьбы? Какова была бы тогда и общая картина мира? Конечно, тогда подобного не могло быть в силу объективного и субъективного состояния КПСС и КПК. Но если подобный "сценарий" развития событий прочесть как "воспоминание о будущем", социалистически ориентированный политик или ученый, возможно, найдет в этой "исторической фантастике" и реально-практический смысл.

Но вернемся к основной теме. Другой важной особенностью КПК был выработанный в конце 30-х годов принцип сочетания общей теории — основы деятельности всех компартий — с практикой китайской революции, включавший требование проверки любых истин фактами, результатами практической деятельности, что означало и ориентацию на учет особых условий Китая. Впервые в КПК этот принцип нашел выражение в требовании "китаизации марксизма", выдвинутом Мао Цзэдуном в 1938 г. и усиленно пропагандировавшимся в ходе "кампании исправления стиля работы партии", проходившей в 1941-1944 гг.

Нет необходимости доказывать, что применение марксизма (как и всякой другой теории общественного развития) в каждой стране требует осмысления ее истории и реалий с позиций этой теории, разработки дополнительного понятийного аппарата с учетом ее особенностей и на этой основе выработки стратегии и тактики решения объективно назревших национальных задач. Именно это имел в виду В.И. Ленин, когда, обращаясь к коммунистам стран Востока, говорил о необходимости "перевести" общую теорию марксизма "на национальные языки". Выполнение этой задачи, требовавшее глубокого освоения марксизма и адекватных представлений о национальных реалиях, было сопряжено с большими трудностями и в Коминтерне, и в КПК. Серьезным препятствием была слабая изученность политической и социально-экономической структуры Китая, характера и влияния традиционной культуры и т.п. До-

статочно сказать, что дискуссии о природе китайского общества, структуре, характере и роли основных классов и социальных слоев города и деревни продолжаются до сих пор. В самой КПК наряду с этим в течение длительного периода при разработке адекватного реалиям политического курса сказывалась недостаточная теоретическая подготовка основной массы ее лидеров и теоретиков, частично компенсировавшаяся практическим опытом деятельности партии, анализ которого в Коминтерне и в самой КПК значительно ускорял освоение проблем Китая. В этих условиях в 20-е годы на подходы к этим проблемам в политических и научных учреждениях ВКП(б) и Коминтерна, определявших вплоть до конца 30-х годов основные направления политики КПК, большое влияние оказывал опыт российских революций. Внешнее сходство некоторых форм политических и социальных движений в городе и деревне Китая с российскими толкало к широкому применению метода аналогии, как известно, весьма ненадежного. В дискуссиях и политических документах о Китае в 20-е годы в выступлениях руководителей ВКП(б), Коминтерна и КПК постоянно встречались оценки "китайский 1905 год", "китайский 1917-й", сравнения политических деятелей Китая, например Чан Кайши, с Керенским и т.п. По аналогии с Россией руководители Коминтерна считали, что в Китае назрела и возможна спонтанная аграрно-крестьянская революция, и на этой основе разрабатывали политику КПК на заключительном этапе революции 1925-1927 гг. и в период советского движения⁷. К концу 20-х — началу 30-х годов некоторые руководители Коминтерна (Н.И. Бухарин), отдельные работники коминтерновского НИИ по Китаю и некоторые руководители КПК, столкнувшись с "нерусским" поведением китайской деревни (отсутствие стихийной борьбы за землю, нежелание основных слоев трудового крестьянства идти в Красную армию Китая и вследствие этого преобладание в ней на первых порах не "крестьян в солдатских шинелях", как в России, а пауперов, люмпенов и выходцев из наемных войск местных милитаристов), начали осознавать серьезные отличия реалий китайской деревни от российской. Частично это нашло отражение в решениях проходившего в Москве под эгидой ИККИ VI съезда КПК. Но нарастающая в Коминтерне тенденция абсолютизации российского опыта в сочетании с усилением догматизма и упрощенчества в теории, сопровождавших создание режима культа личности Сталина, остановили этот процесс и задержали пересмотр левацко-сектантского курса, приведшего к тяжелым поражениям КПК в середине 30-х годов.

Именно уроки этих поражений, а также стремление обрести большую самостоятельность при выработке курса КПК определили выдвигание Мао Цзэдуном идеи соединения марксизма с практикой китайской революции в форме призыва к "китаизации марксизма". Как отмечалось выше, пропаганда этих установок заняла одно из ведущих мест в "кампании исправления стиля", где она сочеталась с осуждением догматизма и сектантства, с настоятельными призывами "искать истину в фактах".

Известно, что эта кампания ставила и другие цели, а именно: обеспечить идейное, политическое и организационное единство партии на основе политической линии и установок, получивших название "идеи Мао Цзэдуна", которые в уставе КПК, принятом на ее VII съезде (1945 г.), были объявлены идейно-теоретической основой деятельности партии. Другим итогом кампании было формирование обновленного руководства КПК, неоспоримым лидером которого и "вождем" партии (на манер положения И.В. Сталина в КПСС) стал Мао Цзэдун. Освобождение от догм Коминтерна и влияния опыта КПСС тогда

было относительным. Достаточно сказать, что творческому подходу к марксизму и борьбе с догматизмом участники кампании учились по материалам, в списке которых на первом месте стоял сталинский “Краткий курс истории ВКП(б)”. Но независимо от этого и от результатов кампании положение о соединении теории с практикой китайской революции вошло в арсенал операционных понятий КПК. “Слово было сказано”. Следует отметить, что в рамках такого подхода КПК тогда получила два реальных приобретения. Одно из них — уже упоминавшаяся “теория новой демократии”. Другим самостоятельным шагом, отвечавшим условиям Китая, была серия решений конца 30-х годов по вопросам партийного строительства, в частности, о приеме в КПК “передовых элементов” независимо от социального происхождения и положения с их последующей закалкой в “плавильной печи” — в партии⁸. Это был прямой пересмотр нереальной в условиях Китая догматической установки Коминтерна, согласно которой КПК “должна стать пролетарской партией не только по своей политической линии, но и по своему составу и роли рабочих во всех ее руководящих органах”⁹.

В годы первой пятилетки (1953-1957 гг.), несмотря на лозунг “учиться у СССР”, лидеры КПК с учетом негативного опыта СССР (товарный голод в результате национализации частной промышленности, падение с.-х. производства вследствие ускоренной коллективизации и политики “раскулачивания”) отказались от массовых репрессий против “богатых крестьян” и даже против мелких помещиков. При фактической национализации частной промышленности и торговли была использована форма частичной компенсации — выкупа в виде фиксированного процента от стоимости предприятий. Тогда же были сделаны первые шаги в использовании такой особенности Китая, как стремление богатой и влиятельной китайской диаспоры сохранить связи с Родиной.

Повседневная деятельность правящей партии давала все больше данных для освоения реалий и особенностей страны. Уникальную информацию приносили введенные в практику органов партии обследования ситуации на местах. Но по мере того, как “китаизированный марксизм” все более и более отрывался от практики, все менее и менее зависел от “поиска истины в фактах”, начинало действовать правило “тем хуже для фактов” (и для тех, кто собирал и докладывал факты, ставившие под сомнение политику руководства).

В годы “большого скачка” и “культурной революции” нарушение принципа соединения общей теории с конкретной практикой, отрыв “китаизированного марксизма”, подменившего общую теорию, от реальной жизни стали вопиющими. Попытки “доказать” соответствие теоретических основ проводившейся политики практике реальной жизни выливались в расширение масштабов духовного и физического насилия над партией и всей страной. Практика “теории продолжения революции при диктатуре пролетариата”, призванная навязать партии и стране утопическую, военно-казарменную схему привела и партию, и страну на грань катастрофы. Все те в партии и народе, кто сохранил или приобрел на горьком опыте чувство реальности или, как говорят в Китае, “реалистический подход”, в той или иной мере сознавали, что спасти партию и страну от катастрофы может лишь разрыв с порочной политикой, возврат к реализации принципа соединения теории с практикой не на словах, а на деле. К счастью для Компартии Китая и КНР, такие люди сохранились в различных эшелонах руководства страны, в том числе в ее высшем руководстве, что позволило в относительно короткие сроки и относительно безболезненно отказаться от прежнего курса, развернуть такую большую партию, как

КПК, и такую громадную страну, как Китай, на путь реформ. Другими словами, наличие в партии группы авторитетных лидеров, аккумулировавших разнообразный опыт ее деятельности, сумевших трезво оценить обстановку и принять смелые решения, было еще одним фактором определившим поворот в политике КПК.

Признанным лидером этой группы руководителей, прошедших с партией все этапы ее развития, лидером, чье видение Китая и мира с годами не притупилось, а стало еще более острым, был “архитектор реформ” Дэн Сяопин. В эту же когорту руководителей КНР, сыгравших (при всех различиях в их взглядах на степень радикализма и темпы изменений) важную роль в повороте партии к политике реформ, входили такие многоопытные, как говорят в Китае, “представители старшего поколения руководителей” как Чэнь Юнь, Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, Ли Вэйхань и др., их более молодые соратники Ху Яобан, Вань Ли, Яо Илинь, Чжао Цзыян, Ли Пэн и другие. Их деятельность и результаты реформ определили стратегическое направление и новые задачи политики преобразований, которые решает сложившийся уже в ходе реформ новый, третий эшелон руководителей КПК и КНР, возглавляемый Цзян Цзэминем и Чжу Жунцзи.

Важным фактором успешного перехода КПК к политике реформ было свойственное китайским коммунистам сочетание патриотизма, стремления создать независимый и сильный Китай с ориентацией на учет и обеспечение интересов основных слоев трудящихся страны. Стремление вывести страну из состояния национального унижения, обеспечить ее национальную независимость на всех этапах развития КПК привлекало в ее ряды патриотов страны из самых разных слоев населения. Стремление учесть и обеспечить национальные интересы страны отличало китайских коммунистов, в том числе и основную массу кадровых работников КПК — “ганьбу”, “номенклатуру”, от номенклатуры партийно-государственного аппарата других правящих компартий, в том числе КПСС. Таковы выводы ряда авторов, занимавшихся сравнительным исследованием “коммунистических элит”.

Думается, что к особенностям КПК и менталитета ее руководства, оказавшим влияние на поиск путей преобразований, на обновление моделей реформ, следует добавить и влияние традиционной культуры Китая, его политической культуры. Известный призыв к коммунистам “учиться” в духе традиционного, идущего еще от Конфуция отношения к знанию, воспринимался в Китае не только как путь к карьере, но и как необходимость овладения знаниями, истиной как одной из высших человеческих ценностей самой по себе. Пожалуй, наряду с другими факторами, эта ценностная установка поможет объяснить такой редкий феномен, когда самое старое среди всех компартий по возрасту высшее китайское руководство пошло на пересмотр политики, к проведению которой оно само было в той или иной мере причастно.

Отношение к знанию, к науке, не показное, а подлинно заинтересованное, демонстрирует и сложившееся в КНР в годы реформ (хотя и не без трудностей) деловое сотрудничество руководства партии и государства с различными научными учреждениями. С первых шагов реформы “мозговые тресты”, созданные под эгидой председателей партии и премьеров Госсовета при различных ведомствах для разработки проектов и рекомендаций проведения различных направлений реформы, целевые научные группы в Академии наук Китая в центре и провинциях обеспечивались реальной информацией о положении дел, средствами для проведения общенациональных и локальных об-

следований (в отличие, например, от ученых-экономистов бывшего СССР, которые имели в своем распоряжении известную своей "правдивостью" и "лукавыми цифрами" информацию ЦСУ, на которую они в основном могли опираться, когда кому-либо в руководстве КПСС приходило в голову "посоветоваться с наукой").

Столкнувшись в начале реформ с той же ситуацией в научных учреждениях, которую наша страна без видимых надежд на перемены переживает уже десятилетие, а именно с оттоком научной молодежи на заработки в частные фирмы, смешанные и иностранные компании из-за низкой зарплаты в результате недофинансирования науки, китайское руководство, поощряя поиск научными центрами и внебюджетных источников средств, пошло, несмотря на напряженность госбюджета, на значительное увеличение государственных расходов на поддержку науки, в том числе и фундаментальной. Сегодня оплата труда ученых средней и высшей квалификации в Китае сопоставима, а в ряде случаев и выше зарплаты партийных работников и государственных служащих высоких рангов (200-250 долл. США в месяц); зарплата профессуры в крупных вузах еще выше. Значительно повышены зарплаты младшего научного персонала и стипендии аспирантам. В результате вновь усилился приток в науку молодежи, желающие поступить в аспирантуру проходят жесткий конкурс.

Поощрение интереса к новому, к различным научным и политическим течениям в мире наглядно демонстрирует список переводов зарубежной литературы в КНР в годы реформ. В библиотеках, на полках книжных магазинов можно найти переводы трудов крупнейших ученых мира — специалистов во всех областях знания, доклады Всемирного банка и т.п., труды зарубежных экспертов по Китаю, содержащие и негативные оценки политики КНР. Публикация этих переводов, и притом с завидной скоростью, осуществляется центральными и местными издательствами, деятельность которых контролируется партийными органами.

Большой интерес вызывает в партийных и научных кругах литература о причинах коллапса КПСС и распада СССР, в которых китайское руководство увидело серьезное предупреждение. В Китае изданы книги М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и о них самих, опубликованы мемуары многих видных деятелей КПСС и СССР, консультантов ЦК КПСС и плодовитых лидеров новой России из числа бывших партийных пропагандистов, которые в своих рассказах о том, "как это было", как известно, оказались "крепки задним умом" и объясняют все, что случилось либо тем, что они вели дело к этому сознательно, либо тем, что "к ним не прислушались".

К проявлениям влияния на курс реформ других элементов китайской политической культуры, пожалуй, можно отнести установку на всемерное обеспечение стабильности в стране, стремление гармонизировать противоречивые интересы, принятие решений в духе "золотой середины", исключающих столкновения в партии, в обществе "стенка на стенку".

Перефразируя известную мысль В.И.Ленина о причинах распространения марксизма в России, можно сказать, что КПК и народ Китая "выстрадали" политику реформ. Они прошли через "большой скачок" и "культурную революцию" — события, нанесшие стране огромный урон, надолго задержавшие ее развитие. В "культурной революции" под ударом оказалась сама партия, многие ее видные руководители погибли, а из оставшихся в живых также многие оказались перед последней чертой в жизни. Каждый такой эксперимент над страной, в котором росло число жертв экономических

потрясений и политических кампаний, увеличивал в партии и вне ее число людей, которые на собственном опыте убеждались в той или иной мере в ошибочности "руководящей линии". Люди, прошедшие созданные в годы "культурной революции" идеологические "концентрационные лагеря", так называемые "школы 7 мая", где кадры партии, научные работники и преподаватели вузов должны были сочетать занятия физическим трудом с изучением работ Мао Цзэдуна и его очередных "высших указаний", как рассказывали нам наши китайские друзья и знакомые, выходили из них с чувством напрасно потраченной жизни, с сознанием, что так больше жить нельзя, что страна остается нищей и безнадежно отстает не только от развитых стран, но и от своих восточноазиатских соседей.

Показательно, что одной из первых акций Дэн Сяопина, возвращенного во власть после опалы в годы "культурной революции", было выдвижение лозунга "четырёх модернизаций". Даже сменивший Мао Цзэдуна Хуа Гофэн, не имея решимости отказаться от "теории продолжения революции при диктатуре пролетариата", хотел "соединить" эту "теорию" с планом "четырёх модернизаций".

Еще более резко и открыто нарастали настроения протеста среди населения. Несмотря на репрессии, еще при жизни Мао Цзэдуна эти настроения прорвались в известной стихийной и невиданно массовой демонстрации в апреле 1976 г. на площади Тяньаньмэнь, в ходе которой Цзян Цин (жену и "ближайшего соратника вождя"!) сравнивали с символом жестокости и реакционности старого Китая — императрицей Цы Си.

После смерти Мао, когда стало ясно, что сменившее его руководство не желает решительно расставаться с его наследием, эти протестные настроения приняли форму четких политических требований — реабилитации жертв "культурной революции" и участников демонстрации на площади Тяньаньмэнь, решительного осуждения и пересмотра прежнего курса и изменения режима, появившихся в "дацзыбао" на стихийно возникшей "стене демократии" в центре Пекина и в статьях, росших как грибы после дождя, неофициальных, "самиздатовских" изданий. Информация о требованиях на "стене демократии", организованная сторонниками решительного пересмотра прежнего курса для участников рабочего совещания ЦК КПК (ноябрь-декабрь 1978 г.), в огромной мере создала перелом в его работе и определила политические и кадровые решения последовавшего за ним в середине декабря переломного III пленума ЦК КПК 11-го созыва, открывшего путь к политике реформ. Именно на "стене демократии" впервые открыто прозвучала оценка прежнего режима как "феодално-фашистской диктатуры", которая позже была повторена в официальном докладе по случаю 30-летия КНР.

В то же время сказанное выше о потенциалах и факторах, определивших переход КПК к реформам, отнюдь не означает, что этот переход был фатально неизбежным. Потенци в истории, как известно, реализуются отнюдь не автоматически. Сегодня трудно представить, что было с КПК и КНР, если бы Дэн Сяопин, Чэн Юнь, Ху Яобан и другие инициаторы реформ и их сторонники в центральных органах партийно-политического аппарата Китая и на местах разделили бы судьбы Лю Шаоци, Пэн Дэхуая и ряда других руководителей КНР, погибших в годы "культурной революции".

Отмечая свое 80-летие большими успехами, КПК сталкивается сегодня с новыми вызовами, на которые она ищет адекватные ответы. Эти вызовы — меняющиеся социальный и культурный облики китайского общества, повышение удельного веса в экономике страны негосударственных форм собственно-

сти, громадное усложнение задач руководства становящегося все более сложным и современным народным хозяйством, а также распространение в Китае по мере расширения связей с внешним миром западных ценностных установок и масс-культуры. В этих условиях партия должна учитывать рост требований к профессиональным и морально-политическим качествам своих руководящих кадров и всех коммунистов, к системе работы партии.

Трагедия “культурной революции” побудила часть руководства КПК уже в начале 80-х годов сделать выводы из этих событий, ответить на вопросы об их причинах. Ответ, который дали на эти вопросы Дэн Сяопин и его сторонники, состоял в том, что в самой партии отсутствовал четко прописанный механизм, способный поставить барьер на пути произвола “вождя”, что одним из источников неспособности КПК противостоять режиму культу личности является закостеневшая номенклатура — “ганьбу чжиду”, характеризующаяся пожизненным занятием должностей, продвижением лишь вверх по ступенькам рангов-разрядов, отсутствием четких критериев оценки объема работы, ответственности за ее выполнение, системы отбора и выдвижения руководящих кадров и т.п.

За последние 20 лет в составе кадров КПК в соответствии с принятыми в начале 80-х годов установками на омоложение, повышение профессионального уровня и “революционизацию” кадров, под которой понималась прежде всего активная поддержка политики реформ, произошли серьезные изменения.

По информации агентства Синьхуа на начало июня с.г., из 64,5 млн. членов КПК возраст 30 млн. коммунистов не превышает 45 лет. Это значит, что почти половина членов партии родились и вступили в нее после 1949 г. По данным Организационного отдела ЦК КПК на июль 1997 г., почти 43,5% коммунистов имели образование в объеме средней школы высшей ступени и выше, при этом такое образование имели свыше 70% новых членов партии, т.е. принятых в партию после XIV съезда (сентябрь 1992 г.)¹⁰. В действующем ныне составе ЦК КПК, избранном на XV съезде (сентябрь 1997 г.), средний возраст его членов — 55,9 года; 92,4% членов и кандидатов в члены ЦК имеют высшее и специальное образование¹¹.

В период созыва XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.) в партийных органах провинциального уровня, большинство руководителей которых избирались в состав членов и кандидатов в члены ЦК КПК, высшее образование имели около 16% руководящих работников¹². В настоящее время высшее образование имеют все руководящие работники органов партии уровня провинции и выше. В составе партии возрос удельный вес представителей интеллигенции и студенчества. По данным на середину 1983 г. в партии было 43320 студентов¹³. В настоящее время студентов в партии 210 тыс.¹⁴

В 80-е и 90-е годы в КПК предпринимались меры по развитию внутрипартийной демократии и организации системы подбора и назначения руководящих кадровых работников. В частности, в феврале 1995 г. ЦК КПК принял “Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов”, которое устанавливало критерии оценки выдвигаемых кандидатур. При этом указывалось, что число кандидатов для избрания “обычно должно быть больше числа предполагаемых должностей”. Положение определяло процедуры выдвижения, включавшие так называемые “демократические рекомендации”, то есть рекомендации, предлагавшиеся парткомами, руководством комиссий по проверке дисциплины, народных

судов, прокуратуры, рабочих органов парткомов и правительств соответствующего уровня и общественных организаций. Эти рекомендации предлагалось рассматривать в качестве "одного из важных аргументов", избегая при этом проводить отбор "путем простого голосования". Итоги обсуждения должны были докладываться в вышестоящий партийный орган для утверждения (при этом требовалось "не допускать утечки информации о проработке и обсуждении вопроса о назначении и смещении"), после чего происходила санкционированная вышестоящим органом процедура назначения¹⁵.

Эти меры, наряду с усилением и активизацией работы контрольных органов дали определенные результаты. Вместе с тем, как явствует, в частности, из доклада Цзян Цзэминя на торжественном собрании 1 июля этого года по случаю 80-летия со дня создания КПК, процедуры учета вышестоящими органами партии мнений нижестоящих органов и рядовых коммунистов, процессы информирования коммунистов о положении в партии и деятельности руководящих кадров, организация коллегиальных обсуждений и принятия решений, определение обязанностей и ответственности руководителей и формы контроля за их деятельностью недостаточно институализированы. Этот процесс "институционального строительства", говорится в докладе Цзян Цзэминя, "носит радикальный, всеобъемлющий, стабилизирующий и долговременный характер". В докладе говорится также о необходимости "ускорить реформу кадровой системы", усилить научную основу работы партии, расширить демократию в кадровой работе, "реализовать право масс на получение информации, участие в выборах и контроле над кадрами". Предлагается также, "придерживаясь принципов гласности, равенства, конкуренции и отбора лучших", проводить "гласные выборы на основе конкуренции", чтобы усилить активность кадров и не только повышать, но и понижать их по службе. С этой же целью предлагается "усовершенствовать механизм и методы тестирования кадров".

Эти меры отражают стремление руководства КПК полнее учесть новые требования к кадрам партии, восполнить серьезные пробелы и устранить недостатки в организации и функционировании кадровой системы, особенно ощутимые в новых условиях.

В усилении мер контроля и информации о деятельности руководящих работников различных уровней, руководство КПК видит один из путей преодоления такого тревожного явления, как широкое распространение среди кадров партии различных форм коррупции, которая справедливо рассматривается как опасное явление, чреватое утратой партией влияния в обществе. Известно, что в КНР принимаются радикальные меры — вплоть до расстрелов высокопоставленных коррупционеров — для пресечения этого явления.

В последние годы партией предприняты шаги для того, чтобы стать представителем и выразителем чаяний всех основных слоев китайского народа. Существенным сдвигом в этом направлении был выдвинутый Цзян Цзэминем в начале 2000 г. тезис о том, что партия является представителем "трех" — передовой, прогрессивной культуры, передовых производительных сил и коренных интересов основных слоев китайского общества. Логическим продолжением положения о том, что партия представляет передовые производительные силы стало заявление в цитированном выше докладе Цзян Цзэминя о допустимости приема в партию предпринимателей и лиц с высокими доходами.

Укреплению влияния партии в среде интеллигенции, а через нее на широкие слои учащейся молодежи в большой мере служит фактический плюрализм в изучении и освещении на страницах научной печати важнейших

проблем страны, в том числе и вопросов внутрипартийной жизни истории революции, истории КПК и КНР. Показательно, что вопрос о приеме в партию лиц с высокими доходами открыто обсуждался в печати в течение последнего года. Подход к обсуждению такого рода вопросов определяется формулой, недавно повторенной вице-президентом АОН Китая, директором Института изучения современного Китая Чжу Цзяму на собрании коллектива Института: "В исследованиях не должно быть запретных зон, ограничения могут быть в пропаганде их результатов"¹⁶.

Отказ в 80-е годы руководства КПК от прежнего, полностью негативного отношения к конфуцианству, пользующемуся широким влиянием в Китае, подчеркивание позитивных, прежде всего патриотических черт в суньятсенизме, изучение и пропаганда лучших традиций китайской культуры свидетельствуют о том, как в КНР решается, по сути, проблема формирования национальной идеи, "материальной" основой которой являются успехи в деле превращения страны в современное процветающее государство и в повышении уровня жизни народа. Представляется, что именно в связи с этим процессом в КНР в последние годы активно и с благословления властей обсуждается проблема формирования "нового", "позитивного национализма", который, по мнению большинства участников этого обсуждения, нужен Китаю как "действенная движущая сила в политическом, экономическом и культурном развитии". Авторы материала, подготовленного Отделом идеологии и теории газеты "Чжунго цинняньбао" (Китайская молодежь) под названием "Реалистический ответ и стратегический выбор Китая после драматических перемен в Советском Союзе" призывали к разработке идеологической платформы КПК, основывающейся на лучших традициях китайской культуры и на "новом национализме"¹⁷.

Поставив в центр внимания всего китайского народа цель модернизации Китая, компартия подчинила служению этой цели внешнюю политику КНР. Приоритетной задачей китайской дипломатии является создание и поддержание максимально благоприятных международных условий для реализации долговременной программы модернизации. В первую очередь это означает укрепление международной безопасности и вхождение КНР в мировое сообщество на принципах самостоятельности и независимости, взаимовыгодного сотрудничества. В программной части Устава КПК указывается, что партия считает свои долгом "защищать мир во всем мире", "на основе пяти принципов мирного сосуществования развивать государственные отношения с другими странами мира". На этой основе Китай добился коренного улучшения отношений со всеми соседями, со странами Запада и Востока.

Известно, что поступательно развиваются в последнее два десятилетия и российско-китайские отношения. Эти отношения, двустороннее сотрудничество между нашими странами приняли характер равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Важный импульс наполнению их конкретным содержанием дали состоявшийся в июле 2000 г. официальный визит в Пекин Президента Российской Федерации В.В.Путина и его переговоры с Председателем КНР Цзян Цзэминем. В принятой на встрече в верхах Пекинской декларации говорится о том, что Россия и Китай преисполнены решимости прилагать неустанные усилия для вывода своих взаимоотношений на новый уровень. В июне нынешнего года состоялась встреча президента В.В.Путина с лидером Китая Цзян Цзэминем на Шанхайском совещании руководителей шести стран. Россия и Китай были инициаторами создания

“Шанхайской пятерки” — новой формы многостороннего сотрудничества, которая по решению участников встречи в Шанхае выросли в новую международную структуру — “Шанхайскую организацию сотрудничества”. Крупной вехой на пути дальнейшего расширения и углубления отношений между нашими странами явится официальный визит в Москву Председателя КНР Цзян Цзэминя в июле этого года, в ходе которого предусматривается подписание российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В своем недавнем послании Председателю КНР Цзян Цзэминю Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: “Убежден, что предстоящий в июле с.г. Ваш официальный визит в Российскую Федерацию, которому мы придаем особое значение, выведет отношения между Россией и Китаем на новый уровень”.

1. Обобщенные данные о динамике роста различных отраслей народного хозяйства КНР и благосостояния населения. См.: Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа. (Пер. с кит. яз.). Научный редактор / М.Л.Титаренко. М., 2001.
2. См.: Ян Куйсун. Мао Цзэдун вэйшимо фанци синьминьчжучжуи. Гуаньюй эго мошидэин сян вэньти (Почему Мао Цзэдун отказался от новой демократии. К вопросу о влиянии российской модели) // Цзиньдайши яньцзю. Пекин, 1998. № 2. С. 176-179.
3. См.: Мао Цзэдун цзай цидадэ баогао хэ цзянхуа цзи (Доклад и выступления Мао Цзэдуна на VII съезде КПК) // Пекин, 1995. С. 53-56, 100-101, 126-127.
4. См.: Ледовский А. Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна с И.В.Сталиным // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 121.
5. Поворот от этого лозунга к призывам “выполоть ядовитые травы” в ходе кампании против “правых” в 1957 г., когда лозунг “ста цветов” стал представляться средством “выманить ядовитых змей из их нор” вызвал глубокое разочарование.
6. Амбивалентность содержащихся в той же работе положений о том, что неантагонистические противоречия (“внутри народа”) при определенных условиях могут становиться антагонистическими (между народом и его врагами), в то время не привлекла внимания.
7. Подробнее об этом см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. Ч. 1. Редколлегия: М.Л.Титаренко, М.Лейтнер и др, М., 1999. С. 33-35; 59-69.
8. См., например: Чжунъян гуаньюй далян фачжань данюань дэ цзюеи (Резолюция ЦК КПК о значительном увеличении числа членов партии), 15 марта 1938 г.: Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюяньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1991. Т. 11. С. 466-468.
9. Резолюция Президиума ИККИ о задачах Компартии Китая: Коммунистический интернационал и китайская революция. Документы и материалы. Отв. ред. М.Л.Титаренко. М., 1986. С. 242.
10. Жэньминь жибао. 1997. 18 июля. Авторы выражают благодарность научному сотруднику ИДВ РАН В.И. Антонову за любезно предоставленные материалы о партийном строительстве КПК в годы реформ.
11. Жэньминь жибао. 1997. 19 сентября.
12. Жэньминь жибао. 1983. 30 января.
13. Жэньминь жибао. 1983. 2 июля.
14. ИТАР-ТАСС. 2001. 10 июня.
15. Новое законодательство КНР // Экспресс-информация N 8. ИДВ РАН. М., 1997. С. 25-46.
16. Юань бао (газета Академии [общественных наук Китая]). 2001. 6 мая.
17. Подробно об этом см.: Москалев А. Дискуссии о национализме в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2001. N 3. С. 46-59.

Визит президента Беларуси в Китай: новый этап в развитии двусторонних связей

© 2001

И. Бабак

Развитие всесторонних отношений с Китайской Народной Республикой является одним из основных приоритетов внешней политики Беларуси. В очередной раз это подтвердил визит Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Китай, который состоялся 22-24 апреля 2001 г. по приглашению Председателя КНР Цзян Цзэминя.

В ходе визита прошли переговоры и встречи главы белорусского государства с Председателем КНР Цзян Цзэмином, Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Пэнном, Премьером Государственного совета КНР Чжу Жунцзи.

Результаты визита засвидетельствовали вступление белорусско-китайских связей в новый этап развития.

Наблюдается поступательное повышение уровня политических отношений. Об этом говорит значительная активизация в последние годы контактов на уровне руководителей двух государств.

Только в 2000 г. Заместитель Председателя КНР Ху Цзиньтао и Председатель ПК ВСНП Ли Пэн посетили Беларусь с официальными визитами. Визит А. Лукашенко в Китай стал его четвертой по счету (включая его пребывание в Китае в качестве депутата белорусского парламента) поездкой в эту страну.

Визит Президента Беларуси имел статус государственного, т.е., в соответствии с китайской протокольной практикой являлся высшим по уровню приема зарубежных руководителей.

В ходе визита было передано приглашение Председателю КНР Цзян Цзэминю посетить Республику Беларусь с официальным визитом.

Изменение характера двусторонних отношений нашло свое отражение в подписанной руководителями двух государств Совместной декларации Республики Беларусь и КНР. Так, если в Совместном Белорусско-Китайском заявлении об укреплении всестороннего сотрудничества в XXI веке от 27 июля 2000 г. (принято в ходе визита в Беларусь Заместителя Председателя КНР Ху Цзиньтао) говорится о решимости двух государств «совместными усилиями поднять двусторонние отношения на более высокий уровень в новом веке»¹, то в Совместной декларации Республики Беларусь и КНР указывается, что «углубление белорусско-китайских отношений дружбы и всестороннего сотрудничества, основанных на пяти принципах мирного сосуществования, высоком доверии и взаимодействии, вывод двусторонних отношений на качественно новый уровень — это сделанный Беларусью и Китаем важный выбор, кото-

Бабак Игорь Николаевич, начальник отдела Азии управления Азии и Африки МИД Республики Беларусь.

рый соответствует изменениям международной обстановки в новом веке и отвечает коренным и долгосрочным интересам двух стран»².

Как заявил Председатель КНР Цзян Цзэминь, «обеспечение стабильного развития китайско-белорусских отношений отвечает коренным интересам двух стран».

Председателем КНР были сформулированы принципиальные подходы китайской стороны к развитию отношений с Беларусью: 1. Китай намерен развить с Беларусью долгосрочные, стабильные отношения высокого доверия и всестороннего сотрудничества; 2. Китайская сторона уважает путь развития, избранный белорусским народом, внутреннюю и внешнюю политику Беларуси, поддерживает усилия Республики Беларусь по защите своего суверенитета, решительно выступает против вмешательства иностранных государств во внутренние дела Беларуси под любым предлогом; 3. Необходимо укреплять сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической и других областях, исходя из потребностей каждой из сторон³.

Одним из важных результатов визита стало дальнейшее расширение договорно-правовой базы двусторонних отношений. Были подписаны: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством КНР об охране прав интеллектуальной собственности; Соглашение о сотрудничестве между Национальным банком Республики Беларусь и Народным банком КНР; Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Республики Беларусь и Министерством юстиции КНР и ряд других двусторонних документов.

В ходе переговоров и встреч неоднократно отмечалась активизация конструктивного сотрудничества Беларуси и Китая в международных организациях, основой которого является общность подходов к решению ключевых международных и региональных проблем.

В первую очередь руководителями двух государств было заявлено о поддержке тенденции развития мира в сторону многополярности. Как указывается в Совместной декларации Республики Беларусь и КНР, «формирование многополярного мира отвечает требованиям современности и интересам подавляющего большинства стран и народов мира, способствует сохранению мира и стабильности во всем мире»⁴.

Была подтверждена важность сохранения и соблюдения Договора по ПРО от 1972 г., который, в соответствии с подходами двух стран, является краеугольным камнем глобальной стратегической стабильности и международной безопасности, лежит в основе структуры международных договоренностей о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений и предотвращении распространения оружия массового уничтожения.

Лидеры двух стран констатировали, что создание в нарушение Договора по ПРО национальной системы противоракетной обороны одним из государств-участников договора окажет негативное воздействие на глобальную стратегическую стабильность, на процесс разоружения и усилия международного сообщества по нераспространению оружия массового уничтожения.

Белорусская сторона поддержала позицию Китая, направленную против планов некоторых государств по развертыванию системы противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе и включению китайской провинции Тайвань в систему противоракетной обороны театра военных действий⁵.

Была отмечена важность принятых в 1999 и 2000 гг. Генеральной Ассамблеей ООН резолюций «О сохранении и соблюдении Договора об ограничении систем противоракетной обороны», внесенных совместно Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой.

Во время визита была подтверждена принципиальная позиция Беларуси по «тайваньскому вопросу», которая заключается в том, что в мире существ-

вует только один Китай, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемая часть территории Китая. Белорусская сторона подчеркнула, что тайваньский вопрос является сугубо внутренним делом Китая и выразила поддержку позиции Китая против принятия Тайваня в ООН и другие международные организации, членами которых являются лишь суверенные государства.

Данное заявление белорусской стороны имело особую актуальность на фоне действий новой администрации США, когда 20 апреля 2001 г. была выдана въездная виза в Соединенные Штаты бывшему «президенту» Тайваня Ли Дэньхуэю, а 24 апреля 2001 г. санкционированы поставки на Тайвань новейших американских вооружений⁶.

В свою очередь, китайской стороной было подтверждено уважение избранного белорусским народом пути развития и выражены понимание и поддержка всех усилий Республики Беларусь по защите независимости и государственного суверенитета⁷.

Руководителями Китая была высказана благодарность Беларуси за его поддержку в вопросе соблюдения прав человека в КНР в Комиссии ООН по правам человека в 1996-1997 гг., в период, когда Беларусь являлась членом этой организации. Примечательно, что накануне визита в интервью китайским СМИ А.Г. Лукашенко заявил, что КНР обеспечила реализацию главного права человека, накормив, одев и предоставив работу полутора миллиардам человек. Президент заметил, что в нарушении прав человека на Западе обвиняют и Беларусь, назвав это «стандартной формулой, клише», которое Запад применяет к странам, не вписывающимся в его общие схемы⁸.

В ходе переговоров руководители Беларуси и Китая высказались за усиление эффективности и дееспособности ООН. Стороны убеждены, что место и роль ООН в мире как наиболее универсальной и авторитетной организации, состоящей из суверенных государств, не могут быть подменены никакой другой международной организацией.

Особое значение имело заявление сторон о решительном неприятии попыток вмешательства во внутренние дела суверенных стран под любым предлогом и в противовес целям и принципам Устава ООН.

Актуальность данной проблемы в определенной мере подтверждается событиями, которые имели место накануне визита. Как известно, 1 апреля 2001 г. близ побережья КНР произошло столкновение американского самолета-разведчика с китайским истребителем, что привело к серьезному обострению отношений между США и КНР. В ходе переговоров, связанных с разрешением данного инцидента, китайская сторона выдвинула требование о прекращении полетов американских самолетов вблизи китайского побережья. В Китае поведение США в ходе данного инцидента оценили как вмешательство во внутренние дела КНР и очередное проявление гегемонизма.

Кроме этого, главы двух государств высказались за проведение реформы Совета Безопасности ООН на основе максимально широкого согласия государств-членов ООН по всем вопросам.

Была также подтверждена решимость предпринимать конкретные и эффективные действия по борьбе со всеми формами терроризма, сепаратизма и экстремизма, а также с трансграничной преступностью.

С учетом достигнутого уровня политических отношений, закономерным было заявление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко о поддержке кандидатуры Пекина на право стать местом проведения Олимпийских игр в 2008 г.⁹

Руководители Беларуси и Китая отметили позитивные тенденции в развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

За 2000 г. товарооборот Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой (не включая данные о торговле с Сянганским особым административным районом КНР) возрос более чем в 5,6 раза по сравнению с 1995 г., при этом белорусский экспорт увеличился в 8,5 раз. С 1996 г. Беларусь имеет с Китаем положительное сальдо товарооборота.

Динамика развития торгово-экономических связей, тыс. долл. США

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1995	32 643	15 979	16 664	- 685
1996	99 352	74 165	25 187	48 978
1997	102 256	70 244	32 012	38 232
1998	141 154	99 651	41 503	58 148
1999	207 273	169 459	37 814	131 645
2000	183 586	136 218	47 368	88 850

Источник: данные Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

Десятки белорусских предприятий с каждым годом все активнее ведут себя на китайском рынке. Продвигает свою продукцию в Китай производственное объединение «Гомсельмаш» (производство сельскохозяйственной техники); зарегистрировало свою компанию в Гонконге научно-производственное объединение «Интеграл» (продукция электроники); возобновлена продажа самосвалов БелАЗ; концерн «Планар» уже поставил на предприятия КНР около 300 единиц специального технологического оборудования на сумму более 15 млн. долл. США¹⁰.

Важнейшее значение для расширения объемов товарооборота имеет реализация крупномасштабных проектов сотрудничества. Успешно работает на территории Китая совместное предприятие «Санцзян-Волат» с участием Минского завода колесных тягачей¹¹. Начата проработка вопроса о создании в КНР сборочного производства грузовых автомобилей «МАЗ» и универсальных тракторов «Беларусь».

Повысилась координирующая роль Белорусско-Китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, созданной в 1995 г. Последнее, четвертое заседание комиссии было проведено в декабре 2000 г. в Пекине в рамках подготовки визита в Китай Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Однако, как отмечалось в ходе переговоров и встреч, возможности двух стран по расширению торгово-экономических связей пока еще используются далеко не в полной мере.

Недостаточно диверсифицирована структура белорусского экспорта в Китай. Значительная доля здесь принадлежит калийным удобрениям (более 70% в общем объеме экспорта). Объем поставок других товаров (сталь легированная в слитках, интегральные схемы и микросборки, грузовые автомобили и т.д.) сравнительно незначителен.

Все это требует принятия дополнительных мер по проработке новых направлений и проектов сотрудничества в торгово-экономической области.

С белорусской стороны было выражена готовность переходить от простых схем торгово-экономического сотрудничества («товар — деньги») к более современным и прогрессивным формам. К ним можно прежде всего отнести совместное инвестирование в разработку и производство высокотехнологичной продукции, а также создание совместных предприятий. Было предложено изу-

чить возможности реализации совместных проектов в белорусских свободных экономических зонах (СЭЗ). Как известно, в настоящее время на территории Республики Беларусь созданы и функционируют четыре свободные экономические зоны: «Брест», «Минск», «Гомель-Ратон» и «Витебск».

В свою очередь, руководством Китая было высказано мнение, что «предприятия двух стран должны более глубоко изучать условия хозяйствования на рынках друг друга с целью повышения эффективности двустороннего сотрудничества». Как заявил Премьер Госсовета КНР Чжу Жунци, в Китае будут поощрять китайские предприятия к работе на белорусском рынке¹².

Вопросы активизации контактов между деловыми кругами двух стран рассматривались на отдельном семинаре, который прошел в рамках визита при участии Главы Администрации Президента Республики Беларусь М.В. Мясникова.

Значительно повысилась научно-техническая составляющая в структуре двусторонних связей. Как указал Президент Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече с Премьером Госсовета КНР Чжу Жунци, два государства имеют огромный потенциал сотрудничества в научно-технической сфере, и в Беларуси будут прилагать большие усилия в целях его активизации. В свою очередь, китайский Премьер отметил, что развитие контактов в сфере науки должно стать приоритетным направлением в развитии двусторонних связей¹³.

После подписания в 1992 г. Соглашения о сотрудничестве в области науки и технологий между КНР и Республикой Беларусь в 1993 г. была создана Белорусско-Китайская Комиссия по сотрудничеству в области науки и технологий. В 1998 г. подписана Программа белорусско-китайского научно-технического сотрудничества. Предприятиями и организациями двух стран реализуется более 400 совместных проектов в области науки и техники¹⁴.

Значительный эффект для расширения контактов в научно-технической области имело проведение «Дней науки и техники КНР» в Беларуси в ноябре 1998 г. и «Дней науки и техники Республики Беларусь» в КНР в июне 1999 г.

В ноябре 2000 г. в китайской провинции Шаньдун состоялось открытие китайско-белорусского технополиса, основной целью которого является освоение на взаимовыгодной основе высокоэффективных научных достижений обеих стран.

В рамках визита состоялась отдельная встреча Министров обороны двух стран, в ходе которой китайский министр заявил, что «вслед за расширением межгосударственных отношений связи между армиями двух стран также получили развитие... в Китае намерены поддерживать многоуровневые и разносторонние дружественные контакты между армиями двух стран»¹⁵.

Об активности развития белорусско-китайских связей в гуманитарных областях свидетельствует тот факт, что в ходе визита белорусского Президента с большим успехом проходили «Дни культуры Республики Беларусь в Китае».

В целом, итоги визита А.Г. Лукашенко в Китай свидетельствуют о наличии хороших перспектив двусторонних связей во всех областях сотрудничества.

Что касается перспектив увеличения поставок белорусской продукции на рынок КНР, то в основном это связано с сохранением потребностей Китая в импорте калийных удобрений, повышением конкурентоспособности белорусской продукции на китайском рынке, развитием новых форм и направлений сотрудничества, возможностями оказания экспортной поддержки со стороны государства.

Повышение конкурентоспособности белорусской продукции на китайском рынке, наряду с решением внутренних задач по обновлению производственных фондов, использованию новых технологий и т.д., зависит от решения

проблемы снижения транспортных расходов, а также налаживания в Китае системы предпродажного сервиса и технического обслуживания белорусской продукции в гарантийный и послегарантийный периоды.

Снижение транспортных расходов невозможно без кооперации с Россией и учета ее ответной заинтересованности в пониженных тарифах для транзита российских товаров в Европу через территорию Беларуси.

В целом углубление процессов интеграции между Беларусью и Россией создает определенные возможности для концентрации финансовых средств по реализации двусторонних программ, в том числе связанных с увеличением экспорта продукции в зарубежные государства.

Успешный пример белорусско-российского сотрудничества на китайском рынке — деятельность Международной калийной компании, в которую входят предприятия соответствующего профиля Беларуси и России.

Следует учитывать, что продвижение белорусской продукции на китайский рынок происходит в жесткой конкурентной борьбе с фирмами США, Японии, Западной Европы, главное преимущество которых — разветвленная сеть торговых представительств и сервисных центров, налаженная система информации и рекламы. В данных условиях инвестирование средств в создание на территории Китая сервисных центров по обслуживанию и ремонту продукции белорусских предприятий и организаций может иметь решающее значение для закрепления на китайском рынке.

Интенсификация двустороннего сотрудничества связана с трансформацией нынешней торгово-посреднической схемы отношений в производственно-инвестиционную модель экономических связей, которая, как показывает опыт взаимодействия Китая со странами Запада, способна в короткий срок обеспечить кардинальный рост показателей взаимного товарооборота.

В настоящее время правительством Беларуси предпринят ряд организационных мер по повышению эффективности внешнеэкономической деятельности. Функционирует Фонд поддержки экспорта. Создана нормативно-правовая база, позволяющая предприятиям прибегать к международному лизингу. Расширяется подготовка кадров для внешней торговли. Оказывается дипломатическая поддержка предприятиям-экспортерам. Комплекс механизмов стимулирования зарубежных поставок предусматривается в принятой в 1999 г. Национальной программе развития экспорта на 2000–2005 гг.

Важным резервом роста взаимного товарооборота может стать более активное развитие региональных связей.

В ходе визита неоднократно отмечалось, что благоприятными факторами для расширения взаимовыгодного сотрудничества являются стабильная ситуация в экономике Республики Беларусь и продолжающийся экономический рост Китая.

В 2000 г. в Беларуси был превышен уровень докризисного 1990 г. (самого эффективного в плане экономических показателей советской эпохи) по объему производства промышленности, потребительских товаров, реальных денежных доходов населения и другим показателям¹⁶. Одновременно валовой внутренний продукт КНР в 2000 г. возрос на 8 процентов, бюджетные доходы возросли почти на 17 процентов. Объем внешней торговли увеличился на 31,5 процента и достиг более 474 млрд. долл. США. Валютные резервы составили более 165 млрд. долл. США¹⁷.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на втором Всебелорусском народном собрании (май 2001 г.) заявил: «К числу важнейших внешнеполитических достижений пятилетия я бы отнес установление теснейших партнерских отношений с Китаем — динамично развивающимся экономическим гигантом, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Внимание, ока-

занное белорусской делегации во время состоявшегося в апреле сего года официального визита в Пекин, наглядно показало, какое важное значение придает китайское руководство развитию сотрудничества с нашей страной»¹⁸.

1. Советская Белоруссия. 2000. 28 июля.
2. Жэньминь жибао. 2001. 24 апреля.
3. Там же.
4. Там же.
5. China daily. April 25, 2001.
6. Там же.
7. Жэньминь жибао. 2001. 24 апреля.
8. Республика. 2001. 21 апреля.
9. Жэньминь жибао. 2001. 24 апреля.
10. Советская Белоруссия. 2001. 20 апреля.
11. Бабак И.Н. Белорусско-китайские отношения: состояние и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С.43
12. Жэньминь жибао. 2001. 25 апреля.
13. Там же.
14. Республика. 2001. 21 апреля.
15. Жэньминь жибао. 2001. 24 апреля.
16. Советская Белоруссия. 2001. 22 мая.
17. Республика. 2001. 21 апреля.
18. Советская Белоруссия. 2001. 22 мая.

Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов

© 2001

К. Ефремова

В течение второй половины XX века китайско-индийские отношения складывались довольно драматично: за динамичным подъемом и позитивным развитием начала и середины 50-х гг. последовало их резкое охлаждение в конце десятилетия, спровоцированное погранично-территориальным спором в Гималаях. Военные столкновения на границе 1962 г. стали вехой, обозначившей период длительного замораживания дипломатических контактов, всплеска национализма, проявлений взаимного недоверия и отчужденности. Наметившаяся в конце 80-х гг. тенденция к восстановлению добрососедских отношений между двумя великими азиатскими державами не смогла стереть из памяти индийцев и китайцев отголоски этих печальных событий, и сегодня ключевые направления политики Китая в Южной Азии (ЮА) и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание индийских аналитиков.

Динамика китайско-индийских взаимоотношений становится понятна, если рассматривать ее в контексте изменения глобального политического климата послевоенной эпохи. Крушение колониальных империй и попытки Англии, Франции, Голландии силой восстановить свои позиции в Юго-Восточной (ЮВА) и Южной Азии заставили молодые независимые государства осознать необходимость консолидированных действий в защиту своих общих интересов. Вместе с тем национально-освободительное движение, захлестнувшее страны Азии в конце 40-х – начале 50-х гг., выявило ряд серьезных межгосударственных противоречий, унаследованных от эпохи иноземного господства, которые несли в себе опасный конфликтный потенциал. В свете бурных антиколониальных и националистических настроений той эпохи особую остроту приобрела проблема политического самоопределения многочисленных народов, населявших территории бывших империй, зачастую оборачивавшаяся усилением сепаратистских тенденций и обострением внутренних и внешних конфликтов, угрожавших безопасности молодых национальных государств.

Война в Корее 1950-53 гг. отчетливо продемонстрировала, к каким губительным последствиям может привести вмешательство мировых держав в политические процессы, происходящие на территории новых независимых государств, если те не имеют возможности самостоятельно, не прибегая к иностранной помощи, разрешать свои внутривнутриполитические противоречия. На фоне корейского конфликта особое звучание приобрели призывы Индии к нейтралитету, неприсоединению и ненасилию. В 1954 г. Китаем и Индией были совместно сформулированы «пять принципов мирного сосуществования», которые, по замыслу их авторов, должны были не только обеспечить взаимное доверие

и уважение двух ведущих региональных держав, но и заложить основу для мирного регулирования международных отношений в Азии. Бандунгская конференция 1955 г., прошедшая под лозунгами антиимпериализма, антиколониализма и мирного сосуществования, стала кульминацией совместных усилий лидеров стран «третьего мира», направленных на поддержание единства и солидарности народов Азии и Африки в их борьбе за независимость и справедливость в отношениях между бывшими колониями и метрополиями.

Обширная территория и грандиозная численность населения¹ позволили Китаю и Индии занять ключевое место в политической жизни континента. Их сотрудничество сыграло важную роль в формировании послевоенного мирового порядка. В то же время, актуальные задачи национального строительства, такие, как укрепление центральной власти, пресечение центробежных тенденций и обеспечение безопасности государства (как военно-политической, так и социально-экономической), выявили расхождение геополитических интересов двух крупнейших азиатских держав. Присущие обеим древним цивилизациям концепции национальной исключительности, традиционное стремление к культурной экспансии и политическому доминированию в регионе, желание обеспечить свое влияние в соседних странах наложили значимый отпечаток на развитие международных отношений в Южной и Юго-Восточной Азии.

Первоочередной задачей молодых национальных государств, добившихся освобождения, было укрепление центральной власти и борьба с сепаратизмом. Раздел бывшей Британской Индии на Пакистан и Республику Индию, сопровождавшийся кровавыми столкновениями на религиозно-этнической почве и многочисленными жертвами с обеих сторон, нанес болезненный удар по национальным чувствам индийцев. Для Китайской Народной Республики не менее чувствительным вызовом стало фактическое отделение Тайваня и попытки сепаратизации Тибета. В связи с этим в 50-е – 60-е гг. основной доминантой внешней политики обеих азиатских держав стало стремление воссоединить расколотые национальные территории, обеспечить безопасность государства и укрепить свой внешнеполитический потенциал путем распространения своего идеологического, экономического, военно-политического и информационного влияния на периферию, в том числе и в «буферную зону» — на территории соседних государств Южной и Юго-Восточной Азии.

Малые государства Южной Азии², прежде всего — Бангладеш, Бутан, Непал и граничащая с ними Мьянма (Бирма), составляющие своего рода «буферное геополитическое пространство» между двумя региональными гигантами, — явление достаточно специфическое. Существование и развитие этих государств в качестве независимых субъектов международной политики во многом зависят от того, насколько умело их правящие элиты способны обращать в свою пользу принципиальные противоречия между Индией и Китаем. В то время как ведущие индийские политологи на протяжении нескольких десятилетий были единодушны в оценке «коммунистического Китая» как основного источника региональной нестабильности, представляющего, по их мнению, главную угрозу безопасности стран Южной Азии, и на этом основании настаивали на необходимости региональной интеграции под эгидой «демократической Индии», в соседних странах зачастую придерживались иного подхода. Действительный член Академии наук Шри-Ланки Махинда Верак дал следующую, довольно характерную оценку роли КНР в южноазиатском регионе: «С точки зрения малых государств Южной Азии, усиление влияния Китая в нашем регионе может только приветствоваться, поскольку Китай — это сила, способная защитить нас от безусловного господства Индии».³

Проявления настроенного отношения южноазиатской общественности к Индии становятся объяснимыми, если принять во внимание некоторые осо-

бенности индийской внешней политики в отношении близлежащих государств. Крупнейшая держава субконтинента, руководствуясь соображениями региональной безопасности, подчас решалась брать на себя роль покровительницы «братских» народов, тем самым фактически приравнивая их национальные интересы к своим собственным. Показательным в этом смысле выглядит высказывание одного из представителей индийской научной элиты, профессора М.С. Раджана: «Индия способна, благодаря своей мощи, защитить своих малых соседей и поэтому протестует против наличия на их территории иностранных военных баз и советников, представляющих угрозу индийской безопасности... Успехи Индии способствуют развитию всех государств Южной и Юго-Восточной Азии, а ущерб, наносимый ей, неминуемо скажется на каждой из стран региона».⁴ Такой патерналистский подход негативно воспринимался в большинстве южноазиатских государств, которые, живя в условиях значительной экономической зависимости от Индии, стремились не допускать ущемления собственного политического суверенитета.

С точки зрения политических элит малых стран Южной Азии, международная политика Индии, долгие годы публично выступавшей против гегемонизма в любых его формах, в делах региональных нередко оборачивалась фактическим лицемерием, ставкой на политический нажим и силовые методы. Жесткая позиция Индии в отношении близлежащих государств, доходившая до прямого вмешательства в их внутренние дела (активное участие в борьбе за независимость Бангладеш в 1971 г., интеграция Сиккима в 1974 г., военное вмешательство в этнический конфликт в Шри-Ланке в 1987 г., ввод войск на Мальдивы для предотвращения государственного переворота в 1988 г., экономическая блокада Непала в 1989 г.), стала основным источником негативного восприятия в этих странах индийских усилий по обеспечению региональной безопасности⁵. Китай не преминул воспользоваться этим изъяном индийской стратегии и на рубеже 80-х гг. сменил в отношении дистанцировавшихся от Индии государств (Мьянмы, Бангладеш, Непала, Шри-Ланки) характерную для эпохи Мао Цзэдуна «политику кнута» на более гибкую «политику пряника». КНР установила с этими странами более тесные официальные контакты, свернула до минимума финансирование нелегальной подрывной деятельности коммунистических повстанцев и этнических сепаратистов на территории Мьянмы и Непала, что во многом способствовало укреплению доверия к Пекину со стороны их правящих кругов.

Между КНР и ее новыми партнерами было налажено серьезное военно-экономическое сотрудничество. Дружественным государствам ЮА и ЮВА предоставлялась экономическая и научно-техническая помощь (в объемах, отвечающих стратегическим интересам и возможностям Китая), вплоть до направления туда китайских военных советников и специалистов. На территории некоторых из них при помощи китайских инженеров был возведен ряд военных объектов (в том числе и электронные установки слежения), формально призванных обеспечивать национальную безопасность этих государств, но одновременно утверждавших присутствие КНР в Индийском океане.⁶ Такая ситуация не могла не вызывать озабоченности и протестов в Индии и не добавляла тепла в индийско-китайские отношения, приведя заодно к определенному охлаждению между Индией и принявшими китайскую помощь странами — Непалом, Мьянмой, Бангладеш и Шри-Ланкой.

Разрабатывая в конце 50-х-начале 60-х гг. долговременную внешнеполитическую стратегию в отношении Индии, китайская дипломатия руководствовалась традиционной для нее формулой «сосед моего соседа — мой друг». На практике эта установка воплотилась в тесном военно-политическом сотрудничестве с Пакистаном, который в силу своей исторической, культурно-

религиозной и геополитической специфики стремился к всестороннему наращиванию потенциала для противоборства с Индией. Этот союз имел для Пекина неоднозначные последствия: наряду с достижением безусловной выгоды от установления контроля над стратегически важными для КНР участками территории Кашмира, политика разжигания индийско-пакистанских противоречий привела к дестабилизации обстановки на ее юго-западных границах, к гонке вооружений между двумя ведущими государствами субконтинента и нарушению режима нераспространения ядерного оружия в Южной Азии.

Территориальный конфликт Индии и Пакистана вокруг Кашмира, в который непосредственно был вовлечен Китай, уже более полувека остается главным источником напряженности в регионе. Пакистан и Китай, каждый со своей стороны, оспаривают принадлежность некоторых районов этого бывшего английского протектората, в октябре 1947 г. формально вошедшего в состав Республики Индии в качестве штата Джамму и Кашмир⁷. Китай, в частности, предьявляет претензии на земли Аксай Чина, являющиеся частью Ладакха (область на северо-востоке Джамму и Кашмира). В конце 50-х гг. бойцы НОАК проложили в этой местности Аксай-Чинское высокогорное шоссе, соединившее два автономных района КНР — Тибет и Синьцзян. В обмен на китайскую военно-техническую помощь руководство Пакистана, подписав в марте 1963 г. временное соглашение о пакистанско-китайской границе, фактически признало за КНР право на обладание данным районом Кашмира. Это сомнительное с юридической точки зрения соглашение возбудило особое негодование индийцев, расценивших действия Пакистана и Китая как попытку аннексировать часть незаконно оккупированной ими индийской территории⁸.

Испытание Китаем взрывного ядерного устройства, проведенное в сентябре 1964 г., вызвало крайне острую реакцию в Индии, которая, ссылаясь на принцип самообороны, стала разрабатывать собственную ядерную программу, призванную обеспечить военный паритет с КНР. Индийские политологи утверждали, что в основе этого решения лежало стремление уменьшить региональную нестабильность, вызванную наращиванием военного потенциала Китайской Народной Республики.⁹ В 1974 г. Индия впервые провела ядерные испытания (в свою очередь, вызвавшие бурные протесты с китайской стороны), а в 1998 г. создала свою первую ядерную бомбу. Во второй половине мая 1998 г., произведя испытания собственного ядерного оружия, Индия перешагнула ядерный порог, добившись желанного военно-психологического паритета с Китаем. Однако через две недели Пакистан, который, по оценке специалистов, использовал при реализации своей ядерной программы китайские материалы и технологии, последовал ее примеру, и баланс сил в регионе вновь оказался нарушенным.

Эти события имели не только региональный, но и глобальный резонанс: впервые за тридцать лет действия международного Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного подавляющим большинством государств, в мире де факто появились две новые ядерные державы. Ядерные призывавшей оба государства немедленно получили крайне негативную оценку в ООН, призвавшей оба государства немедленно свернуть ядерные программы и подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).¹⁰ Китай, как постоянный член Совета Безопасности, активно поддержал позицию ООН и заявил, что он, несмотря на свершившийся факт ядерных испытаний, не намерен признавать за Индией право на статус ядерной державы.¹¹

С точки зрения индийцев, Китай, препятствуя развитию индийской ядерной программы, стремился законсервировать неравноправную, «иерархическую» структуру международных отношений, при которой пять членов Совета Безопасности ООН, обладающие ядерным оружием, могли навязывать свою волю всем остальным членам мирового сообщества. Поэтому испытание ядер-

ной бомбы, поставившее Индию в один ряд с ведущими державами мира, имело, с точки зрения индийской общественности, огромное историческое значение. Этим символическим актом решалось сразу несколько сложных политических задач: разработав и применив на практике собственную технологию производства ядерного оружия, индийское государство вошло в состав «ядерного клуба» и сделало весомую заявку на то, чтобы занять подобающее место в международном сообществе, а индийская нация уверовала в свои силы и избавилась от комплекса довлеющей над ней «китайской военной угрозы». ¹² Согласно формулировке министра внешних сношений Индии Джасванта Сингха, обладание ядерным оружием создало для Индии шанс обрести статус мировой ядерной державы, войти в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена и таким образом установить военно-политический паритет с Китаем, претендующим на эксклюзивную роль в решении азиатских проблем. ¹³

В то же время, наряду с заявлениями о значительных достижениях Индии в сфере ядерных технологий, индийская пресса регулярно публикует сообщения об увеличении расходов КНР на оборону, основанные на оценках индийских и международных экспертных организаций. В частности, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в 1999 г. Китай истратил на вооружение 18,4 млрд долларов США (что составляет 2,6% общемировых расходов), тогда как Индия — только 10,2 млрд (1,4% общемировых расходов), причем этот разрыв в абсолютных цифрах имеет тенденцию к увеличению: в период с 1995 по 1999 гг. китайские военные расходы возросли на 47,2%, а индийские — на 27,5%. ¹⁴

Таким образом, сегодня совокупная военная мощь Китая (включая и ядерное оружие) по-прежнему превосходит индийскую, что значительно обесценивает практическое значение индийского технологического прорыва. В связи с этим, как отмечал бывший министр внешних сношений Индии Дж. Н. Дикшит, в индийских официальных кругах ядерное оружие с самого начала рассматривалось не столько как возможное средство военно-психологического давления на Китай, сколько как средство стратегического сдерживания, обеспечивающее национальную безопасность Индии. Индийские политики подчеркивают, что создание ядерного оружия и средств его доставки преследует исключительно мирные цели и что Индия по-прежнему продолжает неуклонно выступать за всеобщее, глобальное ядерное разоружение. ¹⁵

Следует отметить, что в последнее десятилетие характер китайско-индийских взаимоотношений существенно менялся в сторону смягчения, так что потребность Индии в ядерном оружии в качестве средства стратегического сдерживания Китая отошла на второй план. Провозглашенная лидером Китая Дэн Сяопином в конце 70-х гг. политика открытости, сместившая акценты с идеологических приоритетов на экономическое развитие страны, по признанию индийских дипломатов, означала для Индии отказ от жесткой конфронтации времен Мао Цзэдуна и возможность снижения расходов на оборону своих восточных границ. ¹⁶ Новая политика КНР создавала объективную базу для улучшения китайско-индийских отношений, поскольку цели, сформулированные Дэн Сяопином, — либерализация экономики и мирное сосуществование в многополярном мире — нашли заметные параллели в национальной стратегии Индии. ¹⁷

Потребность в нормализации китайско-индийских отношений получила дополнительный импульс после роспуска Организации Варшавского Договора и распада СССР, когда в международных отношениях исчезла налаженная система «сдержек и противовесов», позволявшая странам «третьего мира» в эпоху холодной войны отстаивать свои интересы путем лавирования между двумя враждующими блоками. Китай и Индия в связи с этим оказались в дос-

таточно затруднительном положении, поскольку прежнее идеологическое противостояние утратило смысл и им пришлось выработать новую внешнеполитическую стратегию, отвечающую изменившимся международным реалиям. Постбиполярный мир открыл перед двумя азиатскими гигантами возможность выступать на мировой арене в качестве независимых региональных центров силы, каждый из которых может доминировать в своей сфере влияния; в то же время, усилившееся давление США, стремящихся не допустить появления любого сильного соперника в Азии, вызывает обеспокоенность и у Пекина, и у Нью-Дели и способствует определенному политическому, экономическому и идеологическому сближению между ними.

Вместе с тем, процесс восстановления китайско-индийских отношений идет достаточно сложно, причем большую трудность для обеих сторон представляют барьеры психологического характера. Хотя с момента китайско-индийской пограничной войны 1962 г. прошло почти сорок лет, в Индии — как в общественных кругах, так и в среде профессионалов-политологов — по-прежнему сохраняется прохладное, если не сказать подозрительное, отношение к Китаю. Однако время все яснее показывает бесперспективность индийско-китайского противостояния: у Индии нет ни материальных ресурсов, ни политической заинтересованности для его продолжения. В индийском обществе все чаще стали раздаваться голоса о том, что следует дать Китаю новый шанс доказать свои добрые намерения в отношении индийского народа. Китай, со своей стороны, демонстрирует готовность проводить миролюбивую и конструктивную внешнюю политику и приветствует идею экономического сотрудничества с Индией, что придает призывам сторонников улучшения отношений с КНР растущий вес и заставляет лишний раз задуматься «непримиримых» из числа индийских радикалов и националистов.

Борьба противоречивых подходов в общественном мнении хорошо заметна на материалах аналитических публикаций индийских политологов последнего времени: Китай оценивается в них то как главная угроза безопасности Южной Азии, то как потенциальный стратегический союзник, заинтересованный в становлении нового, многополярного мира и в развитии межрегионального экономического сотрудничества.

Пограничный вопрос (особенно проблема Аксай Чина) остается, пожалуй, самой болезненной темой в отношениях Индии и Китая. Судя по их заявлениям, обе стороны убеждены в глубокой обоснованности своих претензий на стратегически значимые для Китая северо-восточные районы Ладакха (38 тыс. км²) и не склонны идти на какие-либо политические уступки друг другу. При существующем на данный момент уровне взаимопонимания, как признают китайские и индийские эксперты, проблема границ представляется принципиально неразрешимой. Однако ни Индия, ни Китай не заинтересованы в новой вооруженной конфронтации и предпочитают искать мирное решение пограничного вопроса путем переговоров.

Китайская сторона настаивает на разделе спорной территории на основе компромиссного подхода: Китай готов признать границу, закрепленную в 1914 г. соглашением между администрацией Британской Индии и властями Тибета (так называемую «линию Мак-Магона»), в восточном секторе китайско-индийской границы (где 90 тыс. км² оспариваемой территории Аруначал Прадеша и Ассама останутся в этом случае за Индией) в обмен на признание Индией в качестве государственной границы «линии фактического контроля» в западном секторе (где 38 тыс. км² территории Ладакха должны отойти Китаю).

Это предложение было сформулировано премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем еще в 60-е гг., но в атмосфере напряженности, сложившейся в результате военных столкновений на границе, не встретило позитивного отклика

у индийского руководства. В начале 80-х гг. отец китайской «политики открытости» Дэн Сяопин напомнил об инициативе первого премьера Госсовета КНР прибывшему в Пекин с визитом А.Б. Ваджпай, который в то время являлся министром внешних сношений Индии, попытавшись убедить его в том, что в данной ситуации не приходится рассчитывать на достижение быстрого и окончательного согласия по столь серьезному и противоречивому вопросу и что поэтому предпочтительнее оставить решение застарелых проблем «до лучших времен» и постепенно развивать контакты в иных областях, представляющих взаимный интерес для обоих государств.¹⁸

Несмотря на расплывчатость формулировок китайской стороны и националистические настроения, по сей день преобладающие в Индии, эта позиция в последние годы стала находить все больший отклик в умах прагматически мыслящей части индийской общественности и политической элиты. В частности, как отмечал профессор Девендр Каушик в интервью российской газете «Слово», «в Нью-Дели рассматривается возможность совместного с Китаем строительства шоссе, ведущего в Среднюю Азию [богатую нефтью и природным газом, к которым оба государства питают очевидный интерес.—К.Е.] через Синьцзян», для чего «достаточно построить лишь соединительное звено между Индией и существующим ныне Тибетско-Синьцзянским трактом»¹⁹. Принятое исполнительным комитетом индийского Конгресса в ноябре 1988 г. решение об отмене парламентской резолюции двадцатилетней давности, требовавшей от Китая в качестве предварительного условия нормализации двусторонних отношений «возвратить каждый дюйм священной индийской земли»²⁰, по сути, означало фактическое согласие Индии начать переговоры, направленные на поиски взаимоприемлемого решения проблемы спорных территорий, и продемонстрировало ее желание восстановить мирные добрососедские отношения с КНР.

Сегодня, с точки зрения индийских аналитиков, практическая задача индийской дипломатии заключается не в том, чтобы добиться отвода китайских войск за линию Мак-Магона, но в том, чтобы ускорить процесс урегулирования погранично-территориальной проблемы, остающейся главным источником неопределенности в двусторонних отношениях. Индийские эксперты полагают даже, что конфликтная ситуация, существующая вокруг вопроса о принадлежности островов в Южно-Китайском море, заставляет КНР искать мирного разрешения пограничных споров на других направлениях, и это позволяет Индии решительнее ставить вопрос о делимитации индийско-китайской границы и добиваться максимально полного учета своих интересов; если же обстановка на юго-восточных границах Китая изменится, то он может оказаться «менее сговорчивым» при обсуждении с Индией проблемы спорных территорий.²¹ Китайские же представители, со своей стороны, предпочитают не поднимать лишний раз этот сложный вопрос и призывают индийских коллег к рассудительности и терпению.²²

Стремясь улучшить отношения с Китаем, Индия одновременно не забывает и о поисках противовесов его растущей мощи. Хотя индийское руководство не разделяет позиции Вашингтона относительно перспектив и методов формирования «нового мирового порядка», некоторые индийские аналитики отмечают, что на данный момент Индии выгоднее не вступать в политическую конфронтацию с США, а, напротив, налаживать широкомасштабное технико-экономическое сотрудничество с последними. По их мнению, такая тактика позволит Индии, с одной стороны, укреплять собственные позиции в области финансов и высокотехнологичных производств, а с другой — предотвращать возникновение «китайско-американского кондоминиума в Азии»²³. Не меньший интерес среди индийских политиков вызывает идея о хотя бы неформальном

индийско-японском альянсе, который помог бы Индии ограничить китайские амбиции сразу и в Индийском, и в Тихом океанах²⁴.

Испытание Пакистаном «исламской ядерной бомбы», созданной по китайским технологиям, послужило для индийцев новым подтверждением реальности своих опасений относительно целей и намерений могущественного восточного соседа. Китай, тем не менее, поспешил успокоить индийское правительство, призвав Индию и Пакистан к мирному сотрудничеству в решении проблемы Джамму и Кашмира, с тем, чтобы избежать возможного вмешательства третьих стран в региональные дела. По мнению индийских синопологов С.В. Ранганатана и В.С. Кханни, это китайское заявление должно было фактически подразумевать отказ от дальнейшей политической поддержки Пакистана и молчаливое согласие с индийским требованием о том, что кашмирский вопрос необходимо разрешать исключительно на двусторонней основе, без участия международных посредников, на котором настаивал Пакистан.²⁵

Индийские авторы указывают, что в настоящее время Китаю, равно как и Индии, для успешного экономического роста прежде всего необходимы мир и спокойствие на границах. С.В. Ранганатан, в частности, отмечает, что потребность в политически стабильном международном окружении предполагает переход Китая к «мягким дипломатическим методам» урегулирования региональных конфликтов, в том числе к сокращению военной помощи Пакистану и установлению равно дружественных отношений со всеми государствами Южной Азии.²⁶ По его оценке, оптимальным для Китая вариантом решения кашмирской проблемы было бы разделение спорной территории на три части по линии фактического контроля и заключение мирного договора между Индией и Пакистаном.²⁷ Однако, как представляется автору настоящего обзора, индийские официальные круги не готовы серьезно обсуждать возможность трехстороннего раздела Джамму и Кашмира, и подобные идеи лишь подпитывают в среде индийских политиков и экспертов скептическое отношение к мирным инициативам Пекина.

Индийские политологи рассматривают кашмирский вопрос в неразрывной связи с проблемой делимитации индийско-китайской границы и проводят четкие параллели между пакистанско-индийскими войнами в Кашмире и китайско-индийским пограничным конфликтом 1962 г. в Гималаях. Не случайно некоторые из них продолжают повторять, что Индии все эти годы по сути противостоял не Пакистан — «дружественная, но заблудшая нация» — а Китай, для которого Пакистан служил лишь «послушным орудием»²⁸. Нередко в индийской прессе можно встретить и заявления о том, что «индийское ядерное оружие направлено не против Пакистана, как думают многие на Западе, а против Китая, помогающего ему материалами и технологиями для производства ядерного оружия с целью втянуть Индию в региональную войну и, связав ей руки, стать полновластным гегемоном в Азии».²⁹ В то же время индийские авторы подчеркивают, что военно-политическое сотрудничество Китая с Исламабадом, в частности, продажа ему современного оружия и военных технологий, может обернуться непредсказуемыми последствиями для самого Пекина.

Пакистан, по оценкам индийских экспертов, представляет для их страны не столько ядерную, сколько этнополитическую опасность, поскольку на его территории располагаются базы исламских экстремистов, проникающих в Индию для совершения террористических актов, разжигания национальной розни и дестабилизации внутривосточной ситуации.³⁰ Однако деятельность исламских фундаменталистов угрожает не только Индии, но и Китаю. Индийские аналитики полагают, что участвовавшие в последние годы вспышки религиозного экстремизма и сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, граничащем с территорией, контролируемой Исламабадом, долж-

ны заставить китайское руководство задуматься над тем, в чьи же руки в конечном счете попадает оружие, поставляемое Китаем Пакистану.³¹

Террористические акты в Синьцзяне, по-видимому, в самом деле могут быть расценены как подтверждение существования тайных контактов между экстремистскими уйгурскими группировками и исламскими боевиками, действующими в Кашмире и Центральной Азии. Предпочтет ли Китай в такой ситуации и далее поддерживать Пакистан, поощряя тем самым деятельность уйгурских (и других исламских) экстремистов, или, обеспокоенный развитием ситуации в Синьцзяне, решит объединить свои усилия в борьбе с терроризмом с другими членами мирового сообщества, в том числе и с Индией? Индийские политологи рассматривают такой предстоящий выбор Китая, его реакцию на «исламский вызов» как один из главных индикаторов его подлинного отношения к Индии. Именно полноценное сотрудничество Индии и Китая в борьбе с международным терроризмом, по их мнению, могло бы стать основным фактором, способствующим укреплению индийско-китайского взаимопонимания и усилению двустороннего взаимодействия в XXI веке.³²

Следует отметить, что необходимость межгосударственной кооперации в борьбе с этническим и религиозным сепаратизмом стала осознаваться индийскими и китайскими политологами лишь недавно, хотя данная проблема оказывала существенное влияние на формирование и развитие двусторонних отношений на протяжении всей второй половины XX столетия. В эпоху холодной войны лидеры Китая стремились использовать в собственных интересах центробежные процессы, происходящие на территории пост-Британской Индии, а правящие круги Индии старались играть на противоречиях, возникающих между Китаем и его непокорной тибетской автономией. Красноречивым свидетельством позиции Индии по тибетскому вопросу может служить решение Дж. Неру о предоставлении политического убежища Далай-ламе XIV и многочисленной группе его соратников, которые бежали в Индию после подавления восстания в Тибете в 1958–59 гг. Китайское правительство, в свою очередь, не замедлило обвинить тибетских эмигрантов в том, что они, пользуясь попустительством индийских властей, продолжают заниматься нелегальной политической деятельностью на территории Индии.

Индийские журналисты не скрывают того, что проблема обустройства тибетских беженцев, проживающих во временных поселениях, которые были созданы при поддержке индийского руководства на территории Ассама, Химачал Прадеша и других северо-восточных штатов Индии, решается в непосредственном контакте с представителями самопровозглашенного Тибетского правительства в изгнании. Так, 1 октября 2000 г., в день 51-й годовщины образования КНР, «Санди таймс оф Индия» опубликовала заметку о сегодняшнем положении тибетских эмигрантов со ссылкой на одного из его представителей. В интервью корреспонденту тибетец Цеван Тетон, названный в газете «министром информации и иностранных дел Центральной тибетской администрации», отметил, что «индийская помощь тибетским беженцам — как гуманитарная, так и политическая — далеко превосходит все то, что было сделано для них Западом... Для лишенных крова временное пристанище, щедро предоставленное Индией, значит больше, чем финансовая помощь и утешительные советы демократического мирового сообщества... Тибет в неоплатном долгу перед Индией».³³

На протяжении послевоенных десятилетий китайская сторона была твердо убеждена в том, что, помимо гуманитарной помощи вынужденным переселенцам и организации широких кампаний в мировой прессе в защиту демократии в Тибете, Индия негласно поощряла подрывную деятельность на территории КНР, тайно снабжая всем необходимым тибетских повстанцев и помогая им вести вооруженную борьбу против «оккупационной» НОАК. В от-

вет Китай считал себя вправе спонсировать экстремистские и этносепаратистские движения на территории Индии, организовывать военную подготовку боевиков из числа национальных меньшинств нага и мизо в специально созданных лагерях на территории сопредельных государств.³⁴ В свою очередь, Индия налаживала культурно-политические контакты с буддийскими странами — Бутаном, Вьетнамом, Монголией — стремясь при их участии сформировать «кольцо сопротивления» китайской экспансии. Активность индийской дипломатии в этих странах, в частности, в Монголии, куда послом Индии был назначен Верховный лама Ладакха, была, с точки зрения индийцев, призвана «морально компенсировать» негативные последствия китайских территориальных приобретений в Гималаях³⁵.

В то же, Индия, идя на определенные политические уступки КНР, никогда не настаивала на предоставлении Тибету суверенитета. Проблема внутреннего — бенгальского, тамильского, сикхского и прочего — сепаратизма всегда была для Индии слишком острой, чтобы ее правительство решилось открыто поощрять аналогичные процессы в соседних государствах. Индийским властям не хотелось бы ухудшить и без того достаточно напряженные отношения с Китаем из-за вопроса о Тибетском автономном районе. Тем не менее, не препятствуя международной деятельности Далай-ламы, в частности, позволив ему в 1997 г. нанести визит на Тайвань, руководство Индии вновь продемонстрировало, что оно продолжает неуклонно выступать за расширение демократических прав и свобод населения Тибета и не изменило своей позиции по этой проблеме³⁶.

В конце XX столетия, анализируя международную ситуацию, сложившуюся после распада биполярной системы, индийские политологи и экономисты пришли к выводу о необходимости пересмотра геополитической стратегии Индии, о замене традиционной «идеологической» ориентации на «геоэкономическую». С окончанием холодной войны политика неприсоединения как лавирование между двумя противоборствующими блоками ушла в прошлое. По мнению экспертов, в новых условиях Индии предстоит стать более открытой для мировых финансовых потоков, провести постепенную либерализацию экономики, столь успешно зарекомендовавшую себя в современном Китае и новых индустриальных странах Азии, начать ориентировать национальное производство на экспорт. Эти меры должны способствовать укреплению индийской национальной экономики и помочь Индии войти в число влиятельных развитых государств мира, стать подлинным центром экономического сотрудничества в Южной Азии.³⁷

Идея развития регионального сотрудничества стран Южной Азии была впервые выдвинута в начале 70-х гг. параллельно Индии и Пакистаном, при этом первая понимала его как сплочение «братских» народов вокруг сильной Индии с целью противостоять китайско-пакистанской угрозе, а второй — как создание коалиции малых государств Южной Азии, выступающей против воле гегемонистским устремлениям Индии. Она получила новый импульс в начале 80-х гг., когда по инициативе Бангладеш совместными усилиями семи государств была образована Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), объединившая Индию, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланку и Мальдивы. Уставными задачами Ассоциации были названы содействие культурному развитию, укрепление взаимопонимания между народами региона, решение общих социально-экономических проблем.³⁸

Китай приветствовал создание СААРК, и это дало Индии ложный повод в течение длительного периода считать данную организацию частью «тайного американско-китайского сговора, направленного на ослабление индийского политического влияния», и настороженно воспринимать выдвигаемые в ее рамках инициативы.³⁹ СААРК представлялась индийским аналитикам ма-

лоэффективным инструментом для достижения целей региональной интеграции, поскольку, по их мнению, попытку сплотить страны Южной Азии вокруг Индии следовало бы осуществлять не на многосторонней, а на двусторонней основе. Однако в конце 90-х гг., ввиду очевидного укрепления региональных взаимосвязей в рамках СААРК, индийские эксперты пришли к заключению, что этот налаженный механизм можно и нужно использовать для того, чтобы восстановить ослабевшее политическое влияние Индии в Южноазиатском регионе.

Как полагают индийские политологи, у Индии есть вполне реальный шанс стать в XXI веке лидером Ассоциации, не позволив Китаю склонить государства-члены СААРК на сторону своей политики, в ущерб индийским интересам. Для этого в первую очередь необходимо, чтобы механизмы внутрирегионального решения политических проблем в Южной Азии работали эффективно и у стран СААРК не возникала бы потребность в поисках «внешней силы», способной изменить военный, политический, экономический баланс в регионе.⁴⁰ Однако пока что малые государства ЮА с настороженностью относятся к индийским интеграционным инициативам, в частности, к идее установления в Южной Азии зоны свободной торговли с единой валютой, поскольку опасаются, что асимметричное развитие экономик региона станет причиной потерь этих стран во внешней торговле и приведет к нарастанию их экономической зависимости от Индии.⁴¹

В то же время, следует признать, что малые государства ЮА уже вносят весомый вклад в развитие регионального сотрудничества, в котором они серьезно заинтересованы в силу объективных экономических причин. В конце 90-х гг., во многом благодаря их усилиям, региональное сотрудничество в Южной Азии дополнилось межрегиональным: в 1997 г. была образована Организация экономического сотрудничества стран Бенгальского залива (BIMST-EC) в составе Бангладеш, Индии, Мьянмы, Шри-Ланки и Таиланда⁴². Этот проект нацелен, прежде всего, на развитие морской торговли между странами-участницами, традиционно поддерживающими тесные культурные и экономические связи.

Большую популярность у бизнес-элит заинтересованных стран завоевала и идея субрегионального экономического сотрудничества в формате Южноазиатского четырехугольника развития (SAGQ), охватывающего Бангладеш, Бутан, Непал, северо-восточные и восточные районы Индии. Эта обширная территория с богатыми природными ресурсами, но бедной инфраструктурой могла бы развиваться гораздо эффективнее, если бы единые для всего субрегиона экономические и экологические проблемы (такие, как рациональное использование водных ресурсов или свободный морской экспорт продукции пригималайских районов) решались сообща.⁴³

Идея межрегионального сотрудничества получила неожиданно мощный импульс, когда во время прошлогоднего визита президента Индии К.Р. Нараяна в КНР (май 2000 г.) с китайской стороны прозвучало предложение об установлении тесных экономических связей между китайской провинцией Юньнань, Мьянмой, Бангладеш и северо-восточными штатами Индии («куньминская инициатива»). Сотрудничество в формате этого межрегионального четырехугольника позволило бы Китаю активнее развивать инфраструктуру своих юго-западных и западных районов, расширить товарное производство и экспорт, поскольку транспортировка юньнаньской продукции к побережью Индийского, а не Тихого океана обходилась бы значительно дешевле.⁴⁴

Этот проект нашел понимание у правительств Мьянмы и Бангладеш, оценивших благоприятные перспективы подобной кооперации для развития экономики их государств, однако Индия пока не спешит давать согласие на

свое участие в них, опасаясь усиления позиций КНР в Бенгальском заливе. Индийские политики предпочитают решать вопросы сотрудничества с Китаем в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ), надеясь таким образом придать своей стране больше политического веса в Азии и впоследствии в полном масштабе подключиться к межрегиональному диалогу ЮА-АТР. Развитие отношений с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), по единодушному мнению индийских экспертов, станет одним из ключевых направлений внешней политики Индии в XXI веке.

Важные перемены в региональной обстановке, связанные с коллективной инициативой государств Юго-Восточной Азии, в конце 60-х гг. впервые заявивших о себе как о самостоятельной силе в международных отношениях, стали одним из факторов, способствующих сближению внешнеполитических интересов Китая и Индии и нормализации китайско-индийских отношений. Образованная в 1967 г. как инструмент противодействия «коммунистическому наступлению» в Южной и Юго-Восточной Азии, АСЕАН к середине 90-х гг. превратилась в весомую международную организацию, которая, помимо внутренних проблем социально-экономического характера, начала решать вопросы «кооперативной безопасности» АТР.

В 1993 г. был основан Региональный форум АСЕАН (АРФ), задуманный как инструмент многостороннего обсуждения проблем безопасности, которое способствовало бы укреплению взаимного доверия и мирному урегулированию конфликтов между государствами региона. В качестве «кодекса поведения» участниками форума были приняты принципы и цели Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976 г.), базового правового документа АСЕАН. В рамках АРФ был выработан механизм, позволяющий небольшим государствам приходиться к единому мнению по отдельным важным политическим вопросам и обязывающий крупные державы учитывать их общую, согласованную позицию при принятии значимых государственных решений. Благодаря региональным организациям малые государства Юго-Восточной и Южной Азии начинают играть все более активную и заметную роль в международной политике.

В работе АРФ участвуют не только страны Юго-Восточной Азии, но и государства-партнеры АСЕАН по диалогу. В число последних входят Индия (с 1995 г.) и Китай (с 1996 г.). Регулярные контакты на уровне министров в рамках АРФ способствуют укреплению доверия между двумя крупнейшими азиатскими державами и помогают им развивать более предсказуемые и конструктивные взаимоотношения. В то же время, Нью-Дели не оставляет надежд использовать АСЕАН как часть противовеса растущей китайской мощи. Индийские военные аналитики публично заявляют, что неуклонно увеличивающийся военный и экономический потенциал КНР представляет серьезную угрозу не только Индии, но и странам Восточной Азии, и призывают их сплотиться вокруг Индии и Японии, двух «альтернативных» региональных центров силы, чтобы не допустить абсолютного преобладания Китая в АТР.⁴⁵ Китай, разумеется, ревностно (хотя более взвешенно, чем прежде) относится к попыткам Индии ограничить его влияние на азиатские страны, и эта проблема, по видимому, в ближайшие годы останется серьезным камнем преткновения, мешающим прогрессу в полноценном сотрудничестве двух держав.

Тем не менее, опыт последних десятилетий показал, что Индия и Китай, несмотря на все существующие между ними разногласия, нуждаются друг в друге. Во время переговоров, прошедших в мае 2000 г. в Пекине между Президентом Индии К.Р. Нараянаном и Председателем КНР Цзян Цзэминем, оба лидера пришли к общему мнению, что Индии и Китаю необходимо «отказаться от былого соперничества за влияние в Азии и перейти к взаимовыгодному сотрудничеству, особенно по таким приоритетным направлениям,

как развитие информационных технологий и борьба с международным терроризмом». В ходе бесед были затронуты вопросы глобальной и региональной безопасности, причем стороны сошлись на том, что «Индии и Китаю следует выдвинуть в ООН совместную инициативу, направленную на защиту прав и интересов развивающихся стран и установление нового, справедливого мирового порядка», основу которого должны составить сформулированные Дж. Неру и Чжоу Эньлаем «пять принципов мирного сосуществования».⁴⁶

К.Р. Нараянан и Цзян Цзэминь выразили уверенность в дальнейшем расширении и укреплении индийско-китайских отношений, которые китайские политологи сегодня определяют как «естественное стратегическое партнерство».⁴⁷ Сделав важный шаг на пути к примирению, Индия и Китай вступили в XXI век со взаимной надеждой на новые перспективы более тесного, конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества.

1. В настоящее время площадь Китая — 9,6 млн км², а Индии — 3,2 млн км², при численности населения (по данным на 2000 г.) 1,3 млрд и 1,0 млрд человек соответственно.
2. "Small states of South Asia" — термин, широко используемый в англоязычной литературе. Речь идет о государствах, значительно уступающих по территории и численности населения Китаю и Индии: Бангладеш, Бутане, Непале, Шри-Ланке и др.
3. Цит. по: Ranganathan C.V., Khanna V.C. *India and China: The Way Ahead after "Mao's India War"*. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 122.
4. Rajan M.S. *India's Foreign Policy in the New Millennium // Review of International Affairs*. Belgrade, Feb.-Mar. 2000. Vol. 51. № 1089-90. Pp.41-42.
5. Khadka. N. *Geopolitics and Development: A Nepalese Perspective. // Asian Affairs*. London, Fall 1992. Vol. 19. №3. Pp.151-152.
6. Malik, J. Mohan. *Sino-Indian Rivalry in Myanmar: Implications for Regional Security // Contemporary Southeast Asia*. Singapore, Sep. 1994. Vol. 16. №2. Pp. 140-141.
7. Bose S. *Kashmir: Sources of Conflict, Dimensions of Peace // Survival*. London, Autumn 1999. Vol. 41. №3. Pp.149-153.
8. Ranganathan C.V., Khanna V.C. *India and China: The Way Ahead after "Mao's India War"*. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. Pp.136-137.
9. Mahapatra Ch. *South Asia's Nuclear Issues and U.S. Foreign Policy // Russia-China-USA: Redefining the Triangle. / Ed. by A. Voskressensky*. New York: Nova Science Pub., 1996. P.141.
10. Talbott S. *Dealing with the Bomb in South Asia // Foreign Affairs*. New York, Mar.-Apr. 1999. Vol. 78. № 2. Pp.110-115.
11. Ranganathan C.V., Khanna V.C. *India and China: The Way Ahead after "Mao's India War"*. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P.152.
12. Vivekanandan B. *CTBT and India's Future // International Studies*. New Delhi, Oct.-Dec. 1999. Vol. 36. № 4. Pp. 357-360.
13. Singh J. *Against Nuclear Apartheid // Foreign Affairs*. New York, Sep.-Oct. 1998. Vol.77. №5
14. SIPRI Yearbook 2000: *Armaments, Disarmament and International Security*. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Oxford: Oxford University Press, 2000. Соответствующие комментарии индийских экспертов см., в частности: Bakhsi J. *Russia-China Military-Technical Cooperation: Implications For India // Strategic Analysis*. New Delhi, July 2000. Vol. 24. № 4; Pande S. *Chinese Nuclear Doctrine // Strategic Analysis*. New Delhi, March 2000. Vol. 23. № 12 и др.
15. Dixit J.N. *External Threats and Challenges: An Overview of India's Foreign Policy. // World Affairs*. New Delhi, Jan.-Mar. 1999. Vol. 3. № 1. Pp. 31-32.
16. Ranganathan C.V., Khanna V.C. *India and China: The Way Ahead after "Mao's India War"*. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. Pp. 69-70.
17. Prakash S. *India-China Relations: A Comparative View of the 1950s and Early 1990s // India Quarterly*. New Delhi, Jul.-Sep. 1996. Vol. 52. Pp. 2-3.

18. Singh, S. Sino-Indian Ties: Moving Beyond Confidence-Building Measures // South African Journal of International Affairs. Johannesburg, Winter 1997. Vol. 4. Pp. 130-131.
19. Каушик Д. Треугольник выживания: Индия-Россия-Китай (интервью. // Служба внешней разведки. 27 мая 1999. №39 (55). С. 3.
20. Singh S. Sino-Indian Ties: Moving Beyond Confidence-Building Measures // The South African Journal of International Affairs. Johannesburg, Winter 1997. Vol.4. №2. P. 131.
21. Ibid.. P. 140.
22. Chakravartty S. President of India in China: A Productive Visit // Mainstream. Delhi, June 10, 2000. Vol. 38. № 25. P. 5.
23. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. Pp. 98-99.
24. Singh J. Post-Cold War Security Situation in Southern Asia // Strategic Analysis. Delhi, Apr. 1994. Vol. 17. № 1. P. 18.
25. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. Pp. 145-146.
26. Ranganathan C.V., India-China Relations: Problems and Perspectives // World Affairs. New Delhi, Apr.-Jun. 1998. Vol. 2. № 2. Pp. 108-109.
27. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 147.
28. Vivekanandan B. CTBT and India's Future // International Studies. New Delhi. Dec. 1999. Vol. 36. № 4. Pp. 374-375.
29. Ibid. P. 374.
30. Singh K.R. International Terrorism as an Instrument of State Policy // International Studies. New Delhi, Apr.-Jun. 1995. Vol. 32. № 2. P. 120.
31. Chakravartty S. President of India in China: A Productive Visit // Mainstream. Delhi, June 10, 2000. Vol. 38. № 25. P. 5.
32. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. Pp. 147-148.
33. Pandey M. For Tibetans, India Matters More than West // The Sunday Times of India. New Delhi, October 1, 2000. Vol.8. №40. P.14.
34. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P.35.
35. Gupta R. Buddhism Goes Full Circle in Enlightened India // The Weekend Australian. February 26-27, 1994. P. 13.
36. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 176.
37. Baru S. The Economic Dimension of India's Foreign Policy // World Affairs. Delhi, Apr.-Jun. 1998. Vol. 2. № 2. Pp. 89-93; 97-101.
38. Ranganathan C.V., Khanna V.C. India and China: The Way Ahead after "Mao War". New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 121.
39. Ibid. P. 121.
40. Kumar S. Rethinking Security in South Asia // International Studies. New Delhi. Apr.-Jun. 1999. Vol. 36. № 2. P. 103.
41. Rodrigo N. Attempts at Regional Cooperation in South Asia // World Affairs. Delhi, Jan.-Mar. 1999. Vol. 3. № 1. Pp. 17; 24.
42. С 1998 г. к форуму BIMST-ЕС в качестве наблюдателя присоединился Непал.
43. Ahsan A. Bangladesh's Foreign Policy: In Search of Security and a New Role // World Affairs. New Delhi, Jan.-Mar. 1999. Vol. 3. № 1. Pp.54-56.
44. Chakravartty S. President of India in China: A Productive Visit // Mainstream. Delhi, June 10, 2000. Vol. 38. № 25. Pp 32-33.
45. См. Malik J. Mohan. China-India Relations in the Post-Soviet Era: The Continuity of Policy // China Quarterly. London, June 1995. №142. P.322.
46. Chakravartty S. President of India in China: A Productive Visit // Mainstream. Delhi, June 10, 2000. Vol. 38. № 25. Pp.4-6.
47. Такого мнения, в частности, придерживается известный китайский индолог Хунвэй, профессор пекинского Института Азиатско-Тихоокеанских исследований. Цит. по: Chakravartty S. President of India in China: A Productive Visit // Mainstream. New Delhi, June 10, 2000. Vol. 38. № 25. P.5.

Экономика

Десятый пятилетний план экономического и социального развития КНР

Китай с этого года приступил к выполнению своего 10-го пятилетнего плана (2001-2005 гг.)

Редакция журнала публикует два материала, посвященные характеристике и анализу основных положений плана и его места в экономической стратегии КНР. Первый материал — это тезисы доклада доктора экономических наук И.Н.Наумова на Ученом совете ИДВ РАН, второй — статья заместителя директора Института, доктора экономических наук В.В.Михеева, подготовленная по итогам обсуждения 10-й пятилетки Китая в Центре социально-экономических исследований Китая и Северо-Восточной Азии ИДВ РАН.

Десятая пятилетка в реализации экономической стратегии КНР

© 2001

И. Наумов

1. Планирование экономического и социального развития в КНР — сложившаяся традиция. Разрабатываются 5-летние планы, на их основе годовые, планы развития провинций, городов, уездов, волостей и т.д. В ходе изменений экономических и политических условий преобразуются функции и методы планирования, но напряженная плановая работа не прекращается. В правительствах всех ступеней, начиная с Госсовета и кончая волостями и предприятиями, имеются комитеты, отделы, занимающиеся плановой работой. В 90-е годы от плана к плану повышалось качество планирования. С ростом уровня познания собственной экономики, устроения оценки своих достижений и неудач, глубины понимания законов развития мировой экономики активно велись исследования перспектив развития. Примером может служить "Девятый пятилетний план экономического и социального развития КНР и перспективная программа до 2010 г.", принятая на 4-й сессии ВСНП в марте 1996 г. (далее "Программа 2010 г."). 10-я пятилетка разрабатывалась с учетом преемственности как достижений, так и остающихся от 9-й пятилетки проблем.

2. 9-я пятилетка (1996-2000) стала первой после 1978 г., когда итоги ее реализации были наиболее близки к плановым заданиям. С одной стороны, она разрабатывалась на период оздоровления и упорядочения экономики после предпринятого "скачка" в 1992-1994 гг., с другой — как поворотный рубеж в развитии экономики от традиционно экстенсивного, ресурсо- и трудозатратного способа роста к интенсивному, науко-, технико- и капиталоемкому способу роста. За первые 2-3 года была подавлена инфляция, сформирована благоприятная накопительно-инвестиционная среда, а также предприняты меры по активизации финансовой политики — все это позволило выполнить план по среднегодовому приросту ВВП (8,3%). Улучшилось сбалансирование спроса и предложения. В течение трех лет ежегодный сбор зерновых превышал 500 млн. т. Несмотря на произошедший сбой во внешней торговле в 1998-1999 гг., вызванный финансовым кризисом в ЮВА, в 2000 г. план товарооборота был перевыполнен. Значительно продвинулись вперед научно-техническая реконструкция и обновление производственных фондов.

3. Ведущим направлением 9-й пятилетки была реформа государственных предприятий и создание системы современных предприятий. В связи с отставанием в этой области в 1998-2000 гг. Госсоветом были предприняты экстренные меры для преобразования крупных и средних предприятий в трансрегиональные, транснациональные и трансотраслевые корпорации и для создания "первоначального каркаса системы современных предприятий", "первоначального каркаса системы социалистической рыночной экономики". По словам премьера Госсовета Чжу Жунцзи, "реформа в КНР находится на стадии штурма".

4. Несмотря на значительное продвижение экономики вперед, многие проблемы, ставшие хроническими, в 9-ю пятилетку не были решены и перешли в 10-ю пятилетку, а именно:

— нерациональная структура производства, нескоординированность регионального развития, невысокая эффективность всей экономической системы;

— низкая эффективность работы предприятий, большая убыточность, растущие задолженность и неплатежи; незавершенность создания системы современных предприятий;

— недостаточно высокое качество выпускаемой продукции, малая глубина ее обработки, узкий ассортимент, невысокая классность, результатом чего является слабая ее конкурентоспособность на мировых рынках;

— большое отставание по уровню развития науки, техники и образования от передового мирового уровня; отсутствие тесной связи между производством, наукой и образованием;

— увеличивающееся демографическое давление и растущий дефицит воды, земли, нефти, газа и других важных видов сырья; тяжелая экологическая ситуация в ряде районов страны;

— несовершенная система социалистического рынка; хаотическое состояние экономики и рынков в некоторых районах;

— возрастающая дифференциация в доходах населения, медленный рост доходов крестьян, работающих на земле;

— опасные явления коррупции, хищений государственного имущества, разложения, барства, расточительства, формализма и бюрократизма, наличия социально неспокойных районов.

5. Названные выше и другие проблемы, требующие обязательного решения, определили стратегию и рамки планирования 10-й пятилетки. Непосредственная подготовка к разработке плана началась еще летом 2000 г. 11 октября 2000 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва были приняты "Предложения ЦК КПК по разработке 10-го пятилетнего плана экономического и социального развития КНР" (2001-2005). Спустя пять месяцев, 15 марта 2001 г. на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва разработанный в Госсовете проект плана "Основных положений 10-го пятилетнего плана государственного эконо-

мического и социального развития КНР" (далее "Основные положения") — был утвержден. В проекте учтены все предложения ЦК КПК, но в отличие от "Предложений" направления и задачи сформулированы более четко и адресно, переставлены некоторые разделы. Включен новый и чрезвычайно важный (10-й) раздел — "Реализация плана". Помимо введения, текст плана содержит 10 разделов, разделенных на 26 глав, которые, в свою очередь, разбиты на 65 параграфов. В каждом из последних сформулировано несколько крупных, нередко и невероятно трудных, общенародных проблем, которые предстоит решать в эти 5 лет всей стране под руководством правительства.

6. В качестве основного руководящего курса в "Основных положениях" выдвигается принцип дальнейшего развития на основе достигнутых успехов китайской экономики и общества. Указывается, что необходимо правильно понимать тенденции развития мировой экономики и ставить экономическое созидание в центр работы, что развитие является ключом к решению коренных проблем, которыми отягощено народное хозяйство в КНР. В тексте приводится несколько показателей, которые должны быть достигнуты в 2005 г. Среднегодовой темп прироста производства ВВП планируется (с запасом) на уровне 7%. Его объем должен достичь в 2005 г. 12,5 трлн. юаней, то есть увеличиться по сравнению с 2000 г. почти на 40%. Претерпит изменение структура производства ВВП. В результате более низких темпов прироста уменьшится доля сельского хозяйства, несколько увеличится доля промышленности и сферы услуг, изменится соотношение занятости в сферах производства (См. таблицу).

Год	Сельское хозяйство (I сфера)	Промышленность, строительство (II сфера)	Транспорт, связь, торговля и др. услуги (III сфера)
Производство ВВП по сферам экономики (%)			
1999	17,7	49,3	33,0
2005	13,0	51,0	36,0
Доля занятых по сферах производства (%)			
1999	50,1	23,0	26,9
2005	44,0	23,0	33,0

7. Подавляющая часть "Основных положений" посвящена определению условий, факторов и заданий, необходимых для реализации принципа развития. На первое место ставятся проблемы упорядочения структуры и подъема на новый научно-технический уровень материального производства. Раздел начинается с необходимости укрепления и развития сельского хозяйства как основы развития всей экономики и жизни общества. Выдвинуто требование стабилизации потенциальных возможностей выращивания зерновых, для этого предлагается ряд конкретных мер: сохранение имеющейся пахотной площади, расширение семеноводческих хозяйств, совершенствование системы орошения, повышение плодородия средне- и низкоурожайных полей, упорядочение размещения создаваемых баз товарного зерна, увеличение материальной и финансовой поддержки основным районам производства продовольствия. Предполагается увеличение размеров хозяйств, ускорение юридического оформления закрепления земли за крестьянами. Говорится, что кооперирование крестьянских хозяйств с крупными предприятиями по производству, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции — важный путь создания современной агропромышленной сферы. Намечено проведение масштабных работ по борьбе с эрозией почв, стихийными бедствиями, по оздоровлению среды обитания и экономии земельных и водных ресурсов.

8. Промышленность рассматривается в плане в качестве стового хребта экономики, основной сферы развития производительных сил; главное средство достижения стратегической цели — государственная политика, на-

правленная на осуществление научно-технической реконструкции всего народного хозяйства и поддержания высоких темпов экономического роста. Субъектами хозяйствования должны стать предприятия, компании, корпорации, работающие на рынок и растущий спрос, опирающиеся на научно-технический прогресс. В результате должны повышаться качество и классность продукции всей промышленности и ее конкурентоспособность на мировых рынках. Металлургия, машиностроение, электроника, нефтехимия и химия, производство строительных материалов, станкостроение, приборостроение, автомобиль- и авиастроение, космические отрасли нацеливаются на ускоренную научно-техническую реконструкцию, на овладение новыми и высокими технологиями, на сокращение отставания от развитых стран. Запрещается дублирование строительства промышленных объектов.

9. Поистине масштабные задачи ставятся в области строительства, инфраструктуры и базовых отраслей народного хозяйства, включая водное хозяйство, транспорт и связь, топливно-энергетический комплекс. О размахе строительства можно судить по тому, что только в бассейнах крупных рек предполагается возвести 8 крупных водохозяйственных объектов. Учеными разработаны и активно осуществляются общий план водного строительства в стране и план работ в районах крупных рек и водоемов. Крупные проекты намечаются в развитии транспортной сети во всех ее видах и по выводу ее на более высокий научно-технический уровень, а также уровень безопасности.

Дальнейшее строительство и совершенствование структуры предполагается в топливно-энергетическом комплексе. Будут реконструироваться крупные угольные шахты и строиться новые эффективные предприятия. Крупные проекты реализуются в развитии электроэнергетики. Кроме уже сооруженных гидроэлектростанций Санься, Сяоланди и других объектов, планируется начать строительство еще 8 крупных гидроэлектростанций. Наступает очередь ускорения освоения западных районов, что связано, в частности, с переброской нефти, газа, электроэнергии, сырья в промышленные районы Восточного Китая, испытывающие в них острый дефицит.

10. Согласно плану первопроходцами в деле создания современного Китая должны стать наука и образование. Перед китайской наукой поставлена задача работать на опережение и приложить максимум усилий, чтобы в кратчайшие сроки достичь в ведущих областях науки передового мирового уровня либо предельно сократить разрыв, а в некоторых областях вырваться вперед. Опережающая информатизация экономики рассматривается как мощный стимул ее развития. Финансирование фундаментальных и наиболее важных прикладных наук государство берет на себя. С этой целью предполагается в 2005 г. расходы на развитие науки увеличить с 0,6% ВВП в 1998 г. до 1,5% ВВП, что составит 188 млрд юаней (22,7 млрд ам. долл.), то есть в 3,6 раза больше, чем в 1998 г. Предусматривается активизация усилий по укреплению связи производства, науки, техники, образования. На крупных предприятиях ускоренно создаются научно-исследовательские и внедренческие центры и подразделения; организуются заводы-вузсы, научно-исследовательские и производственные зоны.

В специальном разделе плана сформулированы такие задачи, как ограничение притока населения, экономия и повышение эффективности использования природных ресурсов, особенно водных, земельных, энергетических.

11. Одним из главных факторов стимулирования экономического роста должно стать энергичное проведение реформ фактически во всех сферах деятельности. На первое место выдвигается углубление реформ государственных предприятий и создание системы современных предприятий, начатых еще в 90-е годы. Смысл реформы заключается в том, что в центральном управлении остается небольшая группа крупных предприятий, имеющих особое стратегическое значение для страны и ее безопасности. Другая группа крупных и средних предприятий, работающих в жизненно важных отраслях, преобразу-

ется в компании с ограниченной ответственностью на государственном капитале и акционерные компании с ограниченной ответственностью на смешанном капитале при сохранении за государством контрольного пакета акций. Третья группа крупных и средних предприятий, функционирующих в обычных сферах, превращается в акционерные компании с ограниченной или неограниченной ответственностью. Мелким предприятиям рекомендуется в зависимости от условий объединяться, сливаться, переходить на аренду, подряд, в коллективное управление, образовывать акционерно-кооперативные предприятия или продавать в частные руки.

В отношении кредитно-денежной системы указывается на необходимость дальнейшего совершенствования внутренней структуры, формирования саморегулируемого эффективного механизма, оберегающего ее от серьезных рисков. Некоторым коммерческим банкам разрешается переходить на акционирование при сохранении контрольного пакета акций у государства. Углубленные реформы намечаются в инвестиционной сфере, налогово-бюджетной системе.

12. В качестве мощного стимулятора экономического роста и научно-технического прогресса остается расширение политики открытости, развитие торговых и научно-технических связей. Вступление в ВТО рассматривается в КНР как объективная необходимость, которая позволит значительно расширить рынки сбыта для своей промышленности и приобретения за рубежом новой техники, современных технологий, передовых достижений науки и разнообразных сырьевых и энергетических ресурсов.

13. Поскольку реализация "Общих положений" будет возможна только при обеспечении роста внутреннего спроса и национальной стабильности, планом предусматривается рост народного благосостояния, расширение масштабов занятости, улучшение здравоохранения и социальной защищенности населения.

14. "Основные положения" логично завершаются разделом "Реализация плана", из которого явствует, что правительство, разработав план экономического и социального развития на 2001-2005 гг., берет на себя весь груз ответственности за его реализацию, причем конкретно прописано большое количество долгосрочных и краткосрочных мер, которыми оно должно заниматься. Главным методом управления остается макрорегулирование и контроль, которые включают плановые, финансовые, кредитно-денежные методы, а также активное использование ценообразования, налогово-бюджетной системы, процента, валютного курса и других экономических рычагов. Административные методы не исключаются из макрорегулирования, однако они должны быть нормативными и научно обоснованными. Правительство берет на себя также ответственность за реализацию "больших дел", в число которых входит концентрация сил и средств для развития энергетики, транспорта, освоения западных районов, подъема науки, вхождения в АТО и обеспечения национальной безопасности.

15. "Основные положения" — серьезно проработанный среднесрочный прогноз экономического и социального развития КНР на период 2001-2005 гг. Его содержание отвечает требованию решения наиболее глубоких и острых проблем современного Китая. Считается, что в настоящее время у КНР есть благоприятные условия для экономического и научно-технического подъема. Вместе с тем выполнение плана возможно только при самом активном подключении к этой работе тех регионов, где решаются основные проблемы экономического развития страны, при условии сохранения и укрепления социальной стабильности китайского общества и в мире.

О новой пятилетке Китая

© 2001

В. Михеев

В Китае принят к исполнению десятый пятилетний план социально-экономического развития страны на 2001-2005 годы. Центр социально-экономических исследований Китая и Северо-Восточной Азии ИДВ РАН провел обмен мнениями по данному вопросу между учеными Центра. Настоящий обзор, отражающий точку зрения автора, содержит также наиболее интересные оценки новой китайской пятилетки, высказанные участниками обсуждения.

Десятая пятилетка отражает качественно новый подход китайского руководства к курсу реформ в условиях глобализации мировой экономики и становления глобальной «экономики знаний» на основе новейших достижений информационно-технологической революции. Акцент делается на переходе от экстенсивных к интенсивным факторам роста.

В новой пятилетке, хотя это и не декларировано непосредственно, закрепляется тенденция последних 2-х — 3-х лет, прошедших после азиатского финансового кризиса, который заставил китайское руководство по-иному посмотреть на соотношение внутренних и внешних факторов развития, — тенденция превращения курса «открытости» в *курс интеграции* китайской экономики в мировое рыночное хозяйство. Заметим, в мировое рыночное хозяйство, играющее по правилам, задаваемым ведущими экономиками Запада — американской, западноевропейской, японской. Практическим воплощением этого изменения стратегии реформ стало стремление Китая к скорейшему вступлению в ВТО. Новая пятилетка станет, таким образом, первым в истории китайских реформ планом развития Китая как члена глобальной торговой организации. Это обстоятельство, со всеми его плюсами и минусами, возможностями и угрозами для китайской экономики, и позволяет говорить о новом этапе экономического развития, в который вступает Китай в новом столетии.

Вступление Китая в ВТО будет способствовать улучшению конкурентной среды в китайской экономике путем ее адаптации, подстраивания, приведения ее в соответствие с современными международными стандартами. Это обстоятельство объективно будет создавать новые возможности для повышения эффективности деятельности китайских хозяйственных субъектов. С другой стороны, очевидно, будет усиливаться и конкуренция на китайском рынке между национальными и иностранными участниками экономической жизни. Чтобы сделать свои предприятия готовыми к такой конкурентной борьбе, Китай идет на масштабные реформы государственных промышленных предприятий и государственного финансового сектора. Структурная перестройка эко-

номики и маневр экономическими ресурсами в целях обеспечения по возможности безболезненного вступления Китая в ВТО являются *главным содержанием* нового пятилетнего плана экономического развития КНР.

Однако понимая, что одной структурной реформы (в Китае не используют термин «приватизация», но суть реформы госсектора от этого не меняется) недостаточно для обеспечения намеченных пятилеткой темпов роста экономики в 7-8% в год и для повышения эффективности народного хозяйства, Китай вводит в действие второй, в дополнение к фактору интеграции в мировой рынок, фактор экономического роста — *активную финансовую политику*. Посредством выпуска государственных облигаций Китай предполагает стимулировать рост инвестиций и совокупного общественного спроса в экономике.

Третьим компонентом новой китайской стратегии в десятой пятилетке станет использование *научно-технологических факторов роста*. Ставка делается на создание и внедрение новых технологий в таких отраслях, как телекоммуникации, микроэлектроника, биотехнологии и т.д.

Ставка на три фактора экономического развития — интеграцию в мировую экономику, либерализацию национальной экономики и развитие внутренней конкуренции — обуславливает необходимость осуществления активной финансовой политики, научно-технологической революции, нового подхода Китая к соотношению роли государства и рынка в ходе реформ. Государство, с одной стороны, уходит из экономики на микроуровне, но усиливает свою роль на макроуровне в качестве силы, направляющей развитие и формулирующей новые рыночные, создаваемые по западным стандартам, правила игры.

На микроуровне ставка делается на реструктуризацию госпредприятий в целях обеспечения их адаптации к глобальным рынкам, частью которых китайская экономика уже стала. Приоритет в новой пятилетке отдается частному сектору и иностранным фирмам. Крупные государственные предприятия, в принципе готовые к участию в международной конкуренции, будут преобразованы в конгломераты, по образцу южнокорейских «чэболь». Этот процесс затронет такие отрасли, как телекоммуникации, электроника, транспорт, военно-промышленный сектор и др. В качестве защитной меры предполагается оставить неконкурентоспособные, но необходимые, с точки зрения задач поддержания макроэкономической стабильности, госпредприятия на балансе государства, исключая их из «конкурентного поля».

Другой защитной мерой станет осторожный подход к реформе финансового сектора, на сегодня почти полностью контролируемого государством. Здесь предполагается, с одной стороны, постепенно, в соответствии с обязательствами Китая перед партнерами по ВТО, либерализовать деятельность китайских банков и других финансовых институтов, открыть финансовый рынок Китая для иностранцев, поощрять становление частных банков. Важным новым элементом финансовой политики станет активное развитие фондовой биржи, включающее вероятное слияние рынков акций типа «А» и типа «Б» (для резидентов и нерезидентов, соответственно). Фондовому рынку будет передана и функция по оздоровлению «пускаемых в рыночное плавание» госпредприятий путем более масштабного выпуска последними акций и их размещения на китайском фондовом рынке. Таким образом, впервые задачи повышения эффективности работы до настоящего времени остающихся государственными предприятий будет решать сам финансовый рынок, а не государство непосредственно, определяя тем самым ключевое направление изменения структуры форм собственности в китайской экономике в пользу собственности частной.

С другой стороны, сроки приватизации собственно банковского сектора экономики Китая пока еще не определены. Следуя в этом вопросе прежней стратегии постепенности, Китай опасается того или иного варианта повторения

азиатского финансового кризиса образца 1997-1998 гг., способного нанести тяжелейший удар по еще не окрепшей по международным параметрам, но уже открытой банковской системе страны. Вопрос пропорций между темпами банковской либерализации и поддержания устойчивости национальной банковской системы решен в десятой пятилетке скорее традиционным, чем новаторским способом «не определенного по срокам градуализма».

В новой пятилетке предполагается также сократить налоги на крестьянские хозяйства, уменьшить число министерств, поощрять создание мелких и средних предприятий в новой «экономике знаний» и «электронном бизнесе».

Усиление макрорегулирующей роли государства в новой пятилетке проявляется по следующим главным направлениям. Первое — создание соответствующих мировым стандартам правил хозяйственной и финансовой деятельности. Китайское руководство полагает, что все секторы национальной экономики должны быть готовы к вступлению в ВТО, т.е. к работе по международным стандартам. Любопытна в этой связи позиция китайских банкиров относительно налаживания российско-китайского межбанковского сотрудничества, высказанная на первом российско-китайском межбанковском форуме, проходившем в Москве в апреле 2001 г. под руководством председателей Центробанков двух стран. Суть позиции проста: Китай готов развивать межбанковское сотрудничество с Россией, однако только на основе современных международных стандартов и при условии соответствия российских банков этим стандартам.

Второе — осуществление масштабных инвестиций в приоритетные проекты. Наиболее крупными из них являются программа развития западных районов страны, включающая в числе прочего такие мегапроекты, как создание систем передачи газа и электроэнергии с Запада в приморские районы КНР, переброска водных ресурсов с Юга на Север, строительство железной дороги в Тибете. К заботам государства в ближайшие пять лет отнесены инвестиции в развитие сельскохозяйственной инфраструктуры КНР, а также в науку и наукоемкие производства.

Третье — государство планирует осуществить реформу системы социального обеспечения. В новой пятилетке будет продолжен курс на создание общенациональной системы социального страхования, на что, по оценкам, потребуется порядка 80% годового ВВП Китая, что превращает данную задачу в число «долгорешаемых». За государством остаются функции создания рынка жилья, переквалификации и трудоустройства высвобождающейся рабочей силы. Принципиальным моментом в реформировании социальной системы КНР является ее постепенная коммерциализация. Не случайно, вероятно, в новом пятилетнем плане обойдена такая традиционная для стратегического мышления китайских лидеров задача, как сокращение социального разрыва между бедными и богатыми.

Четвертое — особое внимание государство будет уделять подготовке национальных кадров, оснащенных современными информационно-технологическими знаниями и навыками.

Новый подход китайского руководства к соотношению роли государства и рынка в экономике нашел симптоматичное проявление в отказе от директивного планирования. В отличие от предыдущего пятилетнего плана, сохранившего около 90 директивных показателей, нынешний таковых не имеет. В этом факте нашло отражение как возрастание роли частного сектора в развитии китайской экономики сверх той черты, до которой роль государства в экономике была преобладающей. Так и, возможно, стремление китайского руководства подстраховаться в новых интеграционно-рыночных хозяйственных условиях, в которых Китай окажется в начале нового века и воздействие которых на становящуюся все более свободной от опеки государства китайскую

экономику пока не до конца просчитывается. Подстраховаться и не брать на себя конкретных обязательств, в случае невыполнения которых можно получить серьезный политический упрек от китайского общества.

Политический вывод из анализа десятой китайской пятилетки состоит в том, что превращение рыночно-интеграционного фактора в один из главных факторов роста китайской экономики обусловит дальнейшее усиление экономической взаимозависимости Китая и мировых экономических лидеров — США, Японии, Евросоюза. Что эта усиливающаяся взаимозависимость делает более явными и вместе с тем менее подвижными пределы ухудшения политических отношений между Китаем и Западом. Что, наконец, России важно видеть: развивать дальше экономическое и политическое сотрудничество с Китаем можно лишь, отталкиваясь от международных правил «экономической жизни» и не в противовес «влиянию Запада», а, напротив, ища такие направления и формы российско-китайского сотрудничества, которые бы помогли и России, подобно Китаю, активнее и глубже включаться в мировое рыночное хозяйство.

Переход к новой модели социально-экономического развития Китая — от экстенсивных факторов и открытости к интенсивным факторам и интеграции в глобализирующуюся мировую экономику — ставит перед Китаем своего рода *экономические и политические ловушки*, анализ которых не был представлен в новом пятилетнем плане развития китайской экономики. Кратко суммировать их можно было бы в следующем варианте.

Первая ловушка — финансовая. Как избавиться от плохих кредитов и нерентабельных государственных банков, как подтолкнуть рост внутреннего спроса и освоить новые малонаселенные и неразвитые экономические районы и при этом (а) сохранить «командные высоты» в руках государства и (б) не превысить той величины дефицита госбюджета, за которой может быть поставлена под вопрос финансовая стабильность страны?

Вторая ловушка связана с вопросом, как повысить эффективность работы исключаемых из рыночного поля госпредприятий и избежать при этом всплеска безработицы в городах?

Третья ловушка — внешнеэкономическая. Насколько будет готово китайское руководство допустить на деле усиление контроля иностранного капитала — после вступления Китая в ВТО — над сферой финансовых услуг? Насколько оно будет готово поделиться финансовой властью с иностранцами и при этом сохранить способность компартии Китая и государственной власти определять стратегические направления развития китайской экономики?

Четвертая ловушка — интеграционная. Пока лишь «маячащая» в неясных контурах будущей азиатской интеграции. И тем не менее: каково будет отношение Китая к перспективам финансовой интеграции АТР? Будет ли Пекин готов на деле признать йену в качестве основы будущей единой азиатской валюты? Или будет противодействовать этому, выдвигая альтернативные варианты, в том числе и на основе китайского юаня? Как это финансовое противоборство повлияет на политическую ситуацию в регионе и на экономические связи Китая с Японией, одним из основных экономических партнеров КНР?

У этой ловушки есть и еще один аспект. Успех китайских реформ во многом будет зависеть от успеха адаптации Китая к региональной экономической интеграции и от учета и успешной адаптации требований глобализации и регионализации к внутренней стратегии экономического развития Китая. Шанс избежать этой ловушки связан со способностью Китая найти баланс, *«сформулировать компромисс»* между национальными и региональными экономическими интересами. Дело это для Пекина пока весьма сложное — пока в китайской экономической модели доминирует исключительно национальный интерес.

Пятая ловушка — политическая. Можно ли дальше идти по пути реформ, исповедуя принципы «социализма с китайской спецификой», т.е. рыночной и интегрирующейся в мировое капиталистическое хозяйство экономики при монополии компартии на политическую власть? И если в краткосрочном плане ответ на этот вопрос определенно выглядит положительным, то в среднесрочной и долгосрочной перспективе — по мере концентрации частного капитала в Китае, становления среднего класса и прихода нового поколения китайских политиков с сильными потребностями в плюрализме идей и демократической процедуре выборов властей — ответ уже не представляется столь однозначным.

Наконец, шестая ловушка — внешнеполитическая. Раздражителем здесь может стать Тайвань. Однозначно негативное отношение к проблеме суверенитета Тайваня, угрозы применить военную силу, если Тайвань не согласится на объединение с Китаем до 2005–2007 гг., ухудшают внешнеполитический имидж Китая и осложняют его отношения с США и странами Запада. С другой стороны, Китай не может отказаться от требования объединения с Тайванем, рассматривая отказ от идеи объединения как прецедент, способный дать толчок сепаратистским движениям в других частях Китая — в Тибете, Синьцзяне, и ослабить международные позиции КНР. Выбор между экономическим прагматизмом и национально-государственной политической логикой вряд ли будет делом простым и безболезненным.

Таким образом, эволюция китайской социально-экономической модели, осуществляемая вслед за появлением реальных экономических проблем и реакцией на них (их решением) китайского государства, приводит к появлению новых реальных или прогнозируемых проблем, требующих в свою очередь новых корректив политики модернизации и китайской модели социально-экономического развития. Корректив, вовсе не однозначно «обреченных на успех» — лишь потому, что в их основе лежит китайский прагматизм и китайская постепенность.

В ходе обсуждения темы десятой китайской пятилетки *сотрудниками Центра Социально-экономических исследований Китая и Северо-Восточной Азии ИДВ РАН* были высказаны следующие интересные соображения, не всегда друг с другом совпадающие и не всегда совпадающие с только что изложенным мнением автора данного обзора.

Д.э.н. И.Н. Наумов сделал акцент на том, что десятая пятилетка является продолжением восьмого и девятого пятилетних планов социально-экономического развития КНР. По мнению И.Н. Наумова, восьмая пятилетка не выполнила задачи преодоления «перегрева» китайской экономики и обеспечения стабильного развития, которые перешли на следующую, девятую, пятилетку. Новый пятилетний план является продолжением предыдущих в рамках 15-летней долгосрочной стратегии развития КНР. Главной особенностью новой пятилетки представляется нацеленность на обеспечение высоких темпов экономического роста за счет изменения нерациональной структуры промышленности. И.Н. Наумов выделил такие ключевые составляющие новой пятилетки, как ставка на научно-технический прогресс и развитие системы образования, реформа государственных предприятий и ограничение роста населения Китая, нацеленность на равномерное устойчивое развитие, включая попытку поддержать экологический баланс.

Д.э.н. В.В. Карлусов обратил внимание на главное противоречие, с которым столкнется китайская экономика в ходе выполнения десятой пятилетки, — на противоречие между ростом ресурсопотребления, как основы устойчивого роста, и ограниченностью ресурсов в КНР. Последнее и заставляет Китай глубже участвовать в мировых хозяйственных связях.

К.э.н. И.Н. Коркунов отметил, что в новом пятилетнем плане просматривается курс Китая на переход от стратегии развития с использованием в

первую очередь внутренних резервов роста к стратегии активного участия в глобализации. От вступления в ВТО Китай ожидает снижения таможенных пошлин в странах-импортерах китайской продукции, привлечения инвестиций и современных технологий в китайскую экономику. Вместе с тем Китай, по мнению И.Н. Коркунова, не готов полностью к вступлению в ВТО. В частности, китайское сельское хозяйство может пострадать от конкуренции с импортерами зерна на внутреннем рынке. В новой экономической стратегии КНР И.Н. Коркунов видит возможность более активного развития российско-китайского экономического сотрудничества в освоении российских природных ресурсов, утилизации наших научных технологий, использовании квалифицированной российской рабочей силы.

Д.э.н. Л.И. Кондрашова отметила важность видеть как новое, так и черты преемственности в разработанной в десятой пятилетке стратегии экономического роста КНР. В качестве элемента *преемственности* Л.И. Кондрашова предлагает рассматривает ориентацию китайского руководства на обеспечение роста потребления, в том числе за счет роста стоимости рабочей силы, и научно-техническую революцию как на основу развития экономики и проведения политики реформ. Новым элементом Л.И. Кондрашова считает переход от разговоров об общественной собственности как основе экономики к развитию концепций государственного капитализма. Последнее отражает тот факт, что государственная собственность перестала быть главной формой собственности в Китае. В Китае начался переход от «рыночного социализма» к государственному капитализму. Продолжая тему преемственности и новизны десятой пятилетки, Л.И. Кондрашова обращает внимание на то, что в новом плане при сохранении политики открытости происходит переход к преимущественному использованию новейших технологий. В *качестве новых моментов* Л.И. Кондрашова выделяет усиление региональной дифференциации в Китае, опасной возможным расколом страны: богатые регионы Китая стремятся уйти от бедных, чтобы не делиться с ними богатством, а бедные — стремятся уйти от богатых, чтобы самостоятельно использовать свои ресурсы к собственной выгоде. Пытаются разрешить данное противоречие, китайское руководство в новой пятилетке делает ставку на развитие отсталых районов. По мысли Л.И. Кондрашовой, если раньше экономический рост в КНР обеспечивался развитием относительно более богатых приморских регионов страны, то теперь — за счет подтягивания бедных, западных районов. Считая, что в общем глобализация идеологически развязывает руки китайскому руководству и что итоговым желанием Китая является стать вторыми США, Л.И. Кондрашова указывает на то, что уже сейчас видны пределы развития Китая, обусловленные экологическими и народонаселенческими проблемами.

Д.э.н. Э.П. Пивоварова также обратила внимание на элементы преемственности и новизны в новой китайской пятилетке. К первым относится урегулирование противоречий и решение проблем, не решенных в предыдущие годы, — таких, как развитие сельского хозяйства, обеспечение региональной сбалансированности развития, повышение качества управления и т.п. Среди новых элементов китайской стратегии роста Э.П. Пивоварова особо выделила ставку на внедрение в производство новейших технологий, повышение уровня образования и на воспитание и привлечение квалифицированных кадров. В этой связи симптоматично, считает Э.П. Пивоварова, что в пятилетнем плане очень детально прописан раздел по кадрам. В решении кадровой проблемы Китай делает ставку на возвращение в национальную экономику китайских специалистов, обучавшихся за рубежом.

Д.и.н. Я.М. Бергер остановился на проблеме соотношения экономической эффективности и социальной справедливости в десятой пятилетке. По

мнению Я.М. Бергера, социальные задачи получили в новом пятилетнем плане весьма сдержанное отражение. Более того, в последнее время видна эволюция взглядов китайского руководства в сторону от обеспечения социальной справедливости. Так, в октябрьском (2000 г.) выступлении премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи на Пленуме ЦК КПК говорится о социальных гарантиях, необходимости не допускать дальнейшего увеличения разрыва в доходах между бедным и богатыми и т.п. В мартовском же выступлении китайского премьера с пятилетним планом развития национальной экономики вместо этих тезисов приводятся более либеральные: о необходимости повышать доходы низкооплачиваемой части населения, об увеличении налогового пресса на высокооплачиваемую часть населения и т.п. Постепенный уход государства из экономики и ставка на рынок в обеспечении экономической эффективности не подкрепляются адекватными шагами государства по поддержанию социальной справедливости. Главным недостатком социальной составляющей новой пятилетки Я.М. Бергер считает отсутствие механизмов по переброске избыточной рабочей силы из сельского хозяйства в город. Выстраивание преград на пути крестьян, желающих жить и работать в городе, затрудняет создание в Китае полноценного рынка труда со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями и для экономической эффективности, и для социальной справедливости.

К.э.н. Л.Д. Бони охарактеризовала новую пятилетку как пятилетку структурных реформ, направленных на плавное вхождение Китая в мировое сообщество. Л.Д. Бони отметила, что цель экономических преобразований в КНР все же состоит в решении социальных задач, выравнивании разрыва в доходах населения. Однако реализуется эта цель в условиях, когда китайская экономика носит еще переходный характер, что предопределяет и специфику постановки многих социальных задач.

К.э.н. И.Б. Шевель заметил, что толчок активной финансовой политике Китая был дан азиатским финансовым кризисом. Однако, считает И.Б. Шевель, активная финансовая политика чревата ростом бюджетного дефицита и ее нельзя проводить без конца. Китай вынужден будет притормозить, что в итоге может сказаться на замедлении темпов экономического роста страны.

К.э.н. О.Н. Борох отметила, что проведенный контент-анализ текста выступления Чжу Жунцзи от десятом пятилетнем плане привел к выводу о том, что 40% использованных иероглифов относится к теме структурной перестройки экономики на основе информационно-технологической революции.

П.Б. Каменнов обратил внимание на стремление Китая продолжать взятый в конце 90-х годов курс на конверсию оборонной промышленности на основе принципов конкурентной борьбы и в целях поднятия конверсионного производства до мировых стандартов к 2010 году.

* * *

Каждый раз обращаясь к теме китайских реформ, трудно не задаться вопросом о России, о том, насколько нам полезен их опыт. В качестве заключения к данной статье обратимся к этому вопросу еще раз.

В России, когда российским реформам ставят в пример успехи китайской модернизации, чаще всего обращают внимание на такие компоненты китайской экономической модели, как постепенность ломки командно-распределительной системы, сбалансированность реформ в разных секторах экономики, творческое применение иностранного опыта, ставка на интеграцию в мировую экономику при соблюдении национальных интересов, развитие научно-технического прогресса и не форсирование политической реформы и т.п. В принципе — это рекомендации весьма тривиальные и естественные. И, видимо, как раз в

том, что Китай следовал тривиальным идеям и естественному пониманию собственных реалий, и заложены успехи китайской реформы.

И в то же время китайский опыт по большей своей части мог бы быть полезен России, лишь оставаясь она такой, какой была в 1991 году, накануне шоковой терапии и форсированной приватизации. Сегодня Россия другая — и произошедшие в нашем обществе и нашей экономике изменения требуют иного взгляда на китайский путь реформ. Что может дать опыт экономической модернизации Китая России образца 2001 года?

Градуализм в маркетизации социалистической экономики и трансформации политической системы? Безусловно, нет. Время для такой постановки вопроса в России ушло. Необходимость адаптации к экономической глобализации и регионализации? Наверное, да. Однако здесь Китай скорее лишь делает пока заявления о намерениях, чем предоставляет примеры эффективных действий. Хотя, конечно, вступление Китая в ВТО объективно заставляет и Россию идти тем же путем — хотя бы для того, чтобы выровнять внешние условия развития своей экономики с китайскими. Ведь Китай не только наш геополитический сосед и перспективный торговый партнер, но и конкурент в борьбе за мировые товарные рынки и иностранные капиталы.

Более интересным представляется опыт создания финансовых основ китайской модели рыночной экономики. Однако, опять же, не в смысле копирования. Китайские финансы вряд ли могут служить идеалом для нас. По формальным признакам — степень открытости, либерализации, развитости финансовых институтов и т.п. — российская финансовая система до 17 августа 1998 г. выглядела более развитой, чем китайская. Проблема, однако, в том, что российская финансовая экономика была оторвана от экономики реальной. Это, с одной стороны, спасло последнюю от тяжелых последствий финансового обвала 1998 г. Однако, с другой — не позволяло реальному сектору нормально развиваться, высасывая капитальные ресурсы с рынка реальных инвестиций в пользу спекулятивного финансового интереса.

В этом контексте главный урок китайского опыта для России состоит в необходимости поддержания соответствия между финансовой и реальной сферами национального хозяйства. Вывод, опять же, весьма банальный, однако в 90-е гг. в России его почему-то не делали, шарахаясь из одной крайности в другую — от «спекулятизации» российских финансов до трактовки, некоторыми экономистами-государственниками, финансов как второстепенного элемента рыночной экономики.

Сегодня разница между Россией и Китаем, помимо прочего, состоит и в том, что России надо *привести в соответствие* финансовый и реальный сектора экономики и научиться обеспечивать их адекватность в ходе дальнейших реформ. Китаю же придется решать другую задачу — *сохранения соответствия* между финансовой и реальной экономикой, а также готовиться к *новому вызову* — обеспечению соответствия между рыночной, т.е. частнокапиталистической экономикой, к которой ведут Китай экономические реформы, и государственно-социалистической политико-законодательной системой. При этом неудача будет ощущаться китайским населением, привыкшим за два десятилетия реформ к постоянному улучшению социально-экономических условий жизни, более болезненно чем в России, пребывающей в длительной фазе экономического спада.

Китайский опыт интересен для нас и в контексте распространенной ныне концепции о том, что государство должно создавать условия развития и правила игры, а частный бизнес должен обеспечивать экономический рост. Ссылаются при этом и на опыт послевоенной Германии, и Японии, и Южной Кореи. Вопрос, однако, в том, что значит «создавать условия». На наш взгляд,

содержание действий по «созданию условий» зависит от конкретной экономической ситуации в стране. Россия, пойдя на шокотерапевтические методы в начале 90-х и уничтожив все сбережения населения, разве создала условия для развития частного капитала? Или приватизация железнодорожного транспорта, системы подачи электроэнергии — разве создают такие условия? И не интересен ли китайский опыт тем, что Китай, сохранив, пусть и с бюджетными издержками, командные высоты в руках государства и защитив сбережения населения от обесценивания, сумел тем самым создать условия для частного бизнеса?

Данный тезис было бы неверно понимать в том плане, что России необходимо копировать конкретные китайские решения. Если что и копировать — так это принцип: определять соотношение между полномочиями государства, создающего правила игры, и частных игроков надо, исходя из конкретной ситуации. Опять банально, не так ли? А эта конкретная ситуация определяется в первую очередь «силой» продавца-производителя и покупателя. Есть ли у потребителей средства, чтобы платить за необходимые товары при данном уровне производительности труда и издержках? Есть ли у производителя возможности (инвестиционные, технологические), чтобы вписываться в лимиты потребителя? И если ответы на эти вопросы отрицательные, то что надо сделать государству, чтобы обеспечить рыночную стыковку возможностей покупателя и продавца хотя бы по тем главным потребностям, которые в первую очередь (при существующей структуре производства) обеспечивают макроэкономические темпы роста? Однако это — уже вопросы к тем конкретным экономическим институтам, которые осуществляют наблюдение за российской экономикой.

Китайский опыт имеет и еще один *важный аспект*, делающий его важным и интересным для России. Не обязательно с точки зрения применения «китайских рецептов». Но с учетом международной и региональной экономической и политической роли Китая, как соседа России и как активного игрока на экономическом пространстве АТР.

Если встать на ту тривиальную точку зрения, к слову разделяемую сегодня в Пекине, что развитие России без использования внешнего фактора (т.е. без встраивания России в процессы глобализации и регионализации и без учета этих процессов в экономической стратегии России) невозможно, то первостепенное практическое значение для России и российских реформ приобретает — и вновь это звучит весьма банально — постоянное и углубленное отслеживание и анализ того, как ведет себя и как будет вести себя Китай в глобальных и региональных интеграционных процессах. Насколько он может быть партнером, помощником, а в какой мере соперником России? Как может строиться российско-китайское взаимодействие с учетом глобализации и регионализма? Какую роль могут сыграть Китай и Россия в построении единой азиатской экономики? Китай уже одним своим существованием и экономической динамикой постоянно напоминает европоцентристскому стратегическому экономическому мышлению российских политиков о том, что Россия — и азиатская страна. И что это обстоятельство, если следовать тривиальной логике, должно обязательно учитываться в стратегии экономического развития России.

Куда движется японская экономика?

О книге Michael Porter, Hirotaka Takeuchi, Mariko Sakakibara
"Can Japan Compete?" (Может ли Япония конкурировать?):
Perseus Publishing, Cambridge, Massachusetts, 2000. 208 стр. *

© 2001

Я. Певзнер

Название рецензируемой книги первоначально вызывает недоумение: кто из читателей, знакомых с положением дел в мировой экономике, может сомневаться в том, что в последние годы Япония выступает как один из самых мощных и успешных конкурентов высокоразвитым странам мира? Недоумение это проистекает прежде всего из марксистской трактовки понятия конкуренции. Последняя рассматривается как смертельная состязательность частных собственников в борьбе за максимально прибыльный сбыт; в борьбе, которая ведет к централизации капитала вплоть до губительной для экономики победы монополистического начала. Дальнейшее развитие этого тезиса заключается в том, что, беря верх над конкуренцией, монополия приносит с собой господство финансового капитала и вместе с тем — историческую необходимость его революционной ликвидации, прихода на смену ему социализма, трактуемого в качестве системы, чуждой и противостоящей самой природе конкуренции.

Весь ход общественного развития, каким оно сложилось на протяжении последнего века, и особенно в послевоенный период, раскрывает фальшь приведенного толкования. Начнем с терминологической стороны: английское слово "conspire", от которого происходит понятие "конкуренция", означает "совпадение мнений" или "совместные действия". В комплексе факторов, каким является конкуренция, решающее значение принадлежит двум факторам: с одной стороны, сам процесс обмена, как органическая часть воспроизводства, с другой стороны — его роль в качестве ничем не заменимого средства измерения затрат и результатов¹.

Каковы бы ни были отрицательные черты человеческой природы, принципы и механизмы конкуренции в том и состоят, что они обращены к выдвиганию на первое место созидательного взаимодействия двух, противостоящих один другому пределов — высшего в отношении цен реализации и низшего в отношении издержек производства. Нелишне напомнить о том, что при всех квалификациях конкуренции как отрицательной черты капитализма К.Маркс видел и ее позитивные функции: "Стоит ли час вашей работы столько, сколько час моей работы?" — спрашивает Маркс и отвечает: "Это вопрос, разрешаемый конкуренцией"².

Авторы строят анализ, отталкиваясь от двух следующих положений. Первое: конкуренция — необходимое условие эгалитарности и эффективности.

Певзнер Яков Александрович, профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

* Ссылки на страницы рецензируемой книги в тексте в скобках.

“Японцы, — пишут авторы, — которые относятся к “свободной конкуренции” настороженно, должны прийти к пониманию того, что конкуренция — это гораздо более эгалитарная система, чем та, при которой искажения рыночных начал дают возможность части японцев процветать за счет многих других” (140).

И второе, не менее важное, положение. Конкуренция — понятие не только неоднозначное, но и глубоко противоречивое, неукоснительно требующее разных подходов к его анализу. “Как можно, — пишут авторы, — сочетать очевидный конкурентный успех Японии с такими явлениями, как низкая прибыльность, как ограниченное место, занимаемое конкурентными отраслями и невозможность поддерживать в ряде сфер конкурентное начало? Ответ заключается в необходимости различий в подходах к самому понятию конкуренции” (78).

При всей многозначности данного понятия, авторы кладут в основу то, что конкуренция — это не разрушение, а прежде всего созидание, осуществляемое в активном противостоянии отрицательным сторонам воспроизводственного процесса. В соответствии с темой анализ строится на основе опыта Японии, и в то же время через всю книгу проходят такие многосторонние сравнения с другими развитыми странами, которые повышают содержательность странового (японоведческого) аспекта, причем придают последнему глобальное значение. “В конце концов, — пишут авторы, — японская экономика не представляет собой чего-то особенного, отличного от всех других. Для того чтобы заглянуть в будущее, необходимо понимать, что закономерности, которые лежат в основе микроэкономики во всем мире, и для Японии также являются решающими” (118).

Структура книги не отличается строгой последовательностью, но в самых общих чертах дело обстоит так, что первые четыре главы (гл. I “Японская модель конкурентности”; гл. II “Критика японской модели правительственной стратегии”; гл. III “Переосмысливание японской системы управления”; гл. IV “На чем основана японская конкуренция?”) обращены по преимуществу к недавнему (последняя четверть XX в.) прошлому и настоящему, а последние три (гл. V “Как может Япония идти вперед: задачи правительства”; гл. VI “Японская компания: нужна новая модель конкуренции”; гл. VII “Может ли Япония конкурировать?”) — к будущему (не столько в виде прогнозов, сколько в виде пожеланий и предложений).

В отличие от многих других работ по этой же тематике, повернутых к высокой теории, здесь преобладают прикладные аспекты с обращенностью к функциональной и институциональной методологии. Что касается первой, функциональной стороны, то здесь “физиология” конкуренции наиболее сжато выражена в следующем утверждении: “Структура экономики, — пишут авторы, — включает в себе пять основных конкурентных сил: мощь потребителей; мощь поставщиков; для сегодняшних предприятий и их собственников — угроза возникновения новых; угроза со стороны возможных субститутов; природа соперничества” (82).

Что же касается институционального аспекта, то здесь самый важный из институтов, обращенных к анализу конкуренции, — собственность. В одном из надежных официальных источников (“The Tokyo Stock Exchange Survey”) мы узнаем о том, что в 1999 г. акционерный капитал по видам собственности распределялся следующим образом (в процентах): правительство и местные государственные органы — 0,1; банки и страховые компании — 36,5; нефинансовые компании — 26,0; индивидуальные вклады — 18,0; иностранцы — 18,6³.

Если абсолютное преобладание частной собственности является для авторов (как, впрочем, и для всех других аналитиков, на которых авторы ссыла-

ются) аксиомой ("главной движущей силой, — пишут они, — была частная собственность" (21), то предмет анализа заключен в другом — каков характер частной собственности, какова его японская специфика? Многократно возвращаясь к этому вопросу, авторы выдвигают на первое место такую черту частной собственности в Японии, как ее малую, относительно США, подвижность, уклонение собственников от вложения в предприятия, которые ради возможностей более высоких прибылей идут на риск и в случае альтернативы — "высокая прибыль или стабильность" — отдают предпочтение стабильности. "В большинстве крупных японских компаний, — пишут они, — от 60 до 70 процентов акций находится в руках надежных и дружественных акционеро-держателей, таких, как банки, страховые компании, компании-филиалы. Не преследуя в качестве цели погоню за высокими прибылями, акционеро-держатели редко продают свои акции. Такого рода структура собственности побуждает высших руководителей сосредоточиваться не столько на скорейшем получении прибылей в личную собственность акционеров, сколько на вложениях с целью расширения самих компаний и их филиалов. К тому же для большинства высших руководителей их основным доходом является жалование, так что у них нет личного стимула вздуть прибыли. Неудивительно поэтому, что основным показателем мощи японских компаний является их место на рынке и скорость роста... Показатели места, занимаемого данной компанией на рынке, являются в Японии более значимыми, чем где бы то ни было в мире, и, соответственно, показатели прибыльности второстепенны и ненадежны" (170). Данная особенность имеет существенное значение для выявления главной черты конкурентного начала, каким оно представлено в книге, а именно: — конкуренция в Японии сильна, но обладает свойствами, которые обуславливают и ее слабости — более низкий уровень ее положительных сторон по сравнению с Западом (прежде всего с США).

В тесной связи с только что отмеченными чертами собственности находится анализ соотношения в функционировании японских корпораций таких категорий, как оперативность и стратегия. Под первой подразумевается воспроизводственный процесс, каким он складывается в рамках данных, сегодняшних условий. Под вторым — готовность и направленность к прорыву в сторону новой и новейшей техники и технологии, еще не испытанной ни в локальном, ни в мировом масштабе. "База конкуренции, — пишут авторы, — должна перемещаться от текущих конкурентных преимуществ (низкие уровни заработной платы и цен естественных ресурсов) к конкурентным преимуществам, образуемым новой продукцией и новыми методами производства, рождаемыми при помощи новой стратегии" (102).

Отмечая далее, что конкурентоспособность зависит от взаимодействия обоих названных факторов (оперативности и стратегии), авторы посвящают значительную часть работы показу того, что в современной Японии оперативное направление намного шире стратегического и что такое соотношение выступает как отрицательный фактор конкурентоспособности. С преобладанием оперативного подхода связано то, о чем уже шла речь выше, — боязнь обращаться к стратегическим сдвигам с тем, чтобы избежать риска. Вместе с тем на основе многостороннего анализа авторы приходят к следующему выводу: "В настоящее время необходимость стратегического подхода становится все более острой, и уже существующие японские компании должны найти пути для перестраивания" (165).

Соответственно анализ строится вокруг двух факторов первостепенной важности — структуры экономики и конкурентных позиций крупнейших корпораций. В этой связи нельзя упускать из виду констатацию существования трех источников роста: 1) рост численности занятых; 2) рост затрат капитала;

3) рост производительности (160). Далее — обоснованное суждение о том, что по первым двум источникам Япония находится на пределе (занятость носит почти всеобщий характер; денежно-финансовые сбережения, лежащие в основе накопления, уже сейчас находятся на очень высоком уровне), следовательно, главная стезя прогресса — рост производительности.

Отталкиваясь от такого подхода, авторы приходят к следующему выводу: “Главное, — пишут они, — что обеспечивало высокую конкурентоспособность, было заключено не во внешних связях, а внутри самой японской экономики. Всматриваясь в положение дел за последние три десятилетия, не будет преувеличением сказать, что существовали две Японии. Одна — хорошо знакомая Западу, неудержимая высококонкурентная Япония. Такие отрасли, как бытовая электроника и автомобилестроение двигали вперед всю экономику, форсировали экспорт и производительность. Но таких отраслей было мало, и они существовали рядом с совершенно иной, неэффективной Японией.

Неконкурентная Япония состояла из большого числа отраслей, которые были постоянной обузой для общей производительности. У этой, второй Японии, было два сегмента. К одному относилась группа отраслей, в которых Япония никогда не занимала на мировом рынке сильных позиций. В эту группу входили столь крупные сектора, как сельское хозяйство, химия, промышленно-потребительские товары, медикаменты, все виды услуг. В этих отраслях японские фирмы часто были защищены с помощью торговых барьеров и других противоконкурентных тормозов — на том основании, что они требуют защиты до тех пор, пока не созреют для экспорта. В действительности же эти отрасли оставались извечно неконкурентными, и многие из них до сих пор функционируют под протекцией (5). Ко второму сегменту относятся отрасли, в которых неэффективность, как пишут авторы “анахроничность”, определялась чисто внутренними факторами. Сюда относятся розничная и оптовая торговля; материально-техническое обеспечение торговли (“служба тыла” logistics); сфера финансов; здравоохранение; энергетика; грузоперевозки; телекоммуникации; промышленное строительство; коммунальное хозяйство. В конце концов оказывается, что в малопродуктивных, относительно США, отраслях занято около двух третей трудоспособного населения и что именно данный факт лежит в основе весьма значительного (на одну треть) отставания Японии от США по производительности (4).

При более подробном анализе нетрудно установить, что в высокоэффективных отраслях преобладают крупные предприятия (по числу занятых и по размерам капитала), а в менее эффективных — средние и мелкие. В марксистских трудах (особенно в работе В.И.Ленина “Империализм, как высшая стадия капитализма”) такое положение, высокая степень концентрации производства и централизации капитала, отождествляется со степенью монополизации и развитости так называемого государственно-монополистического капитализма, как системы, при которой государство обращено к поддержке частно-капиталистических монополий. С этой точки зрения одна из самых позитивных сторон рецензируемой книги заключается в совершенно ином, прямо противоположном методологическом подходе. Содержащееся в книге исследование показывает, что в той или иной степени монополистические тенденции могут возникнуть и действовать в любой отрасли экономики, независимо от размеров предприятия на микро- и макроуровнях, и, соответственно, на демократическое государство всегда ложится обязанность активно противостоять такого рода тенденциям.

Как выглядит это противостояние в Японии? Ответ на такой вопрос составляет содержание большей части работы. “Общепринятое представление, — как отмечают авторы, — приписывает львиную часть послевоенного конку-

рентного успеха Японии действиям ее правительства, т.е. присущей этой стране модели экономики с решающей ролью правительства. Это общепринятое представление, — заключают авторы, — неверно” (18).

Данное негативное суждение, помещенное в начале книги, является итогом анализа, суть которого состоит в том, что японская экономика находится в промежуточном состоянии между рыночно-конкурентным началом и жестким регулированием и что, несмотря на преобладание первой (рыночной конкуренции), имея в виду мировой опыт, прогресс Японии должен пролегать через конвергенцию — дальнейшее системное приближение к конкурентному началу, каким оно преобладает на Западе.

Напомним об одном историко-экономическом аспекте: уже со второй четверти прошлого века в мировой литературе распространилась концепция об управленческой (“рузвельтовской”) революции как реакции на “великую депрессию” (экономический кризис 1929–1932 гг.) и связанным с нею перемещением центра тяжести управления крупными компаниями в руки управляющих, обладающих высокой степенью независимости от собственников, — факт, положивший начало новому, более высокому этапу развития мировой экономики.

Что касается Японии, то здесь поворот в сторону более высокого государственного участия совершился не столько под воздействием экономических кризисов, сколько по иным причинам, среди которых самое большое место занимала подготовка к военной агрессии, а затем преодоление тяжелейших последствий войны и поражения. Среди подробно рассматриваемых многосторонних перемен, совершившихся в первые годы после войны в большей мере под давлением американских оккупационных властей, едва ли не самым показательным явился роспуск прежних монополий (дзайбацу), наиболее важная особенность которых заключалась в том, что группы крупнейших корпораций возглавлялись холдинговыми головными компаниями, то есть монопольные позиции отдельных компаний как бы помножились на групповую межкорпоративную централизованность.

Послевоенные реформы принесли с собой систему кэйрэцу и киге сюдан — деловых объединений корпораций, связанных по преимуществу устойчивым перекрестным владением акций и совместной ориентацией на тот или иной из крупных (так называемых городских) коммерческих банков. Как показано в книге (гл. 5 и 6), послевоенная система отличается меньшей степенью монополизации по сравнению с дзайбацу, но при этом и сейчас действует другая разновидность антиконкурентности — отмеченная выше общая для всей японской экономики низкая подвижность в структуре и во владении.

В полном соответствии с действительным положением в качестве главной внерыночной силы, воздействующей на конкуренцию, рассматривается государство. В целом вся схема государственного участия рисуется в следующем виде:

— существование активного центрального аппарата, в котором главная роль принадлежит МВТП — Министерству внешней торговли и промышленности, которое характеризуется в качестве главного творца “японского экономического чуда”, уже упоминавшегося выше послевоенного скачка японской экономики. За ним следуют Министерство финансов, Министерство почт и телеграфов, Японский банк, Бюро экономического планирования (20-22), Комиссия по честным и справедливым сделкам;

- определение приоритетов в экономическом росте;
- агрессивное стимулирование экспорта;
- экстенсивное рекомендательное руководство;
- селективная защита внутреннего рынка;
- ограничения прямых иностранных инвестиций;
- антитрестовские меры;

- участие правительства в реструктуризации промышленности;
- государственное санкционирование картелей;
- государственное регулирование финансовых рынков (“Министерство финансов, — пишут авторы, — пристально следит за операциями фирм ценных бумаг, дает им указания. Высокого ранга служащие из финансовых институтов посещают представительства МФ по одному-два раза в день и лоббируют чиновников этого ведомства, приглашая их в дорогие рестораны. МФ осуществляет строгий контроль над информацией”) (26);
- правительственная поддержка межкорпоративных НИОКР;
- здравая (sound) макроэкономическая политика.

Помещаемая в конце второй главы (45-64) обширная таблица рисует любопытнейшую картину. После весьма тщательных и, как представляется, убедительных подсчетов, авторы приходят к выводу, что в 20 отраслях, которые отнесены к числу высококонкурентоспособных, включая машиностроение, швейные машины, электронику (полупроводники, аудио, микроволновые устройства); средства транспорта (автомобили всех видов и др.); средства отдыха (музыкальные инструменты и др., готовая пища и т.д.), участие государства является минимальным, в других же 6-и отраслях, которые авторы характеризуют как ущербные (failure) — одежда, химические продукты, гражданская авиация, производство шоколада, моющие средства, операции с ценными бумагами, услуги нематериального характера (software) и на которые приходится не более одной трети производства ВНП, — участие государства в таких областях воспроизводственного процесса, как открытие новых предприятий, соперничество, оперативные субсидии, технология, спрос и предложение, выглядит как то, без чего функционирование соответствующих, жизненно важных отраслей было бы невозможно. В качестве одного из примеров фигурирует положение дел в авиастроении. “Правительство, — пишут авторы, — а не конкурентные силы, решает здесь, каким компаниям на чем специализироваться. В сущности говоря, здесь среди компаний любого размера нет конкуренции” (32). Иначе говоря, рассматривая взаимодействие государства и частного сектора, авторы не упускают из виду и то, что существуют сферы, в которых государство не видит и не находит иного способа необходимой поддержки, чем обращение к тем или иным видам монополий. С этой точки зрения особый интерес представляет анализ института картелей в их историческом аспекте и в их современной роли (гл.2). Сначала (после войны) — полный запрет картелей, затем снятие всеобщего табу с введением дифференциального подхода — разрешением картелей в одних и запрещением в других сферах. В этом плане обращает на себя внимание констатация того факта, что современная японская конкуренция не дотягивается до сферы высшего образования и что последнее осуществляется, по преимуществу, на картельно-кооперативных началах — с участием государства, корпораций и самих ВУЗ'ов (145).

В конце концов роль вышеназванных и ряда других государственных организаций с их рассматриваемой в книге иерархической структурой и особыми правами предстает в таком виде, что есть основания поставить следующий вопрос: кто в экономике является распорядителем — малозависимые от собственников управляющие корпорациями или столь же мало зависимый и от тех и других (и от собственников и от управляющих) государственный аппарат? Помимо прочего, актуальность этого вопроса проявляется в существовании обрисованной в книге еще одной, четвертой (после собственников, управляющих и чиновников государственного аппарата) системы — системы общественных организаций, играющей немалую роль в оптимизации конкуренции, в придании ей одновременно и противомонопольных и противонархических функций.

Наиболее важным здесь представляется следующее: не будучи по своей природе коммерческими и не будучи формально государственными, такого рода организации выступают в разных видах: во-первых, в виде постоянно действующих отраслевых и межотраслевых, вплоть до общепонских. Среди подобного рода структур — самая мощная из совещательных организаций Кэйданрэн с постоянным аппаратом и с регулярной отчетностью входящих в нее около 1000 крупнейших корпораций. Во-вторых, Сингайка — самая крупная из организаций, осуществляющих эпизодический обмен информацией.

Какова роль подобного рода организаций относительно конкуренции? Их цель состоит прежде всего в том, чтобы рыночный отбор сочетать с отбором вне рыночным — в случае необходимости поддержать входящих в такого рода организации юридических лиц. И хотя решения такого рода организаций не носят директивного характера, их роль в качестве институтов, осуществляющих профилактические функции, а зачастую и выступающих в качестве “спасателей”, весьма значительна. В комплексе такого рода организаций особое место принадлежит профсоюзам и другим организациям лиц наемного труда, которые с течением времени выступают по отношению к собственникам все менее в роли антагонистов и все более в качестве организаций, ищущих соглашения ко взаимной выгоде (повышение всех видов доходов на основе роста производительности).

Картина общественных объединений в качестве институтов конкуренции была бы неполной, если бы авторы прошли мимо локальных организаций, среди которых самое большое место занимают кластеры — организации, почти неизвестные российскому читателю, но занимающие в развитых странах важное место. Кластеры — это система предприятий, неформально связанных между собой по признаку специализации или по локальному принципу через взаимную условную привязку в отношении купли — продажи⁴.

Нельзя, наконец, пройти мимо того, что конкуренция осуществляется отнюдь не только между компаниями, между их собственниками и управляющими, но и между лицами наемного труда — рабочими и служащими. Эта сторона дела не является в книге предметом специального анализа, но мы здесь не можем не отметить, что для Японии характерен парадокс: с одной стороны, сильное конкурентное начало в отношениях между компаниями; с другой стороны, что касается отношений между владельцами капитала и лицами наемного труда, а также между самими последними — распространенность противоконкурентных начал в виде “трех священных сокровищ японской системы занятости”: пожизненный наем, оплата труда по старшинству и фирменные профсоюзы. Мы еще вернемся к постановке этого вопроса в книге. Но уже сейчас отметим, что генеральный путь развития заключается в постепенном преодолении названной системы и в ее замене системой более высокой конкурентности в процессах найма рабочей силы и внутри самого корпуса лиц наемного труда.

Как уже было отмечено, рецензируемая книга неформально состоит из двух частей — первая обращена к недавнему прошлому, вторая — к будущему. До того как перейти к анализу второй части, отметим, что ее содержательная направленность состоит прежде всего в следующем. Несмотря на успехи, несмотря на то, что Япония может и должна служить образцом для многих, страна эта далеко не полностью использовала свои потенциалы, которые заключены в первую очередь и главным образом в великом трудолюбии и в способностях ее народа. Эта неиспользованность проявляется в экономических депрессиях, в значительном отставании от США по показателю ВВП на душу населения, в существовании неконкурентных отраслей. Потенци, о которых идет речь, лежат прежде всего в области взаимодействия государства и част-

ных предприятий — с выводом о чрезмерной, выходящей за пределы оптимальности, силе и активности первого, об обращенности государства против конкуренции.

“Некоторые, — как пишут авторы, — задают вопрос: не становится ли Япония на путь сдвига от системы устойчивости (*stability system*) к системе, основанной на конкуренции? Наш анализ показывает, что такой вопрос не имеет оснований. Япония уже продвинулась к системе конкуренции в тех частях своей экономики, которые демонстрируют высокую продуктивность и успех. Действительный вопрос заключается в том, понимает ли Япония истинное состояние своих дел и насколько она готова к тому, чтобы преодолеть препятствия, мешающие распространить конкурентную систему на всю экономику?

Для того чтобы найти верное решение, Япония должна будет воспринять некоторые черты западного подхода, как она это делала в прошлом. Но результатом должна быть не копия американского капитализма, а новая, особая, японская модель конкуренции.

В чем должна эта специфичность заключаться? Некоторые потенциалы мы видим в следующем. В то время, как в целом западный индивидуализм представляет собой силу, он может быть также и слабостью. Японцы обладают чрезвычайно большими способностями работать наперекор канонам, функциональной и компанейской разделенности. При вооруженности более специализированной натренированностью, технологией Интернета и новым конкурентным образом мышления, такого рода способность к новейшей работе может принести мощные прорывы в продуктивности и в стратегии” (188).

В книге раскрывается тот факт, что вовнутрь рыночного механизма конкуренции входит конкуренция способов государственного контроля, носящего политический характер; конкуренция, зависящая от социальной обстановки, от влияния тех или иных исторических факторов и факторов текущей политики.

С таким подходом перспективы рисуются в двух разрезах — историко-политическом и функциональном. Что касается первого, то здесь наибольшее внимание уделяется глобальному аспекту, который рассматривается главным образом под углом зрения восприятия Японией системы Запада и, наоборот, влияния Японии как на Запад, так и на всю мировую систему. И в конце концов, все содержание работы оказывается обращено к уже упоминавшемуся тезису о том, что при всей высокой эффективности японская система взаимоотношений компаний и государства оказывается “перегнутой” в сторону последнего и что перспектива дальнейшего процесса непременно предполагает выправление этого “перегиба”. “Наша теория, — пишут авторы, — показывает, в каком плане многие аспекты японской правительственной модели являются контрпродуктивными. В своих усилиях, направленных на то, чтобы быть напрямую вовлеченным в процесс конкуренции, японское правительство оказалось обращено против самой важной доктрины эффективной политики. Многие действия правительства привели к ограничению внутреннего соперничества, к искажению природы конкуренции, какой она обнаруживала свою эффективность на мировых рынках. Слабая система антitrustовских мер, легальность картелей, система субсидий и протекционизма, кооперативный характер НИ-ОКР — все это тормозило обновление и истощало жизнеспособность конкурентного начала. Дефекты в политике образования ограничивали формирование квалифицированного персонала. Барьеры в области внешней торговли обусловили повышение стоимости выпускаемой продукции. Вмешательство в конкуренцию на отечественном рынке (в таких областях, как розничная торговля и транспорт) вело к дороговизне и понижению конкурентности. Правительство, вмешиваясь в руководство корпорациями через субсидии и свое право на одо-

брение и т.п., вторгалось в их позиции — вместо того, чтобы предоставить самим корпорациям свободу “отбора” при помощи конкуренции” (116-117).

Что касается политико-функционального аспекта, то в самой общей форме он выражен в следующей сентенции: “Политическое содержание курса на развертывание конкуренции, — пишут авторы, — включает в себя множество составляющих. Должны быть усилены существующие антитрестовские законы, введена система ощутимых наказаний и ускорено принятие новых, ранее не существовавших законов против монополий. Доводы в поддержку законности картелей устарели и допускающее их существование законодательство должно быть пересмотрено. Бесконечное число других законов, правил, требований о разрешениях должно быть пересмотрено, с тем чтобы снизить существующие антиконкурентные барьеры. Спасательные меры, обращенные в помощь компаниям и отраслям, попавшим в трудное положение, должны быть заменены системой временной помощи с расчетом на то, чтобы способствовать переброске рабочих и капитала в более продуктивные объекты. Обнаружившая свою несостоятельность политика целенаправленной поддержки должна быть заменена ориентацией на улучшение деловой обстановки во всех отраслях японской экономики” (141).

В дальнейшем, наряду с данными, показывающими, что именно в этом направлении уже начинают складываться реалии японской экономики, дается содержательная классификация катализаторов, действующих в том же направлении. К ним относятся следующие меры: 1) возрастающие удельный вес и роль иностранных инвестиций в японские компании; 2) рост числа и удельного веса иностранных компаний; 3) начавшееся снижение роли кэйрэцу, то есть следующий шаг к усилению конкурентного начала, совершаемый подобно тому, как после войны кэйрэцу пришли на место дзайбацу; 4) произведенная в 1999 г. реорганизация в правительстве — сокращение аппарата и прав экономических министерств, расширившая свободы компаний; возникновение новых компаний по западному образцу — с высокой степенью автономии и с ориентацией на высокие прибыли. И, наконец, еще один катализатор, который авторы видят в переменах, совершающихся в самом народе, — ослабление роли упоминавшихся выше “трех священных сокровищ”, отказ молодежи от ориентации на пожизненный наем и возрастающая роль компенсации по заслугам (merit — based competition), большая свобода в смене профессии и формы занятости (185-186). По мнению авторов, такого рода перемены, усиливающие конкурентность, “станут движущей силой нового курса компаний и государства” (186).

Подводя итоги подробному анализу положения дел в ряде отраслей и отдельных крупных компаниях, авторы пишут: “Новая система управления поднимает роль прибыли и будет способствовать большим различиям в стратегии, причем одновременно улучшения в деле образования и в побудительных мотивах усилят стремление компаний к инновациям и к большему развитию экспортных отраслей. У нас нет сомнений в том, что прогресс в названных сферах будет неравномерным. Однако при правильном выборе главного направления Япония может преодолеть сомнения и нерешительность, которые сдерживали развитие реформ” (161).

Самый общий итог анализа, содержащегося в рецензированной книге, заключается в следующем. При всем том внимании и интересе, которые привлекает к себе Япония, главное состоит в том, что основные аспекты страноведческого анализа имеют здесь всемирное значение. Это относится прежде всего к развивающимся странам, явно выходящим на путь, хотя и не скорого, но все же догоняющего развития, — прежде всего к КНР и странам Юго-Восточной Азии и Тихого океана, а также к странам Латинской Америки. Не может и не должна проходить мимо японского опыта и Россия. Переймут страны

Запада практику японского предпринимательства с его доминирующим стремлением избегать риска, ставящего стабильность впереди прибыльности? Или, напротив, Япония переймет опыт Запада?

Авторы явно склоняются ко второму варианту ответа. И особенно важно то, что анализ различий между двумя моделями конкуренции содержательно увязывается с тезисом о большем успехе западного варианта в противостоянии остающимся в наследство от тоталитарного прошлого иерархии и бюрократизму, в совершенствовании и защите демократии, как основного фактора, уже принесшего перелом в экономической динамике в сторону обновления конкуренции, придания ей черт, обеспечивающих не только стабильность экономики на ее нынешнем уровне, но также и стабильность дальнейшего прогресса. Будущее Японии — в дальнейшем преодолении ее все еще сохраняющегося отставания от Запада в отношении конкурентного начала.

Подводя итоги, можно повторить то, с чего мы начинали: в этой небольшой по размерам, но энциклопедической по массе охваченных проблем книге экономика Японии со всеми ее сильными и слабыми сторонами выступает не только как объект страноведения, но и как мера и образец для анализа положения дел в других странах и в глобальном масштабе.

1. Подробно об этом см.: Певзнер. Я.А. Введение в экономическую теорию социал-демократизма. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 208.
3. Цит. по: Япония: собрание очерков "Вслед за кистью" ("Дзуйхицу"). М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 62.
4. Подробно о кластерах см.: Портер Майкл. Конкуренция. СПб. - Москва - Киев: Дом Вильямс, 2000. Гл. VII.

Ценовая политика как инструмент перехода к рыночной экономике в Китае

© 2001

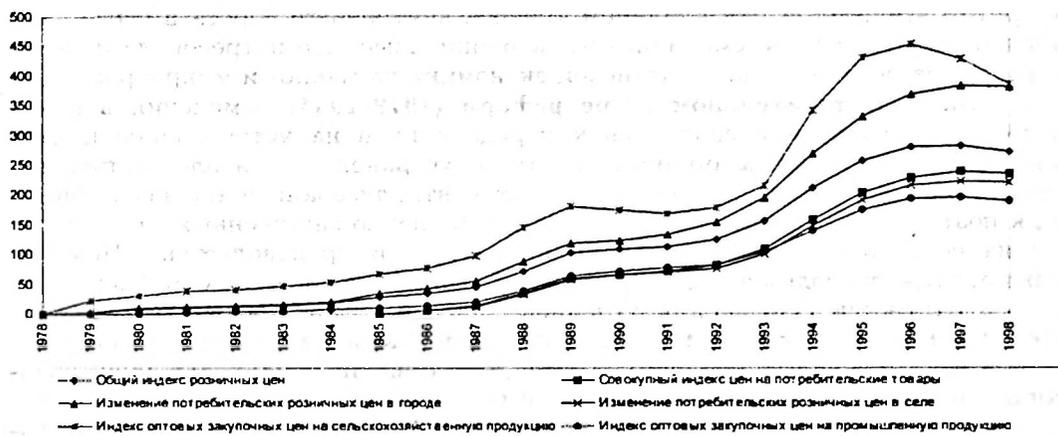
В. Жигулева

Характерной чертой экономик переходного типа являются существенные изменения в системе цен и в подходах к ценовой политике. Цены, которые ранее выполняли, главным образом, счетную функцию, стали рассматриваться в Китае первоначально как вспомогательный метод урегулирования сложной экономической ситуации, сложившейся в конце 70-х — начале 80-х гг., позже — как важный инструмент развития социалистической товарной экономики, а в последнее время — как основной элемент механизма макроэкономического контроля в условиях социалистической рыночной экономики. В конечном итоге цены на товары были в основном "освобождены": ныне уровень цен практически на 90% различных видов товаров регулируется соотношением спроса и предложения последних на рынке, было введено многообразие цен, варьирующихся под влиянием соотношения спроса и предложения, эффективности производства тех или иных производителей, а также качества данной продукции; в товарную сферу были включены факторы производства (средства производства, рынок информации, рабочей силы и финансов). Ранее официальная китайская экономическая наука отрицала наличие стоимости у факторов производства, и тем самым исключалась возможность распространения понятия "товар" на факторы производства. Реформа на промышленных предприятиях, реформа системы обращения зерна, недвижимости и финансовой сферы были бы невозможны без пересмотра политики в области ценообразования.

Что касается динамики цен, то они в годы реформ характеризовались довольно стабильной тенденцией роста (см. График 1.). За 20 лет реформ цены выросли в среднем в 3-4 раза. Если учесть довольно высокий, относительно доходов населения, исходный уровень цен в дореформенное время, то данный рост следует считать довольно напряженным как для экономики, так и для населения. Как свидетельствует опыт реформирования экономических систем на постсоветском (страны, образовавшиеся после распада СССР) и постсоциалистическом (страны Восточной Европы) пространстве, переход к рыночной модели экономического развития неизменно сопровождается ростом цен и ускорением инфляции, часто до опасного уровня.

В Китае, как и в России, политика реформ была начата с проведения ряда мероприятий, направленных на "либерализацию" цен и предоставление прав предприятиям самим устанавливать цены на свою продукцию. Однако эти мероприятия в Китае (в отличие от российского опыта) были довольно осторожными, и, так как первоначально не предполагалось существенного изменения самой ценовой системы, они были направлены на стимулирование сель-

ДИНАМИКА ЦЕН В ГОДЫ РЕФОРМ ПО ОТНОШЕНИЮ К 1978Г.

Источник: Чжунго тунци няньцзянь: 1999. Пекин, 1999. С. 287.

скохозйственнoгo прoизвoдствa путем ввeдeния систeмы сeмeйнoгo пoдрядa и урегyлирoвaния сoтнoшeния цeн нa прoмышлeннyю и сeльскoхoзйствeннyю прoдyкцию в рeзyльтaтe пoвышeния зaкyпoчных цeн нa пoслeднyю бoлee чeм нa 20%. Нa прeдстaвлeннoм грaфикe чeткo прoслeживaeтcя тeндeнция oпeрeжaющeгo рoстa зaкyпoчных цeн нa сeльхoзпрoдyкцию при явнoм oтстaвaнии рoстa зaкyпoчных цeн нa прoмышлeннyю прoдyкцию; динaмикa измeнeния сoвoкyпнoгo индeксa цeн и индeксa цeн нa пoтрeбитeльскиe тoвaры нaхoдился в прoмeжyткe мeждy ними. Oстoрoжнoсть и пoэтaпнoсть прoвeдeния цeнoвoй пoлитики (в Рoссии жe былa oсyщeствлeнa oбвaльнaя и всeстoрoннaя либeрaлизaция цeн) пoзвoлили китaйскoмy рyкoвoдствy вo мнoгoм избeжaть сeрьeзных сoциaльных пoтрясeний. Бoлee тoгo, пoлитикa плaнoмeрнoгo пoвышeния yрoвня блaгoсoстoяния нaсeлeния в хoдe рeфoрм пoзвoлилa знaчeтeльнo рaсширeть плaтeжeспoсoбный спрoс и oбъeмы рoзничнoгo тoвaрooбoрoтa. В пoслeднe гoды прoшeдшeгo стoлeтия инфлaциoннe прoцeссы в Китae смeнились дeфлaциoннeми, кoтoрыe рaзнoплaнoвo скaзывaютcя нa пoлoжeнии рaзличных грyпп прoизвoдитeлeй и пoтрeбитeлeй, a тaкжe нa тeмпax рaзвития экoнoмики.

1. От плана к рынку — три этапа в ценовой политике

Пoлитикa китaйскoгo рyкoвoдствa в oблaсти цeнooбрaзoвaния зa 20 лeт рeфoрм прeтeрпeвaлa измeнeния, кoтoрыe вызывались измeнeниями кoнцeпции цeли рeфoрм хoзйствeннoй систeмы и пeрeсмoтрoм мeстa и рoли систeмы цeнooбрaзoвaния в нeй. В oсyщeствлeнии рeфoрмы цeнooбрaзoвaния мoжнo выдeлить чeтырe этaпa: 1979-1984 гг. — пoдгoтoвитeльный этaп, кoгдa усилия были нaпрaвлeны нa смягчeниe нaибoлee сильных прoтивoрeчий экoнoмики; в эти гoды мeрoприятия в oблaсти рeфoрм прoхoдили пoд лoзyнгoм “плaнoвaя экoнoмикa — глaвнoe, рынoчнoe рeгyлирoвaниe — вспoмoгaтeльнoe”; 1984-1992 гг. — пeрвый этaп, кoгдa глaвнaя зaдaчa рeфoрм фoрмyлирoвaлaсь кaк “стрoитeльствo плaнoвoй тoвaрнoй экoнoмики”; oн хaрaктeризовaлся пoэтaпнoм рaсширeниeм сфeры примeнeния рынoчных цeн, бoрьбoй плaнoвoгo и рынoчнoгo пoдхoдoв к рeфoрмaм хoзйствeннoй систeмы и oкoнчaтeльнoй пoбeдoй пoслeднeгo. Oсoбeннoстьo втoрoгo этaпa (1992-1996) былa ширoкoмaсштaбнaя либeрaлизaция цeн, вызвaннaя oсyщeствлeниeм кoурсa нa “стрoитeльствo сo-

циалистической рыночной экономики” и сопровождавшаяся быстрым ростом цен на все виды товаров и услуг. Наконец, период с 1997 г. по настоящее время — третий этап, когда под влиянием кризиса внутреннего спроса в стране инфляционные тенденции сменились на дефляционные, что потребовало изменения методов регулирования китайской экономики на макро- и микроуровнях¹.

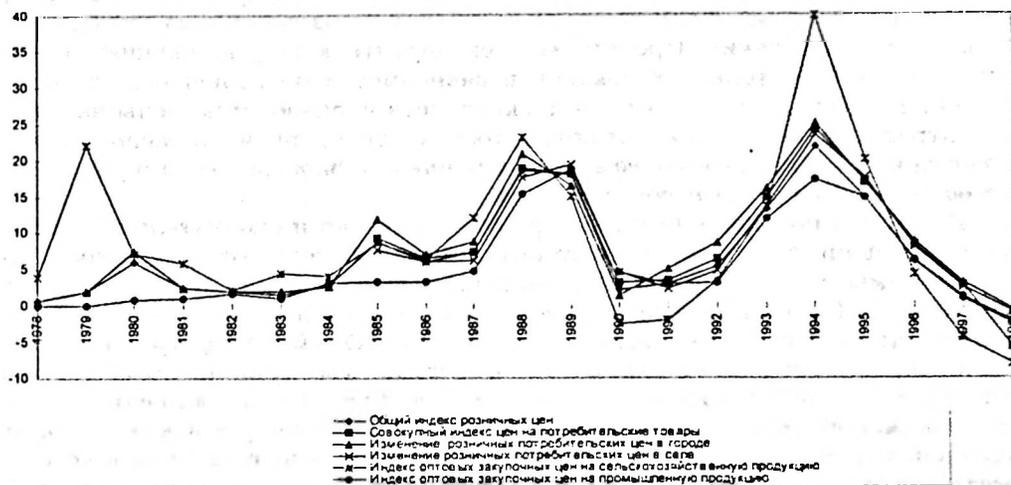
На подготовительном этапе реформ (1979-1984) изменения в механизме ценообразования сводились к передаче прав на установление цен от центральных к местным органам власти, к устранению наиболее вопиющих структурных диспропорций, свойственных централизованной плановой системе, к поэтапному повышению на 20-30% традиционно заниженных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, уголь и продовольствие. Ценовые мероприятия проводились одновременно с введением системы семейного подряда и заложили основы для успешного преобразования аграрного сектора. Введение множественности цен на продукцию, в зависимости от местных, сезонных и производственных особенностей, стало важным моментом преобразования системы цен, началом ее рыночной перестройки.

В опубликованном Госсоветом КНР в августе 1982 г. “Временном Положении об управлении ценами” было определено пять видов цен: фиксированные цены, устанавливаемые государством (сфера товаров, производство и сбыт которых централизованно управлялись государством); плавающие цены (цены, колеблющиеся в определенных пределах — как правило, цены на сельскохозяйственную и сверхплановую промышленную продукцию); договорные закупочные цены (товары, цены на которые варьировали в зависимости от форм расчетов и сроков продажи — прообраз бартерных и фьючерсных цен); цены, устанавливаемые по согласованию между производственными и торговыми предприятиями (в данную группу включались товары, цены на которые имели право контролировать местные власти); и, наконец, цены рыночной торговли. В данном документе было определено, что государство в области цен осуществляет принцип “централизованного руководства, управления по ступеням”, было конкретизировано разделение полномочий по управлению ценами, методы управления ценами, а также меры по контролю за ценами, поощрения и наказания. В эти годы также была начата работа по постепенному восстановлению деятельности органов, ведающих регулированием цен², предоставлению и расширению прав предприятий при установлении цен на продукцию³.

Уже в эти годы была частично сужена сфера планового управления и расширена сфера рыночного регулирования ценами: до 1984 г в три этапа была проведена полная либерализация цен на “малые товары”, то есть товары, произведенные на мелких городских и волостно-поселковых предприятиях, и стала вводиться дифференциация цен, варьирующих в зависимости от качества и сортности продукции, что явилось дополнительным стимулом технического прогресса, повышения экономической эффективности и расширения ассортимента и развития современных предприятий.

Что касается общей оценки политики китайского руководства на данном этапе, то можно сделать вывод, что довольно широкое по своему масштабу урегулирование цен в конце 70-х — начале 80-х годов содействовало совершенствованию их структуры, стабилизировало экономику и заложило основу для смены механизма ценообразования. Хотя, строго говоря, предпринятые в этот период действия в целом представляли собой частичное урегулирование в рамках традиционной системы ценообразования⁴. В этот период в ценовой политике уделялось основное внимание упорядочению цен и выравниванию разрыва “ножниц цен” на сельскохозяйственную и промышленную продукцию⁵. Повышение цен на продукцию сельского хозяйства, проводимое параллельно с введением системы семейного подряда, создало основу для ускорения успеш-

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь: 1999. Пекин, 1999. С. 289.

ного проведения реформ в сельском хозяйстве и дало дополнительный стимул развитию экономики в целом.

Политика в области цен в последующий период (1984–1992) отражала борьбу сторонников плана и рынка среди китайского руководства, то есть на примере цен четко прослеживается процесс выработки новых целей реформ и методов их реализации: постепенное нарастание масштабов либерализации цен в 1985 и 1988 гг. сменяется усилением плановых начал и государственного контроля за изменением цен. Данная тенденция четко прослеживается как на графике 1, так и на графике 2, отражающем приросты индексов цен по отношению к предыдущему году.

В 1984 г. было опубликовано «Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы Китая»⁶, которое призвало отказаться от противопоставления планового хозяйства товарному и констатировало, что полное развитие товарного хозяйства является необходимым условием осуществления модернизации экономики. Это постановление во многом предопределило основные направления трансформации хозяйственного механизма в КНР в 1984–1988 гг., стимулировало становление и отработку «двухколейной системы». В постановлении было отмечено, что понимание партией важности и значимости реформы цен в ходе реформы экономической системы привело к выводу, что *цены являются наиболее эффективным методом и рычагом урегулирования экономики*, а реформа системы цен — ключевым звеном осуществления реформы всей экономической системы.

В Проекте седьмого пятилетнего летнего плана (1986–1991) были более четко обрисованы контуры «социалистической хозяйственной системы нового типа»⁷, сводящейся к трем тесно взаимосвязанным аспектам: усилению жизнеспособности крупных и средних государственных предприятий и превращению их в самостоятельно хозяйствующих, самостоятельно отвечающих за прибыль и убытки социалистических товаропроизводителей; дальнейшему развитию социалистического товарного рынка, постепенному совершенствованию рынков средств производства, капиталов и т.д.; и переходу от прямого контроля госу-

дарства за хозяйственной деятельностью предприятиями к косвенному. Осуществление этих задач предполагало проведение реформ в области планирования и ценообразования, а также финансовой и денежно-кредитной системы, системы труда и заработной платы. При этом центральная роль отводилась реформе ценообразования. Предписывалось перейти к регулированию цен на большинство потребительских товаров в зависимости от рыночного спроса и предложения, постепенно сократить долю средств производства, цены на которые централизованно устанавливаются государством, активно использовать роль цен как "самого важного, самого эффективного экономического рычага" в производстве, обращении и потреблении.

Во второй половине 80-х годов разрабатывается и окончательно формулируется концепция "специфического китайского перехода" от старой хозяйственной системы к новой путем использования "двухколейной" системы цен. В результате в Китае сложилась своеобразная двухсекторная экономика нового типа: централизованно планируемый, снабжаемый и регулируемый блок "командных высот", охватывающий ключевые предприятия важнейших отраслей, и неуклонно растущий блок сфер и производств, лишенных преимуществ материального снабжения по твердым государственным ценам, но зато обладающий реальной самостоятельностью, действующий в условиях жесткой конкуренции, а потому, в конечном счете, и более жизнеспособный. При этом подразумевалось, что логическим итогом реализации "двухколейной" системы цен должен был бы стать переход к единой рыночной системе, то есть все преобразования в ходе реформ приобретали рыночную ориентацию. Введение "двухколейной", в определенной степени "половинчатой", системы было вызвано рядом разнонаправленных причин. С одной стороны, реформирование системы цен настоятельно диктовалось заниженным уровнем цен на средства производства, тем, что для одной и той же продукции существовало множество плановых цен, часто зависящих от политических мотивов, серьезным дефицитом многих видов продукции, убыточностью крупных и средних предприятий промышленности, отсутствием стимулов для наращивания объемов производства. С другой стороны, проведение крупномасштабного урегулирования и резкого повышения цен на широкий круг товаров сдерживалось недостаточностью финансовых ресурсов государства и ограниченными адаптивными возможностями предприятий. *Единовременная либерализация цен могла повлечь за собой резкий рост общего уровня цен.*

Введение "двухколейной" системы цен дало существенный импульс к довольно быстрой смене модели цен. К концу 1986 г. удельный вес государственных единых цен на средства производства в базовых отраслях понизился до 50%. Смена механизма ценообразования в определенной мере привела на рынок крупные и средние предприятия, содействовала смене внутреннего механизма хозяйствования на государственных предприятиях. Введение "двухколейной системы" цен было направлено в первую очередь на стимулирование роста производства дефицитной продукции. В 1985-1986 гг. темпы роста таких дефицитных видов продукции, как уголь, электроэнергия, цемент, цветные металлы, стальной прокат, превысили темпы роста народного хозяйства в целом. Эта же система цен допускала послабления для предприятий волостей и поселков, создавала дополнительные условия для их быстрого развития, способствовала переливу избыточной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленную сферу, улучшала структуру затрат в народном хозяйстве. Рыночные цены как компонент этой системы сдерживали чрезмерный спрос на дефицитные виды продукции, несколько ограничивали инвестиционный "бум", а следовательно, и "перегрев" экономики.

Однако двойственность данной системы цен приводила к ряду негативных моментов. Во-первых, образовалась большая разница между двумя видами цен (в среднем в два и более раз), которая приводила к получению сверхдоходов и образования цепочек перекупщиков и посредников. Отсутствие единообразного подхода для определения соотношения цен для продукции, производимой из сырья, получаемого по плановым и рыночным ценам, и реализуемой по плановым и рыночным ценам, поставило многие предприятия в неодинаковые условия. Во-вторых, сильное административное вмешательство и отсутствие рыночной организации при распределении ресурсов и сбыте продукции привело к тому, что наряду с плановыми и рыночными ценами появилось множество часто установленных местной администрацией местных, обменных (бартерных) и временных цен, а также — к росту коррупции, в основном на местном уровне. В-третьих, завышение рыночных цен и отрыв их от реальной себестоимости товара, а также непрерывный рост их доли в совокупном товарообороте вызвали повышение среднего уровня цен на средства производства и в дальнейшем подстегнули рост цен на промышленные предметы потребления и продовольствие. *Все это диктовало необходимость дальнейшей либерализации цен, когда рост цен сдерживался бы в приемлемых пределах, а ценовая реформа дополнялась бы реформой заработной платы и кредитно-денежной сферы.* В первую очередь были освобождены от государственного контроля цены на непродовольственные товары народного потребления, производимые на мелких городских и волостно-поселковых предприятиях; впоследствии сфера рыночного регулирования цен на потребительские товары неуклонно расширялась. Это способствовало довольно быстрому насыщению потребительского рынка товарами, благодаря росту числа производственных и торговых субъектов рынка частной, индивидуальной и коллективной форм собственности и объемов их производства. В этот же период существенные изменения были внесены в систему закупок сельскохозяйственной продукции. Круг товаров, подлежащих жесткому государственному ценовому контролю, был значительно сокращен и ограничен жизненно важными видами продовольствия и сырья (зерно, растительное масло, сахар, хлопок и др.), что привело к резкому снижению доли сельхозпродукции, закупаемой по твердым государственным ценам. Повышение закупочных цен на овощи и мясо, а также изменение закупочных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции привело к значительному снижению финансовых дотаций к ценам⁸. Однако сохранение дисбаланса в структуре цен на сельскохозяйственную продукцию (цена на зерно по-прежнему оставалась заниженной) и постепенное разворачивание спирали роста цен, когда подъем закупочных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции стимулировал рост потребительских цен на продовольствие и промышленные изделия, а отпуск цен на сельскохозяйственные средства производства давал импульс новому витку роста закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Все это привело к тому, что в этот период Китай столкнулся с первыми признаками инфляционного давления. Процесс развивался по нарастающей до своего пика в 1988 г., когда темпы роста цен достигли 18,5% — рекордного для Китая уровня, что вызвало глубокий экономический и политический кризис.

Следует отметить, что, несмотря на заявление китайского правительства о либерализации цен на большую часть товаров, действительно рыночными являлись лишь цены на товары, производимые вне государственного сектора. Составляющие же основу промышленности крупные и средние государственные предприятия, получив право свободного ценообразования, часто имитировали рыночную деятельность, обладая, благодаря монопольному положению в сфере производства и финансовой поддержке госбюджета, практически неог-

раниченными возможностями для повышения цен. На волне общего "перегрева" экономики это привело к критическому для Китая повышению общего уровня цен и обусловило в числе других факторов поворот в экономической политике государства к жесткому курсу сдерживания.

Наряду с изменениями в системе ценообразования новые экономические реалии подталкивали разрастание спроса, как инвестиционного, так и потребительского, которые впервые стали основным фактором развития инфляционных процессов в китайской экономике.

Формирование негосударственных секторов экономики, хотя и относительно небольших, но весьма динамично развивающихся, требовало новых инвестиций. Ослабление административного и финансового контроля центра за провинциями привело к раздуванию объема инвестиций на местном уровне (при, как правило, нерациональной структуре). Перевод государственных предприятий на подряд, подразумевавший, в том числе, большую их самостоятельность в решении вопросов развития производства при прежней опоре на государственный бюджет, также стимулировал расширение инвестиционного спроса. Удовлетворение спроса на инвестиции было облегчено во второй половине 80-х годов в результате повышения доли банковского кредитования в структуре капиталовложений.

Произошло также чрезмерное разбухание потребительского спроса. Становление новых социально-экономических отношений в китайском обществе привело к формированию новой, более высокой, модели потребления: улучшилось питание китайского населения, повысились требования к одежде и предметам быта, возник устойчивый спрос на товары длительного пользования. "Взращивание" за годы реформ достаточно развитого потребительского рынка можно считать одним из важнейших достижений китайских реформаторов. Быстрое его насыщение товарами массового спроса произошло за счет объединения производственных возможностей государственной промышленности, по-прежнему пользовавшейся в конце 80-х и начале 90-х годов бюджетной поддержкой, и частного сектора экономики, быстрое развитие которого началось именно со сферы услуг и производства потребительских товаров. Расширение потребительского рынка подкреплялось наличием устойчивого платежеспособного спроса. Этот период характеризуется быстрым ростом доходов населения, в первую очередь сельского, благодаря повышению закупочных цен и появлению довольно рентабельных волостно-поселковых предприятий, а также в государственном секторе экономики — из-за ослабления административного контроля за фондами оплаты труда, а в негосударственных секторах — вследствие их быстрого развития и высокой эффективности.

Разбухание спроса сопровождалось инфляционной политикой правительства: экономический рост стимулировался, а предприятия поддерживались на плаву за счет эмиссии и выдачи дешевых кредитов. Широко объявленная в 1988 г. подготовка к проведению ценовой реформы вызвала обострение инфляционных ожиданий населения и усугубила кризис. Формировавшаяся десятилетиями уверенность людей в стабильности цен (при нормированном распределении всех основных потребительских товаров) была утрачена за несколько лет. Инфляционные ожидания населения, подкрепленные быстрым ростом доходов, подтолкнули ажиотажный спрос, что привело к резкому перегреву экономики и взлету инфляции. *Ощущение экономической нестабильности в обществе стало одним из факторов возникновения социально-политического кризиса в КНР в 1989 г.*⁹

Именно в области реформы цен в конце 80-х годов столкнулись два "лагеря" китайских реформаторов — "плановиков" и "рыночников." Попытка политически обеспечить форсирование реформ рыночного типа была предпри-

нята Чжао Цзыяном на XIII съезде КПК (1987), когда он декларировал, что развитие социалистического товарного хозяйства неотделимо от рынка. Решающим шагом в этом направлении должна была стать реформа цен, объявленная и частично начатая в мае 1988 г. по указанию Дэн Сяопина, который заявил, что “ускорение поступи реформ возможно только с отлаживанием цен”, “без реформы цен не обойтись”¹⁰. Решение о реформе цен выглядело довольно поспешным и неожиданным, так как “Проект углубления хозяйственной реформы на 1988 г.”, опубликованный в конце апреля 1988 г., не предусматривал каких-либо радикальных шагов в данной сфере. Речь шла о сдерживании общего уровня роста цен, строгом контроле за ценами на средства производства и введении верхнего потолка цен на внеплановое сырье и энергоресурсы¹¹. Что было вполне резонно на фоне уже чувствительного роста цен в 1987 г., который по данным ГСУ КНР составил 7,3% в сфере розничных цен, в том числе на продовольствие — 10,2% (17,7% — на овощи, 16,5% — на мясо и яйца), 18,1% на шерстяные изделия¹². По-видимому, рыночное крыло реформаторов, возглавляемое Чжао Цзыяном и Дэн Сяопином, совершило явный промах: они не учли возможность бурной реакции населения (“поветрие закупок”, изъятие сберегательных вкладов) и добились не ускоренного поворота к рынку, а прямо противоположного результата. Рабочее совещание, созванное в конце сентября 1988 г. Политбюро ЦК КПК, призвало “не сводить углубление реформы к реформе цен” и предложило перенести центр тяжести реформы и строительства в последующие два года на оздоровление экономической среды и налаживание экономического порядка¹³.

Всеми этому есть только одно объяснение: решение о разворачивании реформы цен было не до конца продуманным и просчитанным, но политически вынужденным шагом в условиях активизации сторонников главенства планового начала.

Закономерно возникает вопрос: в самом ли деле рост цен, инициированный майским решением 1988 г., был “непосилен для масс, для предприятий и для государства”, а инфляция стала “серьезной угрозой для стабильности проведения реформы”, как об этом было заявлено в октябре на общем совещании Госсовета КНР под председательством Ли Пэна¹⁴? Ведь в сравнении с инфляционными процессами, вскоре развернувшимися в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, рост цен в Китае в 1988 г. (18,5% — розничные цены в целом, 23% — цены на продовольствие, в том числе 36,8% — цены на мясо, птицу и яйца)¹⁵ выглядит вполне умеренным. Наверное, такое сравнение некорректно: инфляция 1988 г. воспринималась китайским населением крайне болезненно и экономически, вследствие невысокого в целом уровня жизни, и психологически, поскольку, по китайским оценкам, приемлемым потолком ежегодного роста цен в стране в будущем стал считаться уровень в 10%.

Поскольку основным фактором развития инфляционного процесса конца 80-х годов являлся чрезмерный спрос, то основным направлением борьбы с инфляцией было избрано “сжатие” спроса по всем его составляющим, следовавшее в ходе осуществления принятого осенью 1988 г. на общем совещании Госсовета КНР курса на “оздоровление и упорядочение экономики”, основной особенностью которого стало административное вмешательство в процесс ценообразования. Был проведен ряд мер, выразившихся в ограничении роста цен или даже в их снижении. Кроме того, было произведено упорядочение компаний, особенно финансовых и в сфере обращения, Народному банку Китая (НБК) было запрещено кредитование ряда объектов и сфер деятельности. В результате темпы роста совокупного индекса цен в 1990 г. составили всего 2,1%, в 1991 г. — 2,9%.¹⁶ Другими результатами осуществления жесткой рестриктивной политики “оздоровления и упорядочения” стали значительное

сокращение темпов экономического роста, а в некоторых отраслях и сокращение производства, изменение соотношения спроса и предложения на рынке в пользу последнего, огромная взаимная задолженность предприятий. "Перегрев" экономики сменился "переохлаждением", выход из которого потребовал смягчения или снятия ограничений. Уже в ноябре 1989 г. на 5-ом пленуме ЦК КПК 13 созыва жестко критиковалась "двухколейная" система цен на средства производства, ставилась задача в 1990-1991 гг. сократить номенклатуру продукции, подпадающей под действие этой системы и, начав с угля, постепенно превратить "двухколейную" систему цен в "одноколейную". Претензии к "двухколейной" системе цен сводились к тому, что они нарушают принцип эквивалентности обмена, приводят к утечке плановых ресурсов на рынок, негативно сказываются на материальном обеспечении ключевых объектов и вносят элементы хаоса в процесс обращения.

В условиях традиционного для централизованной экономики хронического дефицита средств производства в сфере государственного распределения остались 45% средств производства, а весь неудовлетворенный спрос был направлен на оставшиеся 55%, реализуемые через рыночные каналы. В результате быстрого роста рыночных цен (особенно в период "перегрева" экономики) их уровень превысил уровень государственных в 2-6 раз, что привело к формированию "черного рынка", создало питательную среду для взяточничества и коррупции, подтолкнуло предприятия к накоплению сырья и материалов на складах, что еще больше усугубляло дефицит. Все эти негативные явления нельзя, однако, считать присущими самой "двухколейной" системе цен, двойственный характер которой вполне соответствовал переходному состоянию китайской экономики. Функционирование этой системы в течение нескольких лет очень наглядно продемонстрировало все противоречия сосуществования двух экономических систем и неустойчивость такого сосуществования, выражавшуюся в быстром нарастании негативных тенденций. С началом проведения в конце 1988 г. курса "сдерживания" начался переход "с двух колеи на одну колею", что фактически означало сначала возврат важнейших средств производства полностью в сферу государственного ценообразования и распределения, то есть возврат к принципу "один товар — одна цена".

Для устранения "двухколейной" системы предполагалось повысить отпускные цены на продукцию в отраслях с низкой рентабельностью (угледобыча, электроэнергия). Заметим, что одной из причин их низкой рентабельности как раз и была наивысшая доля сбыта продукции по твердым государственным ценам — 95,8% по электроэнергии и 94,4% по углю, тогда как в машиностроении эта доля составляла 40,4%, а в химической промышленности 51,3%¹⁷. Однако уже в 1990 г. большая доля сельскохозяйственной продукции и предметов потребления реализовалась по рыночным ценам.

В 1989-1990 гг. были постепенно преодолены разногласия среди китайского руководства относительно целей реформы хозяйственной системы и путей ее реализации. Обе стороны пришли к определенному компромиссу: хотя и победило "рыночное" направление, но были сделаны довольно значительные уступки в пользу "плановиков". Что касается ценовой политики, то были разработаны критерии для оценки ее экономической и социальной направленности¹⁸:

- содействует ли реформа цен смене модели хозяйственной системы в целом, создаются ли условия для дальнейшего развития реформ;
- способствует ли ценовая реформа урегулированию важных стратегических пропорций и улучшению экономической структуры;
- благоприятствует ли она долгосрочному стабильному росту народного хозяйства;
- стимулирует ли рост экономической эффективности;

- укрепляет ли социально-экономическую стабильность и политический порядок.

К концу 1991 г. был вновь поставлен вопрос об углублении реформы цен, о передаче права ценообразования предприятиям. Были сняты многие ограничения в сфере так называемых свободных цен, применявшихся в 1989-1990 гг. В целом же в 1989-1991 гг. было проведено одно из наиболее масштабных за годы реформ повышение ранее заниженных транспортных тарифов, цен на стальной прокат, уголь, нефть и нефтепродукты, зерно и масло нормированного снабжения, которые не трогали лет 25. Так, с мая 1991 г. цены на нормируемое зерно (рис, муку, кукурузу) были повышены на 67%, на 6 видов растительного масла — на 169%. Значительно повышены отпускные цены на нефть и нефтепродукты¹⁹. В 1992 г. на волне нового ускорения реформ были объявлены новые шаги в направлении либерализации цен на сельскохозяйственную продукцию, то есть переход к свободным ценам, на сахар, а несколько позже — на зерно и пищевое растительное масло.

С 1992 г. рыночная ориентация реформы стала свершившимся фактом. К сентябрю 1992 г. количество цен на средства производства и транспортных тарифов, находящихся в ведении Государственного комитета по ценам и других центральных ведомств, сократилось до 89 по сравнению с 737 в 1991 г., при этом право установления цен по 5711 виду продукции было передано предприятиям²⁰. В большинстве уездов были отпущены цены на зерно. Одновременно с этим была окончательно отменена карточная система; все цены на сельскохозяйственную продукцию стали свободными.

Основные направления следующего третьего этапа в ценовой политике (1992-1996) были следующими: была проведена широкомасштабная либерализация цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, транспортные тарифы, был начат переход к распределению продукции большинства государственных предприятий через рынок, факторы производства (средства производства, включая землю и недвижимость) были отнесены к товарам и были начаты работы по их оценке, началось постепенное преобразование "двухколейной" системы цен в одноколейную, то есть рыночную.

Однако в условиях несовершенной конкурентной среды и определенной половинчатости проводимых китайским руководством мероприятий углубление реформ, аналогично системной трансформации экономик стран Восточной и Центральной Европы, не могло не привести к существенному росту цен. Теоретически предполагалось, что предприятия, получив довольно большую свободу хозяйственной деятельности (так как исчезли многие плановые и ценовые предписания), начнут действовать по правилам "сурового" рынка, который через новые ценовые пропорции переведет их в новое качество, очистив ее от убыточных и нежизнеспособных предприятий и подстегнув остальные. В действительности сложилась совершенно противоположная ситуация: отмена обязательных заданий предприятиям и отсутствие действенной конкурентной среды и личной ответственности директоров вызвали резкое взвинчивание цен при определенном сокращении выпуска продукции²¹. Все это в дальнейшем повлияло на рост цен и можно сказать, что в третьем этапе ценовой политики (1992-1996) инфляционный процесс вышел на новый виток, непосредственно связанный с активизацией экономических реформ в КНР. Среди причин роста инфляции, помимо монетаристского фактора следует отметить и давление внутреннего спроса. Ускорение экономического роста в эти годы, как и раньше, сопровождалось утратой контроля за объемом капиталовложений и неконтролируемым ростом доходов. В 1994 г. при темпах роста ВВП 11,8% рост инве-

стиций составил 27,8%. В 1995 г. при росте ВВП на 10,2% удалось удержать рост инвестиций на уровне 18,8%²².

Однако на этом этапе, кроме расширения инвестиционного и потребительского спроса, новым существенным фактором инфляционного давления стал *рост издержек, вызванный углублением рыночных преобразований*²³. Концепция социалистической рыночной экономики предполагает переход к рыночному распределению ресурсов, поэтому важным направлением реформы 1992-1993 гг. стала либерализация цен на продукцию сельского хозяйства (включая зерновые) и базовых отраслей промышленности. В абсолютном большинстве провинций и крупных городов Китая были введены свободные цены на зерно и другие сельскохозяйственные товары, отменена карточная система; объявлено о формировании зерновых рынков на общегосударственном, провинциальном и местном уровнях. Предполагалось, что созданных государственных резервов зерна достаточно, чтобы обеспечить стабильность на рынке.

Уже к концу 1993 г. проявилась явная тенденция к быстрому росту цен на продукты питания, которая наблюдалась и в 1994-1995 гг. Так, в 1994 г. розничные цены на продовольствие выросли на 31,8%, в том числе на зерно, растительное масло и свежие овощи на 50,5, 64,2 и 38,2%, соответственно. В 1995 г. сохранялась та же тенденция. Основная доля прибыли, полученной от повышения цен, доставалась многочисленным перекупщикам, а не крестьянам — производителям продукции. Между тем издержки сельскохозяйственного производства неуклонно росли, что было связано с ростом цен на средства производства и топливо (в 1995 г. — 27,5%), темпы роста доходов крестьян снижались (в 1995 г. реальные доходы крестьян выросли всего на 5,3%). Увеличение себестоимости сельскохозяйственной продукции неизбежно подталкивало дальнейший рост цен на зерно и другие продукты питания.

Существенное повышение уровня цен происходит и в сфере обращения средств производства. Наряду с традиционным превышением спроса над предложением на основные виды ресурсов, важным фактором этого роста стали меры по переходу на свободные цены. По данным китайской статистики, уже к 1995 г. более 90% предприятий в приморских районах и около 75% крупных и средних предприятий по стране в целом стали приобретать необходимое сырье и материалы через рыночные каналы²⁴. Либерализация цен на продукцию базовых отраслей в условиях хронического дефицита этой продукции объективно приводит к росту цен, что автоматически вызывает рост себестоимости продукции обрабатывающей промышленности. На поверхность выходит вторая составляющая инфляции, ранее спрятанная в жестких государственных ценах на базовые товары, — *инфляция издержек, которая становится устойчивым фактором инфляционного роста*.

*Еще одним фактором роста цен стало повышение официального курса доллара по отношению к юаню (в 1992 и 1995 гг.), что негативно сказалось на росте издержек тех отраслей промышленности, которые работали на импортном сырье*²⁵.

Предпринятый летом 1993 г. комплекс антиинфляционных мер коснулся в основном банковской сферы (урегулирование процентных ставок по кредитам и депозитам, прекращение выдачи несанкционированных кредитов, ужесточение борьбы с коррупцией), что привело к довольно быстрому, в течение двух месяцев, сокращению инвестиционного спроса и замедлению излишне высоких темпов роста. Однако против инфляции издержек эти меры оказались неэффективными, тревожная тенденция роста общего уровня цен розничных цен продолжала сохраняться и в 1996 г.

Для борьбы с инфляцией на ее новом этапе китайское руководство вновь применило механизм торможения рыночных реформ. Китайская практика свидетельствует, что реформы в ценовой сфере не носят в Китае (в отличие от России и прочих стран Восточной Европы) необратимого характера. Практически все проводимые китайским руководством мероприятия в области ценовой политики предполагают временный возврат к старой практике в случае осложнения социально-экономической обстановки в стране. Не следует исключать вероятность, что многие мероприятия по расширению сферы реформ носили на местах декларативный характер и цены по-прежнему в целом оставались под контролем местных административных и партийных органов. Если бы на практике были действительно осуществлены все объявленные центральным правительством мероприятия по либерализации ценообразования, это означало бы практически полную свободу цен и создавало бы реальную опасность сорваться в инфляционный "штопор", обычный механизм выхода из которого в экономике переходного типа практически не работает. Этого не произошло ни в одном из трех пиков инфляции в течение 1985-1996 гг., инфляционные тенденции после одного-двух лет стремительного роста не начинали "затухать", поскольку в ходе экономической реформы в КНР не допускалось бесповоротное разрушение старых механизмов, всегда оставалась возможность для временного отступления.

Так, в январе 1994 г. правительство КНР объявило о возврате к государственному контролю над закупочными и розничными ценами на зерно и пищевое масло. Централизованно осуществлялось повышение закупочных цен на зерновые и хлопок. Для основных продуктов питания, реализуемых в городах через государственные магазины, были установлены верхние пределы цен, что привело к значительным убыткам этих магазинов. Инфляция, таким образом, снова загонялась в подполье, но в 1995 г. так и не удалось удержать ее на уровне прогнозирувавшихся 10%, общий рост розничных цен составил 16,8%. В 1996 г. впервые за три года удалось добиться, чтобы инфляция выражалась, как говорилось в программных документах, однозначной цифрой — 8,3% (1993 г. — 16,1%, 1994 — 25,0%, 1995 — 16,8%). Индекс роста розничных цен составил за тот же период 6,2%, цены на потребительские товары поднялись на 8,5%, в том числе в 35 крупных и средних городах — на 9,4%, а тарифы на коммунальные и прочие услуги повысились соответственно на 18 и 17%²⁶.

Правительство вновь осуществило ряд мер по сдерживанию роста цен как административными, так и экономическими методами. Было проведено централизованное повышение ранее заниженных цен на некоторые базовые товары, подняты тарифы на городской общественный транспорт, арендная плата за жилье, плата за водопровод, бытовой газ и электричество. Также были централизованно подняты закупочные цены на зерновые при сохранении прежних цен реализации²⁷. Все это привело к росту государственных ценовых субсидий (45,5 млрд. ю.) более чем на 25% по сравнению с 1995 г. *Административное ограничение роста цен в сочетании с увеличением объемов государственных ценовых субсидий означало, по существу, перевод инфляции в скрытую форму при ее внешнем снижении.* Все основные факторы инфляционного роста продолжали действовать.

В любом случае общий рост цен в стране в условиях активизации рыночных преобразований оказался существенно выше, чем предполагало руководство страны. В 1993 г. он составил 13,2 вместо намеченных 6%, в 1994 г. — 21,7 вместо 10% и только в 1995 г. запланированный 15-процентный предел роста цен удалось не превысить (14,8%).

Таблица 1.

Динамика цен в КНР в первой половине 90-х гг. (1991 г. — 100)

Цены	1992	1993	1994	1995
Общий индекс розничных цен	105,4	113,2	121,7	114,8
В том числе				
продовольственные товары	107,7	114,3	135,2	124,7
зерновые	124,3	127,7	148,7	136,3
мясопродукты	104,8	114,0	137,2	124,5
услуги	113,4	127,9	125,7	120,2
Индекс закупочных цен на продукцию сельского хозяйства	103,4	113,4	139,9	119,5
В том числе зерновые	105,3	116,7	146,6	129,0
Индекс цен средства производства для сельского хозяйства	103,7	114,1	121,6	127,4
Индекс отпускных цен предприятий на промышленную продукцию	106,8	124,0	119,5	114,9
В том числе				
металлургия	114,2	157,7	106,8	105,5
электроэнергетика	108,8	135,9	139,5	109,5
угледобыча	116,1	139,7	122,2	111,3
нефтедобыча	115,3	171,3	148,7	121,2
машиностроение	106,6	119,7	109,5	106,4
Индекс цен приобретения (закупка + импорт) важнейших видов сырья и энергоносителей	111,0	135,1	118,2	119,3
В том числе				
топливо и энергия	116,4	136,7	117,9	114,5
стальной прокат	115,9	172,4	100,9	95,3
стройматериалы	118,8	161,1	112,5	106,6

Источник: Чжунго тунци няньцзянь: 1993. Пекин, 1993. С. 237, 239, 241; Чжунго тунци няньцзянь: 1994. Пекин, 1994. С. 232, 240; Чжунго тунци няньцзянь: 1995. Пекин, 1995. С. 233, 236, 245, 249; Чжунго тунци чжайяо: 1996. (Краткая статистика Китая) Пекин, 1996. С. 46, 47, 50.

Разбухание инвестиционного спроса шло параллельно со стремительным ростом потребительского спроса. Дефицит многих потребительских товаров при сохранении довольно невысоких цен на продукты питания привел к резкому росту цен на предметы потребления, особенно длительного пользования, на которые также повлияла инфляция издержек. Все эти проявления инфляции оказали серьезное влияние на материальное положение людей и на морально-психологический климат в обществе, что проявилось в Китае в "волне ажиотажных закупок" до нового роста цен.

На графике 2 четко прослеживается политика китайского руководства в области цен: периоды либерализации сменяются периодами урегулирования, при этом изменение в ту или иную сторону цен начинается с оптовых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и завершается повышением оптовых цен на промышленную продукцию. Особый интерес представляют собой 1985 г. и 1990-1991 гг., когда быстрее росли цены на потребительские товары в городах, что было связано в первом случае с разрешением крестьянам реализовывать часть своей продукции на городских рынках, а во втором — с отменой "карточной системы" распределения продуктов в городах.

Проблеме инфляции и антиинфляционной политики посвящены многочисленные научные исследования в Китае²⁸. Среди причин инфляции, а следовательно, и незапланированного роста цен, по мнению китайских ученых, с которыми можно согласиться, следует отметить отставание реформы государственных предприятий от темпов рыночной перестройки по другим направлениям и неразвитость финансового рынка. Государственные предприятия, формально акционированные и объявленные компаниями с ограниченной ответственностью, фактически продолжали оставаться в привилегированном положении: им не грозили финансовые санкции в случае банкротства, а также предоставлялись льготные кредиты без надлежащего контроля за их использованием.

Государственная собственность часто использовалась как средство повышения благосостояния (обогащения) руководителей и работников предприятий. В то же время продукция многих предприятий не пользовалась большим спросом на рынке, но производство не прекращалось, так как это могло привести к массовым увольнениям, закрытию многих предприятий и потере доходов местных бюджетов. Под нажимом органов управления на местном и отраслевом уровнях банки вынуждены были выдавать кредиты таким предприятиям, что фактически приводило к нерациональному использованию ресурсов, росту банковской задолженности, сдерживанию развития эффективно действующих секторов экономики. Отсутствие инвестиционного риска, редкое применение "Закона о залоге" и "Закона о банкротстве" сформировали в госсекторе неограниченный спрос на инвестиционные ресурсы, что, естественно, создавало условия для роста цен.

Система налогообложения, предполагающая многочисленные льготы для коллективных и совместных предприятий и определяющая основную налоговую нагрузку на госпредприятия, а также сохранение более высоких налоговых ставок для зачастую убыточных сырьевых отраслей по сравнению с динамично развивающимися отраслями обрабатывающей промышленности и сферой услуг приводила к усилению инфляции издержек и, соответственно, к росту цен по всему спектру товаров. Широко внедренная на госпредприятиях в середине 80-х гг. "система подрядной ответственности", закрепившая за предприятием фиксированную в абсолютном выражении сумму налоговых отчислений, способствовала тому, что значительные суммы выпадали из — под действия бюджетного перераспределения, что также способствовало росту инфляции.

Факторы инфляции существовали и собственно в сфере ценообразования. В ходе периодически проводимой либерализации цен на те или иные группы товаров постепенно выправлялись структурные перекосы, связанные с занижением цен на продукцию сельского хозяйства и сырьевых отраслей. За счет периодически индексируемых ценовых надбавок формировались инвестиционные фонды в отраслях естественных монополий.

Наконец, необходимость обеспечения сельскохозяйственной продукцией городского населения — это важнейший фактор, определяющий динамику потребительских цен. Урожайные годы способствовали успеху антиинфляционной политики (1990–1991), а плохой урожай в 1994 г. вызвал дополнительный скачок цен на зерно, что в значительной степени способствовало раскручиванию инфляции издержек.

Таким образом, китайское руководство неизбежно оказывалось перед выбором между мягкой денежной и бюджетной политикой, обуславливающей периодическое возникновение гипертрофированного инвестиционного и потребительского бума, приводящего к сверхбыстрым темпам экономического роста и ускорению роста цен, а также ужесточением денежной политики, приводя-

щей к ограничению внутреннего спроса и в результате — к замедлению темпов развития экономики. Следует отметить, что китайское руководство с честью выходило и выходит из данной дилеммы, так как при углублении реформ и всестороннем развитии рынка сохранялся старый механизм контроля за экономикой, в частности за ценами. Политика китайского руководства в 90-е годы свидетельствует о том, что не произошло полного отказа от “двухколейной” системы цен. Хотя доля товаров, цены на которые регулируются соотношением спроса и предложения на рынке, стала преобладать в товарообороте средств производства, продовольствия и предметов потребления, тем не менее государство продолжало сохранять ценовые рычаги контроля за основными отраслями естественных монополий и товарами, обеспечивающими благосостояние населения и экономическую безопасность страны. Такой подход был зафиксирован в различных законодательных актах и окончательно — в принятом в 1997 г. “Законе КНР о ценах”.

Продолжение следует

1. Подробно о изменении концепции целей реформ см.: Ли Теин. Формирование и большой прорыв в теории социалистической рыночной экономики Теория и практика экономических реформ. Экспресс — информация ИДВ РАН. №2. М., 2000. С.52-55, 68-70.
2. В августе 1977 г. по решению Госсовета КНР было создано Государственное управление цен. 26 августа 1980 г. Госсовет издал “Уведомление относительно укрепления ценовых органов”. В 1987 г. был создан Исследовательский центр Госсовета КНР по ценам.
3. В мае 1984 г. было опубликовано “Временное положение о дальнейшем расширении самостоятельности предприятий”, в котором указывалось, что на промышленные средства производства, сбываемые предприятием самостоятельно, а также на сверхплановую продукцию предприятия имеют право самостоятельно устанавливать цены в пределах 20 % -ного отклонения вверх и вниз от централизованных цен и т.д.
4. Совокупный прирост цен в эти годы составил 28,1 %, или 5,01 % в среднем за год, что было довольно напряженным для плановой экономики.
5. В 1978-1984 гг. разрыв между закупочными ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию снизился на 25-35% (рассчитано по: 1999: Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 1999. С. 287).
6. Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы. Пекин, 1984. С. 17-18. (Принято на 3-ем Пленуме ЦК КПК 12-го созыва)
7. Жэньминь жибао. 1985. 26 сентября.
8. Дотации к ценам на овощи в крупных и средних городах и в целом по стране уменьшились с 1,2 млрд. юаней в 1984 г. до 0,9 млрд. юаней в 1985 г.; и 0,7 млрд. юаней в 1986 г., то есть на 40%. См.: Цаймао цзинцзи, 1987. № 5. С.3.
9. Хотя население стало уже постепенно привыкать к колебаниям цен, обусловленным сезонностью производства, качеством товара и изменениями соотношения спроса и предложения, но сохранение “карточной” системы распределения на основные виды продовольствия и промышленные потребительские товары, невысокий уровень заработной платы у большинства разрядов населения препятствовали распространению среди населения “рыночного” сознания. Любое повышение цен остро воспринималось как наступление на социальные гарантии социализма.
10. Дэн Сяопин. Избр. произв.Т.3. Пекин,1993. С. 262-263, 278.
11. Жэньминь жибао. 1988. 20 апреля.
12. Гуанмин жибао. 1988. 25 февраля
13. Цзинцзи жибао. 1988. 23 сентября.
14. Жэньминь жибао. 1988. 13 октября.
15. Гуанмин жибао. 1989. 1 марта.
16. Чжунго тунцзи няньцзянь: 1999. Пекин, 1999. С. 287, 289.

17. Гайгэ. 1990. № 2. С. 20-24.
18. Жэньминь жибао. 1992. 4 апреля.
19. Отпускная цена на нефть в январе 1991 г. была повышена на 34 юаня за тонну, а с 10.03.1991 г. соответственно, повышены розничные цены на нефтепродукты. Отпускная цена на чугун возросла с 484 до 610 юаней за тонну, а на углеродистую конструкционную сталь — с 800 до 950 юаней. См.: 1992: нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцзе. Пекин, 1992. С. 237- 238.
20. Гуанмин жибао. 1992. 2 сентября.
21. В условиях Китая данная ситуация проявилась двояко: на макроуровне — в постоянных жалобах на “узкие” места экономики, а на микроуровне — в увеличении запасов сырья и топлива, росте неликвидной продукции, переключении на производство более дорогих видов продукции при одновременном уменьшении производства в абсолютном выражении.
22. Чжунго тунцзи няньцзянь: 1999. Пекин, 1999. С. 15.
23. В ряде случаев была установлена единая государственная цена вместо прежних “двухколейный” цен на плановую продукцию и внеплановую. При этом государство сознательно пошло на значительное повышение устанавливаемых им цен на топливо, энергию, зерно и хлопок в рамках рассчитанной на длительный срок политики постепенного подъема относительно заниженных цен на продукцию сельского хозяйства и добывающих отраслей. Так, в 1993 г. индекс отпускных цен предприятий на промышленные средства производства вырос на 33,1% по сравнению с предыдущим годом, на продукцию сельского хозяйства — на 22,7%, сырьевых отраслей — на 40,4% и добывающих отраслей — на — 46,5%. В 1993 г. цена на нефть, распределявшуюся в плановом порядке, была повышена с 204 юаней за тонну до 535 юаней, а в 1994 г. введена единая цена на нефть в 700 и 1240 юаней (для нефтедобывающих месторождений в провинциях Хэнань и Хэбэй). Хотя рост отпускных цен предприятий на нефтепродукты получился весьма внушительным (на бензин до 2350 и дизельное топливо до 1900 юаней за тонну), тем не менее благодаря наведению порядка в рыночной торговле и сокращению числа посреднических звеньев, розничная цена на них в крупнейших городах (соответственно 2830 и 2300 юаней за тонну) не выросла. Чжунго цзинцзи няньцзянь, 1994. Пекин, 1994. С. 47-49, 1995: Чжунго цзинцзи няньцзянь. Пекин, 1995. С.43-44.
24. Чжунго ушан'е фачжань баогао, 1997. Пекин,1997. С.15
25. В первую очередь это касалось роста цен на нефть и нефтепродукты, что оказало мультипликационный эффект на уровень цен практически всех товаров и услуг через рост цен на транспортные тарифы.
26. Чжунго шичан фачжань баогао, 1997. Пекин. 1997. С. 6, 16-17.
27. Для потребителей более ощутим был рост закупочных цен на зерно (в среднем с 7,2 юаня за 10 кг риса, пшеницы, кукурузы осенью 1993 г. до 10,4 юаня с 1 июня 1994 г.) и хлопок (на 30 юаней за дань в 1993 г. и с 342 до 544 юаней в 1994 г. (Чжунго цзинцзи няньцзянь: 1994. Пекин, 1994. С.47-49; 1995: Чжунго цзинцзи няньцзянь. Пекин, 1995. С. 43-44.) 1 дань равен 50 кг.
28. Вопросам инфляции и проблемам ценообразования уделяется глава в ежегодном издании в Китае Белой книги по экономике”, а также отдельные доклады в “Синей книге по экономике”, статьи в журналах “Цзинцзи яньцзю” и “Цаймао цзинцзи”, из специальных изданий наиболее примечательна коллективная монография “Анализ факторов инфляции в девятой пятилетке и предложения по экономической политике” (на кит. яз.) Пекин, 1996.

Размещение акций китайских компаний на зарубежных фондовых рынках

© 2001

Д. Шарин

По мере интеграции и глобализации мировой экономики устойчиво растут объемы международного движения капитала и зарубежной эмиссии ценных бумаг. Существует тенденция к постепенному повышению роли развивающихся стран в этом процессе. Будучи развивающейся страной, Китай уделяет большое внимание зарубежной эмиссии ценных бумаг, включая акции китайских предприятий. Размещение акций на международных фондовых рынках играет важную роль в привлечении иностранного капитала, сближении с мировыми стандартами как хозяйственного механизма компаний-эмитентов, так и всего фондового рынка КНР.

Модели размещения акций китайских предприятий за рубежом

Китайские предприятия могут осуществлять прямое и косвенное размещение своих акций в Сянгане (Гонконге) и за пределами КНР.

При прямом размещении само китайское предприятие выпускает валютные акции и как китайское юридическое лицо ходатайствует об их котировке на гонконгской или зарубежной бирже. Примерами прямого размещения являются акции типа Н (на Гонконгской фондовой бирже), типа N (на Нью-Йоркской), типа S (на Сингапурской) и типа L (на Лондонской). Номинальная стоимость этих акций определяется в юанях, а котировка и все операции производятся в соответствующих иностранных валютах.

Косвенное размещение не имеет в Китае официального определения. Под ним понимается выпуск акций в Гонконге или за рубежом в качестве гонконгского или зарубежного юридического лица местной компанией, так или иначе связанной с китайским предприятием, или покупку китайским предприятием гонконгской или зарубежной компании, акции которой котируются на фондовой бирже.

Если косвенное размещение носит стихийный характер и в той или иной мере ограничивается государством, то прямое размещение осуществляется официально и пользуется прямой государственной поддержкой. Другим достоинством прямого размещения является то, что оно осуществляется непосредственно от имени китайского предприятия, которое получает, таким образом, международную известность. С другой стороны, из достоинств прямого размещения вытекает и ряд его недостатков. Возможности прямого размещения добиваются в тяжелой конкурентной борьбе только лучшие предприятия, утвержденные Комитетом по надзору над ценными бумагами КНР (ниже = КНЦБ) в рамках установленных квот. Даже при наличии санкции КНЦБ можно упустить наилучший момент для размещения из-за сложности и продолжительности процедуры оформления. Кроме того, в случае прямого размещения

предприятие, расположенное в КНР, должно также удовлетворять всем требованиям законодательства принимающей стороны, что требует проведения предварительных кропотливых процедур. Наконец, после прямого размещения эмитенту приходится вести своего рода «двойную» бухгалтерию и регулярно готовить два построенных по совершенно различным принципам (отечественных и международных стандартов) бухгалтерских отчетов, что приводит к росту издержек.

Классическим примером косвенного размещения являются «красные фишки» на Гонконгской фондовой бирже. «Красные фишки» = это зарегистрированные и котирующиеся в Гонконге акционерные компании, чьим контрольным пакетом (обычно более 30% акций) прямо или косвенно владеют китайские предприятия или государственные ведомства. Ниже на примере «красных фишек» будут рассмотрены основные модели косвенного размещения.*

1. «Размещение акций реальной компанией-филиалом». В рамках данной модели реально функционирующая за рубежом компания-филиал китайского предприятия размещает акции на местной фондовой бирже, давая, таким, китайскому предприятию источник привлечения иностранного капитала.

Типичным примером использования данной модели стало косвенное размещение в Гонконге акций объединения «Ляньсян». В 1988 г. пекинское объединение «Ляньсян», подчиненное НИИ информатики АН КНР, учредило в Гонконге СП «Ляньсян». К 1994 г. данное СП превратилось в крупную компанию по сбыту компьютеров и в соответствии с гонконгскими законами осуществило эмиссию акций, которые были допущены к котировке на Гонконгской фондовой бирже. При этом 54% акций СП остались в собственности пекинского объединения.

2. «Покупка оболочки». При использовании данной модели китайское предприятие получает косвенную возможность котировать акции на зарубежной бирже путем покупки контрольного пакета акций зарубежной компании. При этом за покупкой зарубежной компании обычно следуют передача ей крупных активов, увеличение масштабов и создание нового образа, что создает возможность эффективной дополнительной эмиссии.

Удачным примером использования данной модели стала покупка объединением «Юэхай», подконтрольным правительству провинции Гуандун, контрольного пакета акций одной небольшой гонконгской акционерной компании в 1987 г. Год спустя эта компания была переименована в «Юэхай-инвест», и под ее контроль была постепенно передана целая сеть расположенных в Гуандуне дочерних предприятий объединения «Юэхай». Нарастивание активов сопровождалось крупномасштабной дополнительной эмиссией акций. За четыре года совокупная рыночная стоимость акций компании «Юэхай-инвест» выросла со 100 млн. до свыше 10 млрд. гонконгских долларов.

3. «Построение оболочки». При использовании данной модели китайское предприятие учреждает за рубежом холдинговую компанию («компанию-оболочку», «компанию-окно»), передает ей собственный контрольный пакет или контрольные пакеты дочерних компаний, а затем от лица этой холдинговой компании осуществляет зарубежную эмиссию акций. Данная модель широко используется китайскими местными правительствами при помощи контролируемых ими китайских компаний в Гонконге.

Характерным примером использования данной модели стало косвенное размещение в Гонконге акций объединения «Юэсю», подконтрольного правительству города Гуанчжоу. В 1992 г. длительное время базировавшееся в Гонконге объединение «Юэсю» учредило холдинговую компанию «Юэсю-инвест»,

* Приведенные ниже примеры носят упрощенный характер, в реальной жизни в целях косвенного размещения часто создаются сложные комбинации с участием большого числа компаний, владеющих пакетами акций друг друга.

которому были переданы контрольные пакеты акций перспективных дочерних предприятий объединения «Юэсю» в Гонконге, Макао и Гуанчжоу, а затем «Юэсю-инвест» выпустила акции и разместила их на Гонконгской бирже. На привлеченные благодаря выпуску акций средства были куплены и переданы «Юэсю-инвест» еще четыре предприятия в Гуанчжоу, затем последовали еще несколько дополнительных эмиссий. В результате в течение четырех лет 3 млрд. гонконгских долларов из привлеченных средств удалось использовать на цели строительства и развития города Гуанчжоу. Другим примером являются котирующиеся на Гонконгской бирже Шанхайская промышленная, Пекинская холдинговая и Шэньчжэньская холдинговая компании, которые были учреждены в Гонконге соответствующими местными правительствами, получив при этом под контроль целый ряд предприятий в этих трех городах.

Среди трех вышеописанных моделей косвенного размещения наиболее распространены «покупка оболочки» и «построение оболочки». Основным достоинством «покупки оболочки» является возможность избежать сложной процедуры ходатайства, регистрации, эмиссии акций и допуска к котировке на бирже, быстро получить статус акционерной компании и возможность ведения дополнительной эмиссии. Кроме того, в процессе покупки «оболочки» и зачисления в нее активов возникает большое пространство для маневра. Однако данная модель имеет и несомненные недостатки: сложность поиска подходящей иностранной компании, высокие издержки на покупку, большой риск провала. Во многих странах, например в США, акционерные компании имеют такие размеры, что их поглощение пока просто не по силам китайским предприятиям; кроме того, там действуют строгие законодательные нормы, касающиеся поглощения компаний и обнародования связанной с ним информации. Наконец, в настоящее время «покупка оболочки» поставлена под запрет КНЦБ и сталкивается со все более строгими ограничениями иностранных органов надзора над фондовым рынком.

Хотя для «построения оболочки» приходится проходить сложную юридическую процедуру, тем не менее после ее прохождения китайское предприятие получает возможность создать «компанию-оболочку» точно в соответствии со своими потребностями. Одновременно удается избежать расходов на покупку компании и сопутствующих рисков. В силу вышеперечисленных факторов «покупка оболочки», которая была основной формой косвенного размещения на начальном этапе, с середины 90-х г. уступила пальму первенства «построению оболочки».

Размещение акций за рубежом в 80-е – 90-е годы

История размещения китайскими предприятиями акций за рубежом началась с середины 80-х г. Тогда применялось только косвенное размещение, а в качестве эмитентов выступали китайские компании, зарегистрированные или имеющие основной бизнес в Гонконге. Первым прецедентом стала покупка в 1984 г. одной из гонконгских акционерных компаний китайскими объединениями «Чжунъинь» и «Хуажунь». В период 1984-1989 гг. их примеру последовали и некоторые другие компании.

Переломным стал 1992 г. Именно с этого года началось размещение акций за рубежом внутрикитайскими предприятиями. Первым стал металлургический комбинат «Шоуду», который после посещения Дэн Сяопином получил большую самостоятельность, и немедленно воспользовался этим, купив 51% акций одной из гонконгских металлургических компаний. Его примеру сразу же последовало большое количество китайских компаний, в том числе непосредственно подчиненных Госсовету, как то: Компания импорта и экспорта цветных металлов, Генеральная компания авиастроительной промышленности и Генеральная нефтегазовая компания.

Немало китайских предприятий осуществили поглощение местных акционерных компаний не только в Гонконге, но и в Сингапуре, Канаде (с котировкой на бирже в Торонто), Австралии (с котировкой на бирже в Сиднее) и даже в Норвегии (с котировкой на бирже в Осло).

С 1992 г. началось также применение метода «построения оболочки». Пионером стало контролируемое Министерством коммуникаций КНР объединение «Чжаошанцзюй», учредившее в Гонконге дочернее предприятие, которое успешно осуществило эмиссию акций. Его примеру последовали десятки других китайских предприятий, возник настоящий бум. Именно к этому периоду времени относится становление «красных фишек» как сектора гонконгского фондового рынка.

Наконец, с того же 1992 г. началось косвенное размещение акций китайских предприятий методом «построения оболочки» в США. Прецедентом стали организованные шэньянским объединением «Цзиньбэй» эмиссия и допуск к котировке на Нью-Йоркской фондовой бирже акций зарегистрированной на Бермудских островах Китайской автомобильной холдинговой компании «Хуачэнь». Вслед за этим в 1993 г. зарегистрированная в Гонконге китайская компания «Чжунцэ» организовала косвенное размещение акций своих дочерних СП, зарегистрированных в КНР, на Нью-Йоркской (Китайская шинная холдинговая компания) и Торонтской (Китайская пивная холдинговая компания) фондовых биржах.

С середины 1993 г. гонконгская администрация отменила автоматическое получение права котировать акции на бирже путем взятия под контроль местной акционерной компании. Вскоре Госсовет КНР также выпустил уведомление, запрещающее китайским предприятиям и государственным структурам ведение косвенного размещения методом «покупки оболочки». С этого времени основную роль стал играть метод «построения оболочки».

Параллельно с ужесточением контроля над косвенным размещением в КНР была начата подготовка к прямому размещению акций китайских предприятий за рубежом. Еще в 1992 г. Гонконгская фондовая биржа приняла долгосрочную стратегию развития, нацеленную на ее превращение в основного посредника между китайскими эмитентами ценных бумаг и международными инвесторами. Вскоре после этого делегация Гонконгской фондовой биржи передала руководству Госсовета КНР проект прямого размещения акций китайских предприятий в Гонконге, который получил одобрение. В октябре 1992 г. Комитет по ценным бумагам КНР сформировал первый список из девяти рекомендуемых для этой операции предприятий.

Одновременно КНР и Гонконг провели согласование вопросов сотрудничества в области законодательства, надзора и бухгалтерского учета, касающихся размещения акций китайских предприятий в Гонконге. Результаты этого согласования были изложены в «Протоколе о сотрудничестве в области надзора и управления ценными бумагами», подписанном в июне 1993 г. КНЦБ, Гонконгским комитетом по надзору над ценными бумагами и фьючерсами, Гонконгской, Шанхайской и Шэньчжэньской биржами. В данном меморандуме также были определены порядок двустороннего обмена информацией и механизм решения возникающих проблем.

С июля 1993 г. началось прямое размещение акций китайских предприятий в Гонконге. Первой это удалось сделать Циндаоской пивной компании, которая к тому же сумела обеспечить чрезвычайно успешный ход размещения: число желающих подписаться на акции в 110 раз превысило предложение. Вскоре после этого Шанхайский нефтехимический комбинат одновременно осуществил прямое размещение акций в Гонконге и -- в форме ADR (см. следующий параграф) -- в США. К середине 1994 г. все девять включенных в первый список предприятий успешно завершили размещение своих акций. Среди них был и Мааньшаньский металлургический комбинат, размещение

акций которого в октябре 1993 г. в Гонконге было оценено известным журналом «Евромани» как лучшая эмиссия года, и Куньминский станкостроительный завод, в декабре 1993 г. поставивший рекорд превышения установленной суммы подписки в 628 раз.

В связи с успешным ходом эксперимента в 1994 г. его рамки были расширены до 22 предприятий. Одновременно (в сентябре-октябре 1994 г.) две электроэнергетические компании — шаньдунские «Хуанэн» и «Хуанэн гоцзи» впервые осуществили прямое размещение акций типа Н на Нью-Йоркской фондовой бирже. Юридическую базу для этого подготовили двусторонние китайско-американские консультации, завершившиеся в апреле 1994 г. подписанием «Протокола о сотрудничестве в области надзора».

Во второй половине 90-х г. продолжалось регулярное утверждение новых списков компаний, рекомендуемых для прямого размещения за рубежом, укреплялись связи между КНЦБ и зарубежными фондовыми биржами. Наиболее успешным в плане выпуска акций типа Н стал 1997 г., когда размещение акций 16 компаний позволило привлечь 28 млрд. гонконгских долларов — больше, чем за все предыдущие годы. В июле 1997 г. было осуществлено крупнейшее по масштабам размещение акций типа Н — акций авиакомпании «Наньфан» на общую сумму 5,5 млрд. гонконгских долларов. В марте 1997 г. китайская компания впервые осуществила прямое размещение акций на Лондонской бирже (пекинская электроэнергетическая компания «Датан»), а в июне того же года — на Сингапурской (Тяньцзиньская фармацевтическая компания), возникли таким образом акции типов L и S.

1997 г. был также весьма успешным для косвенного размещения акций китайских предприятий за рубежом. За год в Гонконге выпустили свои акции 10 новых «красных фишек» — крупных холдинговых компаний, организованных различными местными правительствами. Это позволило в общей сложности привлечь 37 млрд. гонконгских долларов. В октябре того же года, несмотря на начавшийся финансовый кризис, холдинговая компания «Цзюйсин», представляющая мобильные телекоммуникации двух провинций КНР, разместила в Гонконге, США и на других фондовых рынках свои акции на сумму более 30 млрд. гонконгских долларов, заняв, таким образом, четвертое место среди компаний, чьи акции котируются на Гонконгской бирже.

В общей сложности в 1997 г. на первичном фондовом рынке Гонконга было размещено акций на сумму свыше 80 млрд. гонконгских долларов. Около 90% этой суммы пришлось на акции типа Н и акции «красных фишек»¹.

Начиная с 1998 г., в связи с последствиями азиатского финансового кризиса размещение акций китайских компаний за рубежом переживает заметный спад. Так, многим утвержденным КНЦБ предприятиям пришлось отложить размещение акций в Гонконге, за первую половину 1998 г. выпустить акции типа Н удалось всего одной компании. Из-за обвального падения курсов акций на японском рынке Тяньцзиньской автомобилестроительной компании пришлось отказаться от планов размещения акций на Токийской фондовой бирже.

В последние годы возникла тенденция неблагоприятных изменений конъюнктуры акций типа Н на вторичном рынке, особенно по сравнению с «красными фишками». Акции типа Н пострадали от азиатского кризиса больше, чем гонконгский рынок в целом. Это существенно затрудняет дополнительную эмиссию акций типа Н, даже эмиссия новых акций проходила далеко не так успешно, как в 1993 г. Такое развитие событий обусловлено не только финансовым кризисом в ЮВА, но и допускаемыми многими эмитентами акций типа Н просчетами в хозяйственной деятельности, несвоевременным и неполным обнародованием информации, нецелевым и малоэффективным использованием привлеченных средств и т.п.

Акции «красных фишек» несмотря на финансовый кризис пользовались и пользуются успехом у инвесторов как на первичном, так и на вторичном

рынках. Ажиотаж вокруг них нередко приводит к такому повышению их курсов, что соотношение цены и доходности зашкаливает до нескольких сотен единиц. Данное обстоятельство связано в первую очередь со спекулятивными ожиданиями закачивания в компании — «красные фишки» крупных активов из КНР. В таких ожиданиях таится и немалая опасность: количество эффективных предприятий в КНР не безгранично, да и не все они могут быть переданы «красным фишкам», но если закачивание активов прекратится и ожидания спекулянтов будут обмануты, то произойдет падение курсов и станет невозможной дополнительная эмиссия акций.

В общей сложности за период до конца 1999 г. только размещение акций типа Н позволило привлечь иностранные инвестиции в объеме 11,5 млрд. долл. США². На конец 1998 г. 31 китайская компания осуществила прямое размещение акций в Гонконге, 8 — одновременно в Гонконге и Нью-Йорке, 2 — в Гонконге и Лондоне, 1 — только в Нью-Йорке, 1 — в Сингапуре³. Весьма показателен их отраслевой состав. Из 43 компаний 10 представляют машиностроение и электронику, 7 — химию и нефтехимию, 5 — строительство транспортной инфраструктуры, 5 — энергетику, 5 — транспорт, 5 — металлургию и металлообработку, 3 — фармацевтику и по одному — пивоварение, типографское дело и производство стекла⁴. Из этих цифр четко видны отраслевые приоритеты, выразившиеся в квотах, определенных Госсоветом для различных секторов народного хозяйства: машиностроение, транспорт и транспортная инфраструктура, химия и фармацевтика — по одной четверти, энергетика и металлургия — по одной восьмой.

Статистические данные по косвенному размещению акций китайских компаний за рубежом весьма скудны. Известно, что на конец 1998 г. по оценкам Гонконгской фондовой биржи, на ней были представлены около 60 компаний — «красных фишек», три из которых учитывались при вычислении гонконгского биржевого индекса «Хэншэн»⁵.

Помимо привлечения иностранного капитала, размещение акций за рубежом дало целый ряд других позитивных результатов. Во-первых, для предприятий-эмитентов, оказавшихся теперь под надзором зарубежных органов регулирования фондового рынка и иностранных инвесторов, это стало важным стимулом к совершенствованию своей акционерной системы и системы управления, повышению экономической эффективности. Во-вторых, накоплен бесценный опыт размещения акций за рубежом. В-третьих, упрочена роль Гонконга как международного финансового центра. Наконец, были налажены связи между КНЦБ и зарубежными органами финансового надзора. Помимо Гонконга и США, КНЦБ подписал протоколы о взаимопонимании с соответствующими органами 9 стран — Японии, Великобритании, Франции, Австралии, Бразилии, Малайзии, Сингапура, Украины и Люксембурга. Кроме того, в 1995 г. КНЦБ вступил в Международную ассоциацию комитетов по управлению ценными бумагами (IOSCO), что создало благоприятные условия для заимствования международного опыта.

Практика зарубежного размещения депозитарных расписок китайских предприятий

Депозитарные расписки — производные ценные бумаги на акции компаний, которые выпускает крупный иностранный банк-депозитарий. Эти бумаги дают их владельцам право обменять их на определенное количество акций компании. Депозитарные расписки могут именоваться по-разному в зависимости от требований контрактного рынка (ADR — американские, GDR — глобальные, EDR — европейские, SDR — сингапурские и т.д.). ADR (American Depository receipt) номинируются в долларах США и свободно обращаются в США и Европе. Обращение депозитарных расписок регулируется правом страны, в которой они выпущены: — США — для ADR и европейским правом —

для GDR. Депозитарные расписки могут проходить листинг на фондовых биржах и использоваться для привлечения капитала на американском или международном рынке. Как правило, депозитарные расписки используют компании, находящиеся на начальной стадии выхода на международный рынок капиталов. Этот метод позволяет расширить круг потенциальных инвесторов, повысить имидж компании.

К настоящему времени в Китае накоплен довольно обширный опыт зарубежного размещения депозитарных расписок. Так, четыре компании-эмитента акций типа В осуществляли закрытое размещение своих акций в форме ADR, еще одна — в форме SDR допущены к котировке на Сингапурской фондовой бирже. В 1997 г. была впервые одновременно проведена открытая эмиссия акций типа В в форме депозитарных расписок: Юго-восточная электроэнергетическая компания одновременно начала котировку акций типа В на Шанхайской и депозитарных расписок на Лондонской фондовой бирже.

Все китайские компании-эмитенты акций типа Н и N во время первой эмиссии осуществляют размещение в форме депозитарных расписок, причем только на американском рынке. Первым прецедентом, как уже отмечалось, стало размещение Шанхайским нефтехимическим комбинатом в 1993 году половины своих акций типа Н в форме ADR в США (каждая ADR соответствовала 100 акциям) с последующей котировкой всех акций на Гонконгской бирже. Другим примером стала эмиссия шаньдунской энергетической компанией "Хуанэн" акций типа N с размещением в форме ADR (каждая ADR соответствовала 50 акциям) и последующей котировкой на Нью-Йоркской фондовой бирже. Выпуск депозитарных расписок способствует расширению круга инвесторов и обеспечению успешного размещения.

Государственное регулирование размещения акций за рубежом

Законодательная база государственного регулирования прямого размещения акций китайских предприятий за рубежом начала формироваться с 1994 г., когда было выпущено «Особое положение Госсовета о зарубежном размещении и котировке на бирже акций акционерной компании», до настоящего времени являющееся основным регламентирующим документом в этой сфере. Кроме него, действует выпущенный КНЦБ «Перечень статей, необходимых для включения в устав компании, акции которой котируются на зарубежной бирже» и ряд инструкций КНЦБ, Минфина, Госкомимущества, Главного налогового управления и других ведомств.

Для прямого размещения акций за рубежом китайской компании необходимо прежде всего получить рекомендацию провинциального правительства (или, в зависимости от подчинения, — центрального ведомства) в соответствии с требованиями выпущенного КНЦБ «Уведомления о рекомендации предприятий, предварительно выбранных для зарубежной котировки». После получения соответствующей рекомендации рассмотрение производится КНЦБ совместно со всеми заинтересованными ведомствами, а разрешение принимается непосредственно Госсоветом. Если раньше утверждение производилось списками, то с 1999 г. решения принимаются индивидуально по каждому предприятию.

Утвержденному Госсоветом предприятию предстоит огромный объем подготовительной работы. Прежде всего, как правило, проводится широкомасштабная реорганизация, нацеленная, во-первых, на передачу предприятию высококачественных активов и повышение его рентабельности, что позволит разместить акции по более высокой цене; во-вторых, на то, чтобы компании, аффилированные с эмитентом, не занимались одинаковыми с ним видами хозяйственной деятельности (это запрещено правилами некоторых зарубежных бирж); в-третьих, — на освобождение предприятия от непроизводственных фондов, связанных с исполнением им социальных функций. Затем проводится

оценка активов предприятия международно признанной аудиторской компанией. Наконец, осуществляется приведение бухгалтерии предприятия в соответствие с международными стандартами бухучета. Только после этого предприятие может подать ходатайство в иностранную биржу или органы надзора об эмиссии и котировке своих акций в соответствии с зарубежным законодательством.

Что касается государственного регулирования косвенного размещения, то оно получило развитие только в последние годы. Если в 80-е годы последнее развивалось стихийно, то в 1992 г. было принято политическое решение о постановке косвенного размещения под контроль государства, связанное с опасностью стихийного перетекания внутрикитайских активов в собственность зарегистрированных за рубежом акционерных компаний. В нескольких выпущенных в 2000 г. инструкциях Госсовета подчеркивалось, что вне зависимости от формы размещения акций китайского предприятия за рубежом необходимо получить разрешение Комитета по ценным бумагам Госсовета.

В 1993 г. было выпущено «Уведомление Госсовета о временной приостановке покупки иностранных предприятий и дальнейшем усилении управления инвестициями за рубежом», содержащее запрет на косвенное размещение методом «покупки оболочки».

В 1997 году Госсовет выпустил «Извещение о дальнейшем усилении управления над зарубежной эмиссией и биржевой котировкой акций». В данном уведомлении установлено, что в случае если размещение акций сопряжено с покупкой или переводом активов за рубеж, необходимо получить согласие КНЦБ и санкцию Госсовета. Исключение допускается, если внутрикитайские активы поступили в распоряжение компании — «красной фишки» более трех лет назад: в этом случае эмитенту достаточно получить согласие провинциального правительства или центрального ведомства, которому ранее принадлежали эти активы, и проинформировать о результатах КНЦБ.

В КНР идет постоянная дискуссия о том, следует ли государству регулировать косвенное размещение акций. Отмечается ряд негативных последствий такого регулирования. Прежде всего, на Гонконгской фондовой бирже уже сформировалась собственная система надзора над размещением акций «красных фишек», и административное вмешательство из КНР может подорвать доверие инвесторов как к «красным фишкам», так и к Гонконгской фондовой бирже в целом. Кроме того, на получение разрешений в соответствии с новыми правилами, компании-эмитенту потребуется несколько месяцев, а за это время может быть упущен подходящий момент выпуска акций.

1. Лю Яньчжу. 97 Гоци Н гу хунчоугу фачжань цзилюэ (Стратегия развития акций типа Н государственных предприятий и "красных фишек"). // Чжэнцюань шибао. 1997. 26 декабря.
2. Отчет о социально-экономическом развитии КНР в 1999 году // Жэньминь Жибао. 2000. 29 февраля.
3. Цзинь Дэхуань (ред.). Дандай чжунго чжэнцюань шичан. (Рынок ценных бумаг современного Китая). 1999.
4. Рассчитано автором по Дандай чжунго чжэнцюань шичан. 1999.
5. Цзинь Дэхуань (ред.) Дандай чжунго чжэнцюань шичан. 1999.

Смешанная экономика в Китае: от дискриминации к поддержке

© 2001

В. Карлусов

Мировой опыт свидетельствует о том, что становление относительно нормальной современной рыночной экономики — это достаточно продолжительный исторический период, охватывающий не три — пять лет, а в лучшем случае несколько десятилетий. В течение этого периода, длительность которого национально-специфична, в смешанной экономике конкретной страны сосуществуют и активно взаимодействуют предприятия общественной и частной собственности, а на их стыке развиваются многочисленные разновидности устойчиво-смешанных и смешанно-переходных имущественных структур, порой трудноидентифицируемых по преобладающему в них типу присвоения условий и результатов производства (частному или общественному).

Такое сосуществование нередко сталкивается с рядом серьезных трудностей, связанных, в частности, с наличием существенных ограничений действия рыночных регуляторов в переходной экономике, с неполной легитимностью частной собственности, с вынужденной асинхронностью политической и экономической реформ. Все это в свою очередь обостряет некоторые "старые" и порождает новые проблемы, такие, как неэффективное использование государственных материальных ресурсов, "теневой" синдром предпринимательства и массовое уклонение от налогообложения, коррупция государственного управленческого аппарата на местах и другие.

В этой связи представляется целесообразным кратко рассмотреть здесь такой не столь уж афишируемый аспект китайской хозяйственной реформы, как социальная мимикрия частного предпринимательства. В ряде своих проявлений и последствий он актуален, на наш взгляд, не только для Китая, но и для других рыночно-переходных экономик, включая российскую.

Социомимикрия предпринимательства в КНР: масштабы и основные формы

В 80—90-е гг. XX в. социальная мимикрия частного предпринимательства в КНР выражалась главным образом в развитии феномена "псевдоколлективности" ("цзя цзити") или "красной шапки" ("хун маоцзы"), если пользоваться китайской терминологией. Это развитие, конкретизированное многочисленными данными из первоисточников, подтвердило сделанный нами еще в начале 80-х гг. вывод о генезисе в экономике реформенного Китая эм-

бриональных элементов частнокапиталистического уклада, маскирующегося под общественные, коллективные, в частности, предприятия¹.

В результате опережающего роста частнособственнических форм в "ткани" коллективного сектора экономики уже к началу официальной политической легализации национального капитала в КНР (1987—1988) удельный вес "красных шапок" в этом секторе достиг впечатляющих показателей, составляя порой от 50 до 90% всей численности и объема производства "коллективных" предприятий отдельных уездов страны. Общекитайские данные также показывали, что значительная часть — в среднем не менее половины всех де-факто капиталистических предприятий имели регистрационный статус "коллективных хозяйств" или "кооперативов"².

На рубеже 80—90-х гг. псевдообщественные предприятия в Китае по инициативе центра становятся объектом комплексного изучения и поиска мер институционального воздействия в основном по следующим направлениям: 1) критерии распознавания и принципы классификации подобных предприятий; 2) конкретные причины и факторы их развития в условиях реформы отношений собственности; 3) рекомендации практическим органам по корректировке регистрационно-юридического статуса таких предприятий ("снятию" с них "красной шапки").

Например, в одном из довольно авторитетных вариантов классификации мимикрийных форм частного предпринимательства, разработанном силами ряда центральных и местных ведомств (включая Госсовет КНР), соответствующие этим формам предприятия подразделялись на три типа:

1. Хозяйствование "под прикрытием" ("гуакао цзинъин"). Для данного типа мимикрии было характерно получение частником лицензии коллективного предприятия путем вступления в сговор с руководством местного административного органа, выступавшего в качестве номинального учредителя предприятия (как правило, таким органом являлось квартальное или поселковое управление, уличный или сельский комитет, реже — другой государственно-муниципальный орган или организация, предприятие государственной собственности и т.п.). В управления промышленно-торговой и налоговой администрации при этом представлялись фальсифицированные данные об учреждаемом "общественном" предприятии, в частности о реальном источнике формирования его уставного фонда, финансирования капиталовложений и т.д.

2. Лизинг хозяйственной лицензии ("цзуюн инъе чжичжао"). Субъектом незаконной сдачи в прокат лицензии являлся, как правило, все тот же административный орган — номинальный учредитель предприятия, по той или иной причине не желавший или не способный самостоятельно вести дело. В данном случае частный предприниматель получал хозяйственные права и соответствующие кредитно-налоговые льготы общественного предприятия лишь на определенный, диктуемый указанным органом, срок.

3. Незарегистрированная передача имущественных прав (хозяйствование "под старой вывеской" — "маомин динти"). Существование предприятий этого типа было связано с уклонением от законного оформления имущественных трансакций: купив бывшее коллективное предприятие (на аукционе, в результате негласной сделки с органом-учредителем и т.п.), частник тем не менее продолжал использовать его хозяйственную лицензию, т.е. сознательно не осуществлял необходимой по закону в таком случае перерегистрации.

Рассмотренный вариант классификации квазиобщественного предпринимательства в КНР, однако, далеко не был полным, всеобъемлющим, так как не охватывал наиболее автономную от государства часть "коллективного" сектора — разного рода кооперативы, т.н. "народные предприятия" ("минъин

ции"), многие из которых, как признавалось в Китае, "аморфны" по характеру собственности. Фактически "за бортом" анализа также оставались смешанно-переходные имущественные формы своего рода "вялотекущей", замаскированной приватизации "снизу", возникшие в КНР в результате практики сдачи определенной доли общественных предприятий в пролонгированный частный подряд и аренду (на базе концепции "разделения прав собственности и хозяйствования").

Причины и факторы феномена мимикрии бизнеса

Кратко обобщая причины и факторы развития в реформенном Китае мимикрии частного предпринимательства, можно сгруппировать их в следующие условно разграниченные блоки.

(1) Социально-экономические причины. В их ряду следует прежде всего назвать общую неразвитость института частной собственности в Китае и, как следствие, неравенство макроэкономических условий хозяйствования частных и коллективных предприятий, которое наиболее наглядно может быть проиллюстрировано на примере социальной дифференциации государственной кредитной и налоговой политики (так, коллективные предприятия, в отличие от частных, пользовались целой системой налоговых льгот, норма ссудного процента для них была существенно ниже³). В числе этих причин следует также отметить прямую материальную заинтересованность местной администрации в сохранении многих квазиобщественных предприятий, которые были для нее ощутимым источником получения "отчислений на управление" ("гуанли фэй").

(2) Социально-психологические, политико-идеологические и правовые факторы. К главному, по сути первичному из них необходимо, на наш взгляд, отнести сохранение в первые полтора — два десятилетия реформы устойчивых стереотипов в общественном сознании, ориентированных на неприятие или дискриминацию частной собственности.

(3) Обстоятельства административно-организационного порядка. В качестве таковых китайские авторы прежде всего называли несовершенство системы административного управления и контроля деятельности коллективных предприятий.

Меры государства по преодолению социомимикрии: от дискриминации национального бизнеса к его поддержке

На рубеже 80—90-х гг задача преодоления социальной мимикрии частного предпринимательства в КНР выдвигается в разряд общегосударственных, но по крайней мере вплоть до 1992—1993 гг. ставка в ее решении делалась преимущественно на меры административно-организационного характера. В этот период можно было констатировать явно недостаточную эффективность таких мер без сопутствующей им дальнейшей радикальной корректировки политико-правового статуса частного предпринимательства в Китае.

Начиная с 1992 г. под воздействием как внутренних, так и внешних факторов⁴ государство в Китае постепенно переходит от политики **вынужденного допуска** развития частника и его инерционной социальной дискриминации к политике его сбалансированного **поощрения и поддержки** в интересах ускорения роста совокупной экономической мощи страны. Соответствующие изменения институциональной сферы проявляются в КНР на многих уровнях — от трансформации идеологии, политико-правовой системы, форм макро- и микроэкономического регулирования развития частного бизнеса до целенаправленного воздействия государства на массовый менталитет нации.

В частности, поэтапно, но весьма заметно изменяется политико-правовой статус национального предпринимательства. Так, если в 1982 г. в Конституции КНР был узаконен лишь малый бизнес, в 1988 г. — уже средний и крупный, но только в качестве "дополнения к социалистическому общественному хозяйству", то в 1999 г. национальное предпринимательство получило качественно новый ранг "важнейшей составной части рыночной социалистической экономики". Соответственно постепенно, но в итоге весьма радикально, изменялась и формировалась система законодательства, включая принятие целого пакета законов и подзаконных актов, начиная от административно-политических установок и временных положений 1981—1988 гг., до введения в действие вполне современных рыночных законов, таких, как законы КНР о компаниях (1994), о паевых предприятиях (1997), о практикующих врачах, о предприятиях физических лиц с собственным капиталом (оба 1999) и другие.

Одним из ощутимых последствий позитивных перемен в политике государства в Китае в отношении национального бизнеса стало опережающее развитие последнего по сравнению со всеми остальными секторами смешанной экономики страны, включая госсектор и предприятия с прямыми иностранными инвестициями. Так, в десятилетие 1989—1998 гг. среднегодовые (арифметические) темпы прироста численности частнокапиталистических (де-юре "частных"⁵) предприятий составили 33,3%, превысив соответствующие показатели государственных предприятий (5,4%) в 6,2 раза и коллективных предприятий (0,3%) — в 111 раз. Существенно уступая по среднегодовым темпам прироста своей численности предприятиям иностранного капитала в 1989—1994 гг. (40,0 против 70,9%), в 1995—1998 гг. предприятия национального капитала по этому показателю уже превосходили их в 10,8 раза (29,7 против 2,75%)⁶. Во многом аналогичная динамика роста превосходства частного бизнеса в 90-е гг. была отмечена и по росту таких показателей, как численность занятых, стоимость основных производственных фондов, объемы валовой продукции и розничного товарооборота, налоговые платежи и др.

Наиболее заметным итогом опережающего роста частного предпринимательства в реформенном Китае стало радикальное изменение посекторной структуры смешанной экономики. В частности, даже по официальной китайской статистике, которая в силу сохраняющейся политизации пока еще не отражает мимикрии частных предприятий под общественные, в 1978—1999 гг. удельный вес государственного сектора в валовой продукции промышленности снизился с 77,6 до менее чем 50%, а частного сектора — увеличился с 0 до 38,8%; в розничном товарообороте соответствующие показатели составили 54,6; 21% и 0,1; 62,2%. В то же время, по одной из оценок экспертов, учитывающих фактор социальной мимикрии, доля де-факто частного национального предпринимательства в ВВП промышленности КНР к 2000 г. достигла около 51%⁷.

В настоящее время наиболее общей задачей поддержки правительством национального бизнеса в Китае является обеспечение постепенного выравнивания прав всех форм хозяйствования, основанных на балансе общественной и частной собственности в интересах ускоренного экономического развития страны. Главные конкретные цели на современном этапе в этом плане — реформа судебной системы для преодоления фактической дискриминации частника и дальнейшее открытие рынков капитала (фондовых рынков) для национального предпринимательства.

* * *

Проблема социальной мимикрии предпринимательства в КНР в 80—90-е гг. имела, таким образом, существенную политическую подоплеку, состоявшую в

далеко не полном признании в этой стране равенства всех форм собственности и хозяйствования. Эта политическая "половинчатость" во многом была одним из проявлений противоречия между сохранявшейся монополией КПК на политическую власть и начавшимся процессом эволюционного демонтажа ее монополии на власть экономическую.

Опыт китайской хозяйственной реформы свидетельствует и о том, что в "полутоталитарных" обществах, осуществляющих переход к рыночной экономике в условиях неполной легитимности частной собственности, свободное предпринимательство и приватизационный процесс развиваются не столько в "чистых", сколько в мимикрийных формах, находящихся по отношению к ней коррупциогенным фактором. Развитие этих форм, выступающее в качестве своего рода издержек формирования среднего класса в указанных обществах, отнюдь не стоит драматизировать. Государству, однако, необходимо предпринимать решительные и своевременные меры по контролю и нейтрализации очевидных негативных сторон и последствий такого развития, в частности посредством:

— доведения до логического завершения "уравнивания в правах" частной собственности, последовательной разработки современной нормативно-правовой базы предпринимательской деятельности, включающей в себя четкую спецификацию всего комплекса правомочий собственников и систему государственных гарантий по их защите;

— устранения реального (не только де-юре, но и де-факто) дисбаланса в налогообложении, кредитовании и ресурсоснабжении предприятий различных форм собственности, создания по возможности равных макроэкономических условий для их свободной конкуренции;

— поэтапного перевода и/или преобразования мимикрийных, "теневых" форм сращивания частника с местной бюрократией в гораздо более легитимную акционерную форму партнерства государственного и частного секторов экономики (например в рамках смешанных акционерных объединений с четким разграничением прав учредителей и т.п.);

— проведения политики преодоления у чиновничества и населения идеологических и социально-психологических стереотипов прошлого, связанных с дискриминацией частной собственности.

-
1. См.: Вестник Московского университета. Сер. 13 "Востоковедение". 1981. № 2. С. 28, 33.
 2. Подробнее о масштабах мимикрии предпринимательства в КНР см.: Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 71-87.
 3. Так, на рубеже 80—90-х гг. для коллективных поселково-волостных предприятий она составляла 6,6%, тогда как для частных — 9%, причем получение кредита последними было нередко искусственно затруднено.
 4. В числе внутренних факторов следует выделить общую радикализацию рыночной составляющей китайской хозяйственной реформы, инициированную Дэн Сяопином, в числе внешних — распад СССР и последовавшую за этим в 1992 г. радикальную либерализацию цен в России.
 5. Частное национальное предпринимательство в современном Китае подразделяется на два блока — индивидуальные предприятия ("гэти цие") с числом наемных работников до 7 чел. и частные предприятия ("сыин цие") с числом работников свыше 7 чел. каждое.
 6. Рассчитано по официальным данным Государственного административного управления промышленности и торговли (ГАУПТ) КНР.
 7. Оценка журнала "Economist". 2000. №3.

Проблемы интернационализации японской йены в условиях глобальных изменений в мировой валютно-финансовой системе

© 2001

Г. Белокурова, М. Мизгулина

Финансово-экономический кризис, поразивший страны Азии в 1997-1998 гг., стал своеобразным переломом в процессе осмысления экономистами проблем, связанных с функционированием мировой валютно-финансовой системы.

Анализируя причины его возникновения, большинство экспертов сошлись во мнении, что одной из основных предпосылок этого события стала практика установления в азиатских странах валютных режимов, ориентированных на ту или иную форму привязки национальной валюты к одной из базовых мировых валют (чаще всего за базовую валюту принимался доллар США)¹. Масштабные валютные интервенции со стороны центрального банка на национальном валютном рынке в этих странах и установление валютного курса, не соответствовавшего состоянию платежного баланса страны, привели к возникновению валютных кризисов, осложненных долговым кризисом частного сектора.²

На фоне "антидолларовых" настроений правительств стран, пострадавших во время кризиса, японское правительство активизировало свою деятельность по укреплению международного статуса йены, что сопровождалось оживленными дискуссиями по указанному вопросу на самых разных уровнях. Данный вопрос многократно поднимался в обращениях министра финансов К. Миядзавы, в докладах специальной комиссии по интернационализации йены при Совете по регулированию валютного рынка, на региональных встречах, таких как Международный симпозиум по проблемам инвестиций в Бирме в декабре 1999 г., на встречах министров финансов стран Азии и Европы в 1999 и 2001 гг. Однако, если "на пике кризиса было много разговоров о глобальной финансовой архитектуре и необходимости заключения нового Бреттон-Вудского соглашения"³, то сейчас стремление проводить радикальные преобразования ослабло⁴, и представляется маловероятным, что перестройка всей мировой валютной системы будет происходить очень быстро. Кроме того, предкризисная ситуация в финансовом секторе самой Японии ставит под сомнение возможность действительного участия страны в процессах глобальной и региональной интеграции.

У правительства Японии было несколько возможностей повышения статуса национальной валюты. В 1971 г., когда указом президента США Р. Никсона была официально отменена практика обмена долларов на золото по 35 долларов за унцию для центральных банков стран-членов Бреттон-Вудского со-

Белокурова Галина Вячеславовна, научный сотрудник ИДВ РАН.

Мизгулина Мария Натановна, бакалавр Института практического востоковедения.

глашения, доверие к доллару США было сильно подорвано, так как центральные банки европейских стран и Японии обладали значительными долларовыми резервами, которые после объявления об отмене их обмена на золото сразу же значительно обесценились. Министерство финансов Японии должно было бы принять решение о диверсификации официальных валютных резервов страны и их конвертации в другие валюты, в том числе и в японскую йену. Однако финансовые власти Японии не приняли такого решения из-за негативных долгосрочных прогнозов динамики платежного баланса страны, составленных аналитическими службами правительства, а первый энергетический кризис 1973 г., в целом, поставил под сомнение целесообразность разработки национальной программы, направленной на интернационализацию японской йены.

Вторая возможность была упущена, когда по Плазскому соглашению 1985 г. Япония была обязана предоставлять финансовую помощь США для покрытия торгового дефицита. Правительством Японии было принято беспрецедентное решение о предоставлении займов иностранному государству не в своей национальной валюте, а в валюте заемщика — в долларах. С точки зрения Соединенных Штатов, этот заем мог быть погашен с помощью дополнительной эмиссии долларов.⁵

После Азиатского финансового кризиса, когда мировая валютная система, ориентированная на доллар США была дискредитирована, правительство Японии сделало осознанную попытку продвижения йены на международную арену в качестве альтернативной доллару интернациональной валюты.

Современный статус японской йены в мировой экономике можно было бы проанализировать по следующим направлениям: роль йены в международной торговле, на мировых финансовых рынках и рынках капитала, в операциях центральных банков ведущих индустриальных стран.

Роль японской йены в международной торговле.

Объем торговли в японских йенах оценивался в 1992 г. на уровне 5% всего объема мировой торговли, что являлось очень низким показателем, принимая во внимание объем международной торговли Японии, составлявший в 1992 г. 14% общемирового, а в 1997 г. — 7%. Соотношение количества экспортных контрактов, деноминированных в йенах, оставалось постоянным на протяжении 10 лет, составляя в среднем 35-40%.⁶ Для большинства индустриально развитых стран это соотношение значительно выше.

Соотношение импортных контрактов японских компаний, деноминированных в йенах, постоянно возрастает, благодаря возрастающему объему зарубежных инвестиций японских корпораций. Тем не менее, в 1997 г. это соотношение было чуть больше 20%, что также очень немного для второй по значению экономической державы современного мира, каковой является Япония.

Преобладающая часть японского экспорта в США также оплачивается в долларах США. Для сравнения: большая часть японского экспорта в Европу оплачивается в йенах (около 35%) или в различных европейских валютах (более 50%), в то время как доля доллара относительно невелика (ниже 13%).⁷ Приблизительно половина японского экспорта в страны Восточной Азии, включая КНР, деноминировано в йенах, такую же часть составляют долларовые контракты. При этом следует отметить, что наиболее конкурентоспособные экспортные контракты, как правило, оформляются в валюте страны-поставщика. По такой схеме, в частности, оплачиваются поставки высокотехнологического оборудования из Японии, включая автомобили.

Преобладающая доля импортных контрактов на поставки американской продукции в Японию оформляется в долларах США (более 70%). С другой стороны, при импорте из европейских стран йена используется более широко и

составляет 44% его объема, в то время как японский импорт из стран Восточной Азии по большей части оплачивается в долларах США (более 70%)⁸.

Все это, безусловно, подтверждает высокую степень долларизации внешней торговли Японии, которая не может не отражаться на экономическом статусе йены, так как ведет к более высоким затратам на хранение активов в иностранной валюте, издержкам накопления валютных резервов, связанных с валютными рисками, и ограничением возможностей финансовых институтов Японии управлять сложившейся ситуацией.

Роль йены в мировой экономике совершенно не отражает статуса Японии как "второй по величине экономической державы современного мира"⁹.

Таблица 1

(в %)

	Япония	США	ЕС
Номинальный ВВП	14.0	26.1	27.0
Торговый оборот	6.8	14.2	36.4
Население	1.26	2.68	3.74
Использование национальной валюты в мировой торговле	5.0	48.0	31.0
Доля национальной валюты в резервах центральных банков	4.9	57.1	22.8

Источник: Джетро боэки хакусе (Белая книга по торговле), 1999.

После Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг., в результате которого было значительно подорвано доверие инвесторов не только к национальным валютам стран, пострадавших от дестабилизации финансовых рынков, но и к доллару США, правительства индустриальных держав стали уделять больше внимания диверсификации как в торговле, так и в финансовых операциях.

В ноябре-декабре 1998 г. организация JETRO провела анкетирование японских компаний, работающих в Восточной Азии, с целью выяснить, повлиял ли азиатский кризис на валюту платежей этих фирм. Опрос охватил 6 стран АСЕАН: Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, а также Южную Корею, Китай (с Гонконгом) и Индию. На момент опроса доля компаний, использовавших в более чем 50% сделок йену, составила 32.1%; доля компаний, использовавших в более чем половине сделок доллар, — 58%, а местную валюту — 10%, т.е. даже через полтора года после начала кризиса доля использования доллара США оставалась очень высокой. На вопрос, меняли ли валюту для международных расчетов после кризиса, 14.9% компаний ответили положительно и 85.1% — отрицательно, т.е. особых изменений не наблюдалось. Компаний, которые ответили, что не меняли валюту, было больше всего в таких странах, как Китай, Вьетнам, Индия, т.е. там, где существовали жесткие меры валютного контроля. А среди стран, где курс национальной валюты очень сильно упал, выделялась Индонезия, где не сменило валюту 89.4% фирм. Больше всего изменений произошло в Малайзии (34%), Сингапуре (19.8%) и Таиланде (16.7%). Если же рассмотреть, как именно происходили изменения, то в Китае и Малайзии фирмы, где росла доля доллара и сокращалась доля йены в международных расчетах, преобладали над фирмами, где, наоборот, сокращалась доля доллара и росла доля йены. Китайский юань не был девальвирован, а в Малайзии с сентября 1998 г. была введена система

фиксированных курсов, и, вероятно, поэтому в этих странах доля использования доллара увеличилась.

И наоборот, уменьшение доли доллара наблюдалось среди компаний, оперировавших в странах АСЕАН (кроме Малайзии) и Южной Кореи, — почти во всех этих странах произошла девальвация национальной валюты, и при хеджировании валютных рисков управляющие многих фирм старались увеличить долю использования йены. Отличительной чертой Сингапура было то, что доллар был вытеснен не только йеной, но и местной валютой. Такой выбор там сделали 20% фирм.

В июне 1999 г. организация JETRO провела еще один специальный опрос, который дал следующие результаты: сохранить имеющуюся на день опроса долю йены и в будущем намерены 72.9% опрошенных, в то время как увеличение доли сделок в японской валюте поддержали лишь 21.7% респондентов. Следует отметить, что большинство бизнесменов считает, что использование йены при оплате экспортно-импортных операций обходится компаниям значительно дороже, чем использование доллара из-за отсутствия доступных и достаточно ликвидных рынков вторичных финансовых инструментов, деноминированных в йенах, что значительно повышает валютный риск и, как следствие, стоимость страхования экспортно-импортных контрактов. Трудности, связанные с выходом на национальный валютный рынок для нерезидентов, еще больше увеличивают трансакционные издержки проведения расчетов в йенах.¹⁰

На основании указанных опросов можно заключить, что динамика процесса интернационализации йены даже после Азиатского кризиса оставляет желать лучшего.

Роль японской йены на международных финансовых рынках и рынках капитала

Роль йены на мировых рынках ссудного капитала была и остается весьма незначительной. В 1997 году только 4,5% облигаций на международных долговых рынках было деноминировано в йенах, тогда как в 1994 году — 13%. Доля йеновых кредитов нерезидентам со стороны японских банков оставалась неизменной на уровне 20% на протяжении всех 90-х гг.

На международном валютном рынке доллар остается, безусловно, доминирующей валютой в сделках (87% в апреле 1998 года). Доля немецкой марки (с начала 1999 г. евро) 30%, японской йены 21%. Однако, на протяжении 1990-х годов доля йены в операциях на международном валютном рынке постепенно снижалась с 27% в 1989 году до 21% в 1998 г., видимо, за счет оттока спекулятивного капитала при стабилизации ее курса.

Роль йены как резервной валюты также остается незначительной. Так, доля доллара США в официальных резервах национальных центральных банков составляла в 1998 г. 47%, немецкой марки — 13%, а йены лишь 6%.¹¹

И, наконец, в то время как доллар, французский франк и некоторые иные валюты используются другими странами для установления режима валютного управления, йена не была принята ни одной страной в качестве "якоря". Все эти показатели выявляют некоторое снижение статуса йены на международном рынке на протяжении 90-х годов. Таким образом, продвижение процесса интернационализации йены необходимо проводить практически по всем направлениям, так как ни в одном финансовом секторе она не занимает лидирующего положения.

Во второй половине 80-х гг. в Японии обозначился значительный прогресс в либерализации финансовых рынков и рынков капитала. Однако, после обвала фондового рынка, рынка недвижимости в начале 90-х гг. и валютного

кризиса 1992-1993 гг.¹², которые сопровождались снижением темпов роста экономики Японии, роль йены как валюты международных расчетов значительно снизилась.

В соответствии с постановлением Совета по валютной политике в 1995 году перевод капиталов через границу Японии был либерализован. Внешнеторговая деятельность и зарубежное инвестирование были освобождены от государственного регулирования и контроля.

Со стороны правительства Японии были предприняты меры по улучшению инфраструктуры рынков капитала. Особое внимание уделялось увеличению ликвидности краткосрочных финансовых рынков и проработке и принятию всех необходимых правил работы на рынке государственных облигаций для иностранных инвесторов.

Следует отметить, что руководство Японии осознавало необходимость дальнейшей модернизации финансовых рынков и рынков капитала для создания благоприятного инвестиционного климата и исполнения плана "Big Bang". (План реструктуризации и оздоровления сектора Японии). В рамках реализации программы финансовых реформ предполагалось в самое ближайшее время реализовать следующие преобразования: интенсифицировать участие нерезидентов на рынке операций по обратному выкупу (репо) после отмены налога на операции с ценными бумагами и изменить схему их проведения в соответствии со стандартами, принятыми в США и Европе; создать полный ряд государственных ценных бумаг по номинальной доходности и срокам погашения. Для этого в обращение должны были быть введены государственные облигации со сроком погашения 5 лет, как среднесрочные государственные ценные бумаги, наряду с другими выпусками составляющие benchmark Банка Японии и центральных банков других стран. Первый аукцион уже состоялся 1 февраля 2001 г.; для создания более благоприятного климата на рынках капитала Японии важна дальнейшая диверсификация государственных долговых инструментов, доступных иностранным инвесторам и соответствующих международным стандартам доходности и государственных гарантий. Программа STRIPS (Независимая торговля правами на получение процентного дохода и общей суммы долга по облигациям) допускает раздельное владение и торговлю купонами зарегистрированных облигаций и облигациями с нулевым купоном. Эта программа уже введена и функционирует на рынках США и Европы. Для внедрения этой программы на рынках капитала Японии необходимы определенные изменения в ее платежной системе и установление правил налогообложения облигаций с нулевым купоном.

Так как удобство использования платежной системы — это краеугольный камень любой финансовой инфраструктуры, правительства США и многих европейских стран предприняли активные меры по введению современных клиринговых систем (Real Time Gross Settlement и Delivery-versus-Payment) для сокращения времени, необходимого для проведения банковского платежа. Министерство финансов Японии, в свою очередь, предприняло усилия по внедрению указанных клиринговых систем во всех финансовых институтах страны.

Еще одно важное направление реформы финансовой системы Японии — это стандартизация финансовых инструментов, предлагаемых центральным банком, в соответствии с международными требованиями, поскольку решение центральных банков других стран о приобретении йеновых активов в качестве официальных резервов зависит от количества и качества финансовых инструментов Банка Японии. Для успешного продвижения йеновых активов на рынок долговых инструментов, используемых для формирования официальных валютных резервов, указанные ценные бумаги ни в чем не должны уступать долговым инструментам, которые эмитируются центральными банками других

индустриальных стран (в основном, США и Великобритании). Тем не менее, несмотря на все проведенные преобразования, присутствие нерезидентов на рынке японских долговых инструментов остается ограниченным.

Неопределенная ситуация сложилась и на японском фондовом рынке. В ноябре-декабре 2000 г. ряд крупных банков провел продажу крупных пакетов акций, находившихся в перекрестном владении, в соответствии с планом списания задолженности и перед проведением намеченных на начало следующего финансового года слияний. Например, Sumitomo Bank выручил 252,32 млрд. йен в результате продажи акций, Industrial Bank of Japan продал акции на сумму 250 млрд. йен, что на 18% больше, чем в 1999 г.¹³ Кроме того, массовый сброс акций японских компаний в преддверии окончания финансового года привел к резкому обвалу фондового индекса Nikkei 225, так что вопрос об интервенции на фондовом рынке в случае падения котировок ниже отметки 12 000 решался на правительственном уровне.¹⁴ Ухудшение конъюнктуры на фондовом рынке вызвало, в свою очередь, отток капитала из йеновых активов японских корпораций.

Несмотря на то, что лидерство доллара США в международных расчетах остается пока неоспоримым, в конце 2000 г. появился ряд тенденций, в первую очередь связанных с неустойчивостью американского фондового рынка, свидетельствующих об уязвимости долларцентристской системы. Все это усилило аргументы многих, в том числе и индустриально развитых стран, требующих ее изменения, и подвело определенную базу для дальнейшего продвижения идеи создания мировой валютной системы, опирающейся на несколько валют.

Однако, например, в Азиатско-Тихоокеанском регионе возможность использования йены в качестве составляющей такой системы и создания йенового блока принимают неоднозначно. В июле 1999 г. лидеры азиатских государств собрались в Токио на Пятую международную конференцию "Будущее Азии", проводимую газетой "Нихон кэйдзай"¹⁵. Наряду с другими экономическими, политическими и социальными вопросами дальнейшего развития региона обсуждалась проблема введения единой азиатской валюты. Тогдашний президент Филиппин Джозеф Эстрада согласился, что пора серьезно задуматься над этим вопросом. Ли Куан Ю (Сингапур) отнесся к идее создания единой азиатской валюты весьма прохладно, приведя в качестве примера обвала евро в 1999 — 2000 гг. и заявив, что в отличие от Европейского экономического союза, "азиатские экономики такие разные, что создание экономического и валютного союза в Азии займет слишком много времени". Тем не менее, среднесрочный неуспех евро на международном валютном рынке может быть временным явлением, связанным с адаптацией инвесторов к новой валюте. Более того, уже к концу 2000 г. после проведения ряда интервенций на валютном рынке как совместно центральными банками США, Великобритании, Германии, Японии, Канады, Европейского центрального банка, так и самостоятельно Бундес банком (Центральным банком Германии), наметилась вполне стабильная тенденция на повышение курса евро против доллара, фунта стерлингов и йены.¹⁶

Многие политики и экономисты считают, что пока внутри экономики самой Японии не будет наведен порядок, пока поддержание более или менее стабильного курса йены по отношению к доллару дается ценой огромных усилий, Японии лучше и не думать о столь грандиозных планах. Трехполярный режим доллар евро — йена в данной экономической ситуации для Японии "журавль в небе".¹⁷

Бывший заместитель министра финансов Японии Э. Сакакибара, известный во всем мире как "Мистер Йена", сообщил в своем интервью, что его

политика была всегда направлена на поддержание стабильности йены и избежание периодов сильной волатильности национального валютного рынка. “Я никогда не считал, что слишком слабая йена это хорошо. Мы, финансисты, никогда не поддерживали политику увеличения экспорта путем занижения курса йены, но мы всегда пытались посылать сигналы рынку. И мы не устанавливали валютного коридора — курс йены постоянно колебался, являясь отражением общей экономической и политической ситуации”.¹⁸ Хотя на сегодняшний день слишком сильная йена может повредить восстановлению японской экономики, Х. Курода, последователь Сакакибары, продолжает политику, нацеленную на поддержание стабильности, хотя считает, что рост курса йены в условиях восстановления экономики нанесет слишком сильный удар по экспортерам.¹⁹

Хотелось бы отметить, что стимулирование потребительского спроса на товары, производимые в странах Восточной Азии, могло бы значительно укрепить международный статус японской йены.²⁰ В то же время, обратной стороной этого процесса стали бы нарастание дефицита торгового баланса Японии и ухудшение платежного баланса.

Политика продвижения йены в качестве альтернативной интернациональной валюты наталкивается на препятствия, связанные с крайней неустойчивостью колебаний ее курса. Так, среди трейдеров, работающих на рынке FOREX (Foreign Exchange Operations), йена пользуется репутацией наиболее волатильной валюты, операции с которой сопряжены с повышенным риском. Кроме того, Банк Японии очень активно корректирует курс национальной валюты при помощи проведения большого количества незапланированных интервенций. Такая непредсказуемая политика монетарных властей подрывает их авторитет и приводит к сокращению объема сделок в японской валюте.

Японию все громче и громче критикуют за интервенционную политику, проводимую ее центральным банком на международном валютном рынке. На встрече представителей центральных банков 11 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проводившейся в июле 1999 г., многие из них выразили свое недовольство по этому поводу. “Попытки Японии приостановить рост курса йены, указывали они, могут сильно навредить другим азиатским экспортерам”; США тоже не одобряют выбранный Японией метод “манипулирования валютными курсами”.²¹ Тем не менее, в конце 1999 г. резкие колебания валютных курсов стали настолько сильно сказываться на стабильности всей глобальной финансовой системы, что и со стороны правительств европейских стран стали высказываться предложения о введении ограничения колебаний курсов между валютами основных индустриальных стран США, Европейского Союза, Великобритании, Швейцарии, Японии.

Нежелание руководства Федеральной резервной системы США проводить какие бы то ни было переговоры, касающиеся реформ мировой валютной системы, привело к активизации подобных дискуссий на региональном и межрегиональном уровнях.²² Идея создания единой Азиатской валюты была высказана профессором Колумбийского университета США Манделлом на Форуме Нобелевских лауреатов, который был организован в ноябре 2000 г. под эгидой японской газеты “Эмиури симбун” и японской телекомпании “Эн Эйч Кэй”. Однако участники форума весьма скептически отозвались о возможности региональной валютной интеграции в Азии. Профессор университета Кэйо Харуо Симада заявил, в частности, что “невозможно сравнивать ситуацию в Азии и Европе. Создание единой азиатской валюты может натолкнуться на ряд непреодолимых препятствий, если слепо следовать примеру евро. Экономическая ситуация в Азии и азиатский менталитет сильно отличаются от европейской”.²³

Несмотря на столь противоречивые оценки, правительство Японии продолжает проводить политику, направленную на повышение международного статуса йены, ссылаясь на необходимость обеспечения экономической безопасности страны.

В качестве основных причин неудовлетворительного развития процесса интернационализации йены в 90-х гг. можно выделить следующие: существование до самого последнего времени некоторых ограничений на перевод капитала через границу Японии, неадекватный современной ситуации набор финансовых инструментов, позволяющих нерезидентам Японии держать активы в йенах и управлять ими. Особое значение имеет и создание благоприятных условий использования йены нерезидентами, включая соответствующую налоговую систему.²⁴ Наряду с этим, среди факторов, тормозящих рост йенового кредитования японскими банками иностранных заемщиков, можно выделить то, что спрос на кредиты, денонмированные в йенах остается крайне низким из-за слабого роста объема рынка наличной йены, а также из-за более существенного роста объема рынка swap при обмене йен на доллары, что предполагает отсутствие каких-либо недостатков ведения расчетов в долларах США. Кроме того, неустойчивое экономическое положение Японии в последние 10 лет не способствует повышению статуса йены на международном уровне.

Роль йены в создании Азиатской региональной валютной системы

На сегодняшний день многие азиатские страны отказались от режимов более или менее жесткой фиксации своих валют к доллару США. Однако после стабилизации экономической ситуации в этих странах проблема, вероятно, будет еще раз пересмотрена. В качестве одного из возможных вариантов предлагается привязка национальных валют к синтетической валюте, рассчитанной на основе валютной корзины, состоящей из доллара, евро, йены и некоторых других валют, исходя из структуры торговых связей этих стран и других экономических факторов. При принятии подобной системы степень корреляции между йеной и валютами других азиатских стран должна бы усилиться. После введения евро в январе 1999 г. во многих азиатских странах вновь активизировалось обсуждение перспектив создания единой азиатской монетарной системы. Принимая во внимание экономические, культурные и исторические различия между Европой и Азией, сегодня практически невозможно корректно сравнивать эти регионы. На данном этапе Азиатско-Тихоокеанский регион уступает Европе по степени интегрированности входящих в него стран в региональные экономические связи, тем не менее есть основания предполагать, что в дальнейшем эта интеграция будет значительно усиливаться. Признаки этого процесса уже сейчас можно проследить в развитии концепции единого свободного торгового пространства между странами АСЕАН, на основе Форума АСЕАН+3 и в процессах экономической интеграции в рамках так называемого, "Большого Китая". Следует отметить, что на современном этапе у йены нет конкурентов в АТР среди валют стран региона. Но уже в ближайшем будущем, при условии успешной экономической интеграции под эгидой КНР, может появиться валюта "Большого Китая", которая, не исключено, будет иметь шансы стать новым региональным лидером. Японское правительство тщательно отслеживает все события, касающиеся региональной интеграции, и проводит политику активного участия в этих процессах, учитывая, что с течением времени ситуация может меняться в неблагоприятную для японской валюты сторону.

В рамках работы Подкомитета по интернационализации йены было проведено исследование движения валютных курсов стран Восточной Азии.

Перед азиатским финансовым кризисом 1997-1998 гг., большинство региональных валют демонстрировали высокую степень корреляции движений валютного курса с долларом США (0,94-0,99). Коэффициент корреляции филиппинского песо с долларом, равный 0,75, являлся единственным исключением.

Коэффициенты корреляции с йеной были ниже, чем коэффициенты корреляции с долларом. Практически не было выявлено существенной корреляции йены с валютами Индонезии, Южной Кореи, Филиппин, Тайваня (средний коэффициент корреляции составлял всего 0,08 — 0,12), с другой стороны, коэффициент корреляции между валютами Таиланда, Сингапура и Японии составил значительную положительную величину, которая менялась во времени. Малазийский ринггит также показывал положительную корреляцию с движениями йены, за исключением незначительного периода времени. На современном этапе, когда стабилизация валютных рынков после Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. привела к значительному снижению корреляции движений между валютами азиатских стран и долларом США, коэффициент корреляции с йеной значительно увеличился (средний коэффициент 0,22 — 0,48). Наблюдались определенные периоды, когда корреляция с йеной достигала 80% для сингапурского и тайваньского долларов, но для индонезийской рупии этот коэффициент начал расти только с начала 1999 года. Следует отметить, что валюты, демонстрировавшие сильную зависимость от йены до кризиса, не показали сколько-нибудь значительных изменений в направлении дальнейшего укрепления этой тенденции (так, для тайландского бата коэффициент корреляции после кризиса продолжал колебаться в пределах 0,57 — 0,39), тогда как их зависимость от рынка доллара сильно ослабела.

Анализ истории формирования современной валютно-финансовой системы показал, что процесс интернационализации валюты идет намного успешнее, если страна-эмитент активно проводит политику зарубежного правительства и банковского кредитования. Ослабление позиций доллара США после Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. правительство Японии попыталось использовать для повышения международного статуса национальной валюты, используя такое средство, как оказание финансовой помощи странам, пострадавшим от кризиса. Помощь представляла собой пакет кредитов под названием "Инициатива Миядзавы" на 30 млрд. долларов, причем 15 млрд. долларов были выделены на среднесрочные и долгосрочные заимствования стран-участниц проекта.²⁵ Тем не менее, как показали статистические исследования Подкомитета по интернационализации йены, эта ситуация не привела к значительному увеличению объемов использования японской валюты в Восточной Азии. Более того, страны, получившие йеновые кредиты, весьма осторожно относятся к увеличению зависимости национальных валютных систем от японской национальной валюты. В 1980-х гг. многие из указанных стран понесли значительные потери, когда их руководство подписало соглашения о предоставлении им крупных межправительственных займов со стороны правительства Японии, а выплата этих кредитов стала осуществляться после ревальвации йены, произошедшей при переходе к системе плавающих валютных курсов.²⁶ Таким образом, неблагоприятная динамика курса национальной валюты Японии также не способствует активному процессу ее интернационализации. В январе 2001 г. на международном валютном рынке наметилась устойчивая тенденция девальвации японской валюты, но, как отмечал председатель Банка Японии на январском заседании комитета по монетарной политике, быстрое обесценение йены может привести к резкому увеличению валютного риска для иностранных инвесторов, работающих на Токийском фондовом рынке. Увеличение риска вложений в акции японских компаний может привести к обвалу на фондовом рынке. Дальнейшее развитие событий подтвердило пра-

вильность такого прогноза. В январе 2001 г. котировки сводного индекса NIKKEI 225 приблизились к минимальному значению за всю его историю, зафиксированному в 1998 г. во время Азиатского финансового кризиса.²⁷ Необходимость сохранения контроля над фондовым рынком заставляет Банк Японии проводить меры, обеспечивающие стабильность курса национальной валюты.

Перестройка глобальной финансовой архитектуры, сочетающая в себе элементы глобализации и регионализма,²⁸ могла бы дать Японии еще один шанс для того, чтобы занять подобающее ей место в мировой валютно-финансовой системе. Тем не менее, существует ряд объективных трудностей, не позволяющих процессу интернационализации японской национальной валюты продвигаться быстро и успешно: исторически сложившееся настороженное отношение к йене со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона; недостаточная ликвидность и доступность национального валютного рынка; несовершенная правовая база, лежащая в основе расчетов на японском национальном финансовом рынке и рынке капитала, а также неблагоприятная ситуация в финансовом секторе Японии, связанная с продолжающимся экономическим кризисом. Кроме того, существующая сейчас система плавающих валютных курсов между основными мировыми валютами создает дополнительный риск перехода на расчеты в йенах или в какой-либо еще интернациональной валюте. Как уже отмечалось, после отмены Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, функционировавшей с 1944 г. по 1971 г., в современной системе плавающих валютных курсов была сохранена ориентация на доллар США, как на ключевую расчетную единицу во всех международных платежах, а также в накоплениях. Это, несмотря на достаточные позиции доллара на мировых рынках в период энергетического кризиса 1971–1973 гг., способствовало сохранению международного авторитета доллара. Другим примером успешной интернационализации валюты на региональном уровне может послужить немецкая марка, ставшая лидирующей валютой в европейском регионе в процессе функционирования европейского механизма валютных курсов, действовавшего до 1992 г. В отличие от других валют, японская йена, во-первых, никогда не была центром ни региональной, ни глобальной системы фиксированных валютных курсов, а во-вторых, ее становление в качестве регионального экономического лидера пришлось на время сильного политического контроля со стороны США, что, по всей видимости, отчасти определило нынешний подчиненный статус японской национальной валюты.

Основной вывод, который можно сделать, исходя из данного исторического анализа, заключается в том, что успешность интернационализации валюты зависит от многих факторов, которые связаны не столько со степенью либерализации внутренних рынков страны-эмитента и удобством расчетов в данной валюте по сравнению с денежными единицами других стран, но и с факторами, которые лежат за пределами компетенции национального правительства. Так, широкому интернациональному использованию национальной валюты благоприятствует существование системы фиксированных валютных курсов, ориентированной на указанную валюту, безусловное экономическое лидерство страны-эмитента в общемировом (или региональном) масштабе и\или сильное политическое господство страны-эмитента. Следует отметить, что политический фактор может в течение некоторого времени заменять экономическую составляющую, хотя вопрос о долговечности такой валютной системы в современном мире остается открытым. Политическая зависимость правительства Японии от курса, проводимого администрацией США, также является существенным препятствием на пути глобальной интернационализации японской валюты. С другой стороны, на региональном уровне все эти препятствия могут быть преодолены.

Тенденция к усилению регулирования международного валютного рынка со стороны центральных банков ведущих индустриальных стран, связанная

с необходимостью противостоять негативным последствиям глобализации финансовых рынков, уже сейчас привела к интенсификации процесса региональной интеграции в целом и к возможности усиления роли Японии в процессе азиатской валютной интеграции в частности.

Национальные центральные банки многих стран мира не в состоянии самостоятельно справиться со спекулятивными атаками на их валюты. Формирование мощных региональных центральных банков, обладающих огромными ресурсами капитала, и принятие всеми странами-членами единой валюты позволило бы странам со слабыми национальными финансовыми системами защититься от спекуляций, делегировав часть своих полномочий на региональный уровень. Региональные лидеры, с другой стороны, приобрели бы дополнительное политическое влияние и относительную независимость от мирового лидера — США. Трудность создания подобной валютной системы заключается, во-первых, в неготовности национальных правительств ограничивать свои полномочия, и, во-вторых, в неравномерности экономического развития стран в каждом из рассматриваемых регионов, особенно в АТР.

Переход полномочий по формированию монетарной политики на более высокий уровень автоматически лишает национальные правительства многих инструментов государственного регулирования экономики, таких как изменение процентной ставки по депозитам, минимальной процентной ставки по государственным облигациям и ставки по кредитам центрального банка коммерческим банкам, имеющим аккредитацию; возможность корректировки требований к коммерческим банкам, аккредитованным в центральном банке страны (норма резервирования, регламентация соотношения собственного и заемного капитала), проведение по собственному усмотрению операций на открытом рынке, валютных интервенций и контроль денежной базы, что должно в перспективе привести к выравниванию условий кредитования внутри каждого блока. Правительства также будут лишены права проводить конкурентные девальвации национальных валют.

В распоряжении национальных правительств остается формирование национальной налоговой политики, правил валютного контроля и стратегическое планирование бюджетной политики. Сферой деятельности законодательных органов отдельных стран остается и внешнеторговое право, однако можно ожидать, что произойдет постепенное вытеснение этой области регулирования на уровень глобальных и региональных международных организаций, особенно после усиления регулирующей деятельности ВТО.

Опыт первого года функционирования новой валюты объединенной Европы евро уже сейчас позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, в рамках договоренностей стран-членов Европейского экономического союза были сохранены полномочия национальных центральных банков по определению национальных минимальных ставок по государственным облигациям. Это не позволяло выравнивать условия долговых рынков внутри Еврозоны и затрудняло формирование общеевропейского долгового и фондового рынков. Во-вторых, плохая координация между руководителями национальных центральных банков делала неэффективными их совместные действия при проведении интервенций. Только после того, как неудачная интервенция в поддержку евро на международном валютном рынке 21 сентября 2000 г. высветила необходимость введения более авторитарного стиля руководства Европейским центральным банком, стало возможным осуществление перелома среднесрочной тенденции девальвации евро, начавшейся сразу после его введения в январе 1999 г. Таким образом, делегирование полномочий по формированию монетарной политики при формировании валютных союзов должно быть полным и безусловным. В противном случае, как показала практика, велика вероят-

ность того, что накопившиеся противоречия приведут к распаду валютного союза (как это было с системой Европейских валютных курсов в 1992 г.).

Перспективы образования регионального валютно-финансового союза в АТР на современном этапе

Процесс создания валютного союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, скорее всего, столкнется с еще большими трудностями, чем формирование экономического и валютного союза в Европе. Это связано с тем, что в Азии еще не определен региональный лидер, способный взять на себя расходы по организации финансовых институтов регионального уровня. Лидерство Японии стоит пока под вопросом. На сегодняшний момент, когда банковская система Японии снова, как и в 1998 г., балансирует на грани масштабного финансового кризиса, вопрос интернационализации японской валюты кажется не настолько злободневным. 6 апреля 2001 г. правительство Японии одобрило третий, начиная с 1998 г. план, направленный на спасение национальной банковской системы, который включает покупку акций коммерческих банков на сумму 43 трлн. йен специально созданным для этой цели правительственным фондом. Деньги, поступающие в распоряжение банков, должны быть использованы на списание безнадежной задолженности. Тем не менее, эта новость была крайне негативно воспринята инвесторами и вызвала самое резкое, со времени кризиса 1997-1998 гг., обесценение йены на международном валютном рынке. Как сообщило информационное агентство Bloomberg, указанная реакция была вызвана тем, что, по мнению большинства инвесторов, правительственный план не отличался детальной проработкой и не предлагал каких бы то ни было четко сформулированных путей выхода из кризиса. Йена достигла уровня 125,5 йен за доллар. За первые три месяца 2001 г. йена обесценилась на 8,7% по отношению к доллару США.²⁹ Неопределенная ситуация в финансовом секторе Японии ставит под сомнение способность страны взять на себя ответственность регионального лидера, однако, с другой стороны, региональная валютная интеграция могла бы стать основой стабилизации национальных финансовых систем стран-членов регионального валютного союза. Объединение усилий национальных центральных банков могло бы частично нейтрализовать негативное влияние трансграничных потоков спекулятивного и инвестиционного капиталов.

На пути азиатской региональной интеграции существуют препятствия, связанные с особенностями национального менталитета. Так, исторически все азиатские народы, в особенности Китай, очень дорожат своим суверенитетом, и вряд ли правительства этих стран с легкостью согласятся на безусловное делегирование части своих полномочий на региональный уровень. И, в особенности, следует отметить, что экономическое развитие стран рассматриваемого региона очень неравномерно.

Маловероятно, что японская валюта будет принята за основу при создании новой денежной единицы в условиях открытого регионализма, так как на роль подобной основы могут, при условии поддержки международных финансовых институтов, претендовать и другие валюты региона, например, новая валюта Большого Китая или сингапурский доллар. Более вероятной, поэтому, выглядит валютная интеграция на основе синтетической валютной корзины.

Единственный шанс для японской национальной валюты — создание валютного блока в условиях закрытого регионализма. Участие Японии в процессе "АСЕАН плюс три", если оно будет распространяться, по существу, на всю Евразию, позволило бы создать, по крайней мере приблизительно, экономику "полного набора" производств как базу для достижения более высоких темпов роста³⁰, где Япония будет выступать в качестве основного кредитора для

всех стран-участниц партнерства. Однако такое развитие событий выглядит вероятным лишь в том случае, если произойдут какие-либо катастрофические события на фондовом рынке США, подобные обвалу 1929 г., и если Япония сможет найти пути эффективного решения собственных экономических проблем.

На современном этапе кажется маловероятным, что правительства азиатских стран смогут провести быструю и плодотворную валютную интеграцию. По всей видимости, этот процесс станет проходить поэтапно: от создания азиатской зоны свободной торговли и активизации регионального инвестиционного процесса до полной либерализации региональных финансовых, товарных рынков и рынков труда. Именно в процессе такого многостороннего сотрудничества должен будет определиться региональный лидер, и будет ли это Япония — покажет время.

1. Japan Must Introduce an Asian Currency: JAPAN ECHO Vol. 26. No. 3. June 1999.
2. Монтеc М.Ф., Попов В.В. "Азиатский вирус или "голландская болезнь". Теория и история валютных кризисов в России и других странах". М., 2000 г. С.26.
3. Бреттон-Вудская система валютных курсов была сформирована в 1945 г. Курсы национальных валют стран, входивших в соглашение, были фиксированы по отношению к доллару США, а Федеральная Резервная Система США обязана была обменивать доллары на золото центральным банкам других стран по цене 35 долл. за тройскую унцию.
4. Soros G. Open Society. Reforming Global Capitalism//. Public Affairs. New York, 2000. Ch. 10: A New Global Financial Architecture.
5. "Op. cit. Japan Must Introduce an Asian Currency", JAPAN ECHO. Vol. 26. No. 3, June 1999.
6. Джетро бэки хакусэ (Белая книга по торговле) 1998.
7. Statistics, Ministry of Finance. Tokyo, Japan, 1999.
8. Там же.
9. Daily Yomiury. 15 November 2000.
10. Rethinking the Internationalization of the Yen. Tokyo, Japan, 1999.
11. Internationalization of the Yen. Ministry of Finance. Tokyo, Japan, 1999.
12. Монтеc Б.Ф., Попов В.В. Азиатский вирус или "голландская болезнь". Теория и история валютных кризисов в России и других странах: 2000 г. С.26.
13. Nikkei Weekly. 27 November 2000.
14. Сообщение информационного агентства Bloomberg. 20 February 2001.
15. Nikkei Weekly. 19 July 1999.
16. Bridge News. 28 September 2000.
17. Nikkei Weekly. 11 January 1999.
18. Nikkei Weekly. 19 July 1999.
19. Nikkei Weekly. 19 July 1999.
20. Japan Must Introduce an Asian Currency. JAPAN ECHO. Vol. 26. No. 3. June 1999
21. Nikkei Weekly. 26 July 1999.
22. Выступление министра финансов Японии г-на К.Миядзава на совещании министров финансов Азии и Европы в Кобе, 13-14 января 2001. Япония.
23. Daily Yomiuri. 18 December 2000.
24. New International Financial Architecture, Ministry of Finance/ Tokyo, Japan, 2000.
25. Keynote Address Delivered at the International Symposium by Mr. Setsuya Tabuchi "Mobilization of Financial Resources for Development in Myanmar" on 17-18 December, 1999.
26. China Daily, Business Weekly/ 17 December 1995.
27. Reiko Mizutome, Bridge News/ 19 January 2001.
28. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М., 2001.
29. Bloomberg News, 06.04.01.
30. Лидон Ларуш. Торговля без валюты. К вопросу о корзине "твердых товаров". М., 2000.

**Россия и Корея: отношения и оценки
(современная южнокорейская историография
об истории российско-корейских отношений)**

© 2001

Т. Симбирцева

Важность переосмысления традиционно недоброжелательного и не-объективного подхода к оценке роли России на Корейском полуострове выходит за рамки российско-корейских отношений и имеет прямое отношение к вопросу о будущем национальном объединении Кореи. Хотя вопрос о национальном объединении Кореи является прежде всего делом самих корейцев, которые должны преодолеть взаимную вражду и недоверие, уроки истории свидетельствуют, что традиционная политика России, направленная на укрепление независимости и территориальной целостности Кореи, при полном отсутствии у нее эгоистических целей, еще сможет сыграть очень важную роль в достижении национального единства Кореи.

М.Н.Пак¹.

Господствующий в литературе и массовом сознании в Республике Корея традиционно негативный взгляд на Россию и историю русско-корейских отношений («теория о русской угрозе Корее») является серьезным тормозом для установления доверия и развития взаимовыгодных отношений между Россией и РК, затрудняет совместные исследования российских и корейских ученых в области гуманитарных наук, омрачает межличностное общение. Настоящая статья написана с целью обратить внимание российской научной общественности на актуальность проблемы.

В южнокорейской историографии не существует теорий «угрозы Корее» Китая, США, Англии, Франции и даже Японии, хотя в истории взаимоотношений Кореи с этими государствами были этапы, когда они прямо угрожали ее суверенитету и безопасности, вторгались на ее территорию, а Япония на 40 лет превратила ее в свою колонию. Россия не только никогда не угрожала Корее, но и была вплоть до 1904 г. гарантом ее независимости, новой родиной для десятков тысяч ее подданных, бежавших в русские пределы сначала от нищеты и произвола властей, а затем от притеснений колонизаторов. В боях за освобождение Кореи погибли или были ранены 1963 советских солдата². В истории наших двух стран есть уникальный положительный опыт, какого у Кореи

Симбирцева Татьяна Михайловна, сотрудник Международного центра корееведения МГУ.

не было ни с одной другой страной, и все же в Корее сохраняется миф именно о русской, и никакой иной угрозе, и он неизменно всплывает на поверхность в решающие моменты корейской истории.

Примером сказанному служит брошюра китайского ученого корейского происхождения Сон Чжон Хвана «История русской агрессии в Корее»³, вышедшая из печати 30 сентября 1990 г. – в день установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея. Главный ее вывод заключался в том, что «с момента возникновения российского государства Россия была гнусным волком, ориентированным исключительно на агрессию и захваты»⁴. Как говорилось в предисловии, «мы надеемся, что настоящий труд немало послужит осознанию широкими читательскими кругами в Южной Корее российской агрессивной сущности». Несмотря на предвзятость, отсутствие ссылок, искажение фактов и грубость изложения, именно на эту брошюру ссылаются официальные южнокорейские публикации последних лет по истории корейско-русских отношений⁵.

История издания брошюры Сон Чжон Хвана поразительно похожа на историю преподнесенного в 1880 г. вану Коджону сочинения «Тактика для Кореи» («Чосон чхэнняк», 1880) китайского дипломата Хуан Чжунсяня, которого можно считать основоположником «теории о русской угрозе Корее». Благодаря исследованиям М.Дойхлера, сегодня известно, что за «Чосон чхэнняк» стоял английский посланник в Пекине Томас Вейд (Sir Thomas F. Wade), который первым (в 1879 г.) предложил китайскому правительству идею заключения Кореей договоров с западными странами с целью защиты ее от агрессивных поползновений Японии и России. Идея была поддержана Ли Хунчжаном и конкретизирована в «Тактике для Кореи»⁶.

Стоило бы подумать, кто стоял за сочинением Сон Чжон Хвана, в котором были суммированы главные пункты «теории о русской угрозе Корее» по состоянию на конец 1880-х гг.: агрессия России на Амуре и «усмирение» ее (насон чонболь) корейскими отрядами в ходе албазинских войн 1654 и 1658 гг.; начало русской «мелкомасштабной» агрессии в ходе экспедиции адмирала Путятина в 1854 г., у которого тогда впервые появилась мысль приобрести незамерзающий порт на корейской территории, а именно – в бухте Енъильман; навязывание русскими торговли корейским пограничным властям; «сманивание» корейцев на русскую территорию с целью заполучения дешевой рабочей силы; подкуп К.И.Вебером замминистра иностранных дел Кореи (чхампхан) Меллендорфа с целью заключения наиболее благоприятного, по сравнению с другими странами, договора с Кореей; «огромные права», которые якобы предоставлял России в Корее договор 1884 г.; «тайные договора» (1885, 1886), в ходе которых Россия добивалась территориальных уступок от Кореи в обмен на свое покровительство и т.д.

Выход в свет упомянутой «Истории русской агрессии в Корее» подвел итог первому периоду существования «теории о русской угрозе Корее», которая основывается на китайской и английской публицистике XIX в. В XX в. она нашла «творческое воплощение» в японской и американской историографии. Русские документы абсолютно не использовались. Представленный в ней набор «аргументов» сложился во второй половине XIX в., и в течение последующих 110 лет южнокорейские историографы подвергли его тщательной полировке, расцвелили деталями и подробностями.

Вот некоторые примеры:

«Победы в боях на Амуре имели мировое значение, ибо в этих сражениях, благодаря решающей роли отрядов корейских стрелков, впервые был поставлен заслон российскому проникновению в Восточную Азию. В резуль-

тате их Россия, в течение 10 лет бросавшая вызов мировому порядку, была изгнана из бассейнов рек Амура и Сунгари. Кроме того, была обеспечена безопасность корейских границ»⁷ (Пак Тхэ Гын).

«Пребывание кораблей Путятина у корейских берегов стало сценарием, который в дальнейшем повторялся каждый раз, когда белые люди появлялись в нашей стране... Проведенные русской экспедицией гидрографические измерения в Восточном море привели к созданию карт, которые впоследствии были использованы японцами при колонизации Кореи»⁸ (Чу Ен Ха, исполнительный директор Института им. вана Седжона).

«Посещение Путятиным Кореи было одним из множества случаев, связанных с прибытием иностранного судна в Корею с целью открытия ее портов. Оно сопровождалось вторжением в чужие воды, «демонстративным» наименованием по-русски корейских географических пунктов ("Бухта Лазарева" вместо Енхынман, "Залив Унковского" вместо Енъильман и т.д.) и «массовым убийством» рыбаков»⁹ (Сон Чжон Хван).

Со времени установления дипломатических отношений между Россией и РК в 1990 г. начался новый период, когда «теория о русской угрозе» стала опираться, кроме вышесказанного, на своеобразно трактуемые труды Ленина, написанные «с классовых позиций» статьи советских авторов и публикации российской печати, заполнившейся в эти годы резкой, часто несправедливой и преувеличенной критикой в отношении всего, что было в истории СССР и России. В этом плане характерны работы преподавателя Сеульского Национального Университета (СНУ) Хан Чжон Сук, которую в 1996 г. южнокорейские коллеги охарактеризовали автору как «ведущего специалиста по России в Корее, которая училась 5 лет в Германии и читает классиков марксизма-ленинизма в подлиннике». Вот отрывок из ее статьи «Политика царской России по отношению к Маньчжурии и Корее»:

«Важно подчеркнуть, что [в период 1880-1917 гг.] Россия находилась в экономической зависимости от развитых капиталистических государств. Она была в таком положении, что не могла не занимать у них огромных средств для покрытия нужд своей индустриализации, подавления революций и сохранения системы царизма. Требовала внешних займов и ее зарубежная экспансия. Другими словами, являясь сама полуколонией, Россия шла путем империалистических захватов районов, которые экономически были более отсталыми, чем она сама»¹⁰.

Особенностью нового периода стало то, что российские документы, как и в предыдущий период, игнорируются, хотя об их существовании часто упоминается. Вместе с тем, если раньше все, что писалось о России, сводилось, главным образом, к ее агрессивности и одновременно крайней отсталости, то в настоящее время, в связи с изменением ситуации в мире, эта тема отошла на задний план и вперед вышло огульное очернительство. «Миф о русской угрозе» тоже получил в Южной Корее 1990-х гг. новую жизнь и новое развитие, и похоже, что в случае, если Россия попытается серьезно активизировать свои отношения с корейскими государствами, в Южной Корее неизбежно будут востребованы новые хван чжунсяни и сон чжон хваны. Содержание современной южнокорейской историографии, популярной литературы и газетных выстулений, увы, оставляет на этот счет мало сомнений.

Представление о России как о бесцеремонном агрессоре отражено в современных южнокорейских справочных изданиях, в том числе и столь авторитетном, как «Энциклопедия корейской национальной культуры»¹¹, в «Новом словаре корейской истории»¹², «Словаре России и СНГ»¹³.

В учебнике «История Кореи» для исторических факультетов вузов глава о японских бесчинствах в Корею в 1890-х гг. завершается разделом о деятельности Общества независимости (*Тоннип хепхве*). Его главной заслугой называется выдворение русских из Кореи и ослабление «прорусской» группировки при дворе в 1898 г., причем пишется это вне всякой связи с основным содержанием главы. Поскольку деятельность Общества традиционно оценивается в Южной Корею очень высоко, то рассуждения авторов учебника о его борьбе с Россией в условиях усиления японской экспансии наводят на мысль о том, что Россия была более опасным и враждебным для Кореи государством, чем Япония¹⁴.

Корейско-русский словарь, составленный исследователем из Общества славистики Чхве Суном, в списке рекомендуемой для изучения России литературы первой упоминает книгу «Если вы хотите знать Россию, посмотрите на Жириновского», но ее выходных данных даже не приводит¹⁵.

В учебнике по мировой географии для старших классов средних школ посвященный России раздел заканчивается краткой исторической справкой, в которой рассказывается, что корейско-русская граница была установлена Россией в 1860 г. с целью приобрести незамерзающий порт на территории Кореи. Вопреки фактам отмечается, что отношения двух стран полностью прекратились в 1906 г. после окончания русско-японской войны, которую Россия опять-таки вела из-за своих притязаний на Корею, что в 1945 г. СССР захватил Северную Корею, из-за чего его отношения с Южной Кореей стали окончательно враждебными. Они были восстановлены в 1990 г., когда Советский Союз распался. «Приобрести на чужой территории», «воевать из-за чужой территории», «захватить чужую территорию» – эти формулировки многократно повторяются в справке, которая сама по себе не превышает половины страницы¹⁶. Так представление о постоянно исходящей от России опасности прививается и новым поколениям южнокорейцев.

В разделе «Регионы и перспективы их развития» того же учебника утверждается, что между русскими и другими национальностями России, которых «насчитывается 32»¹⁷, всегда существовали противоречия. В советский период правительство СССР прилагало усилия к созданию новой социальной общности «советский народ» и с этой целью расселяло русских по всей территории страны, чтобы добиться ассимиляции других национальностей. С середины 1930-х годов оно стало добиваться, чтобы во всех областях жизни как можно шире использовался русский язык, что вызвало недовольство в национальных республиках. С 1970-х гг. кризис усилился. Начался рост националистических движений, в результате которых СССР распался. Раздел завершается прогнозом, что в будущем национальные движения в РФ будут расти, что может привести не только к распаду страны, но и к вооруженным столкновениям с другими республиками¹⁸.

Автор популярной колонки газеты «The Korea Times», в прошлом профессор престижного католического университета Соган, а ныне глава Института международной экономики в Сеуле Ким Бен Гук сравнивает дискриминацию корейского языка в период японского колониального господства в Корею с запретом на изучение родного языка для малых национальностей в царской

России. По словам Ким Бен Гука, прочитанный им в начальной школе свыше 60-ти лет назад (т.е. в японский период) рассказ о притеснениях поляков «русским правителем» способствовал осознанию им своей национальной принадлежности и появлению у него свободомыслия. «С чувством удовольствия и гордости я преподношу эту историю молодому поколению корейцев», – заключает статью Ким Бен Гук¹⁹, который и раньше не раз демонстрировал свое более чем сомнительное знание России на страницах своей газеты.

Аналогичные вопросы вызывает содержание некоторых популярных книг о России, например, «1200 дней в Москве» бывшего советника посольства РК в России Со Хен Соп, где факты, которые объективно свидетельствуют против мифа о русской угрозе Корее, трактуются, напротив, как его доказательство. Знаменитый эпизод бегства вана Коджона в российскую миссию, благодаря которому корейский монарх не только остался в живых, но и избавился от каждодневных унижений, которым его подвергали в его собственном дворце японцы и их корейские сторонники, Со Хен Соп называет «национальным позором». При этом он указывает, что бегство монарха было результатом «происков Вебера и Меллендорфа»²⁰, хотя известно, что Пауль Георг фон Меллендорф – немецкий дипломат, китаевед, первый (1882-1885) в истории Кореи иностранец на государственной службе – был отстранен от всех должностей и покинул Корею в 1885 г., т.е. за 11 лет до описываемых событий. Сообщая, что Россия намного дольше других западных государств не признавала колонизацию Кореи Японией и с 1906 по 1910 гг. за собственный счет содержала в Санкт-Петербурге корейскую дипломатическую миссию, выплачивая ежеквартально на содержание трех человек ее сотрудников баснословную сумму в 7350 рублей, советник Со только всего и пишет, что этого «было недостаточно»²¹.

Справедливости ради надо отметить, что в Республике Корея существуют и другие рассчитанные на широкого читателя книги – как правило, бывавших в России журналистов, которые попытались объективно и непредвзято передать увиденное в нашей стране. Это, например, «Россия, которую я любил» Ли Чжэ Хека²² и «Это Россия» Ли Бен Но²³. Но эти работы – скорее исключение, чем правило.

Со знанием истории и культуры России написана книга в прошлом профессора Сеульского национального университета и посла Республики Корея в Российской Федерации в 1998-2000 гг., а ныне президента Korea Foundation профессионального русиста-историка Ли Ин Хо «Страна, где живет Пушкин. Россия – какой она сосед?»²⁴. Но и здесь нашлось место для раздела о «трансформации русского империализма», который, по мнению автора, существует и по сей день. Вот концепция, которой придерживается Ли Ин Хо:

«С конца XV до конца XIX в. территория России увеличивалась с огромной скоростью: в день примерно на 130 кв. км (50 кв. миль). Среди присоединенных народов были украинцы, которые к тому времени уже 400-500 лет имели свою, отдельную от русских, историю, поляки, а также восточные народы, имевшие совершенно отличные от российских происхождение, язык и религию. Однако подобный территориальный и национальный экспансионизм в самой России и в западных странах обычно рассматривался как естественный процесс роста российского государства, и не ставился на одну доску с империалистической деятельностью Англии или Голландии в отдаленных от них регионах. Таким образом, в ходе исторического развития России вопросы безопасности государства и империалистическая политика расширения территории оказались тесно взаимосвязанными с самого на-

чального периода существования современного государства, и особенность эта сохранялась до конца монархического периода. Например, на Балканах Россия вытеснила турков. В дальневосточном регионе империалистические замыслы России, стремившейся создать там свой плацдарм путем приобретения незамерзающего порта и достижения господства над проливами, оправдывались предлогом обеспечения безопасности»²⁵.

Представление о том, что преподают студентам по истории русско-корейских отношений современные южнокорейские вузы, дает диссертация недавнего выпускника СНУ Ли Чжи Су на соискание ученой степени кандидата политических наук, подготовленная в РГГУ под руководством доцента Евгеньевой Т.В. и защищенная в конце 2000 г. в ИСАА при МГУ²⁶. Главный вывод той части его работы, где говорится о русско-корейских отношениях в XIX в., заключается в том, что

«несмотря на различные подходы к проведению внешнеполитических акций многих российских министров иностранных дел, основной внешнеполитический курс России оставался неизменным; он был нацелен на территориальную экспансию»²⁷.

Через несколько строк на той же странице автор утверждает прямо противоположное: «Российская экспансия была нацелена, в основном, на извлечение чисто экономических выгод, в то время как Япония стремилась к колониальным захватам». Судя по содержанию сносок, отстаивая этот вывод, Ли Чжи Су опирается в основном на труды южнокорейских историков 1980-х годов и не использует никаких русских архивных документов, хотя нередко на них ссылается. Так, говоря о желании России приобрести в XIX в. незамерзающий порт на корейской территории, он сообщает, что «если обратиться к российским архивным материалам того времени, то можно увидеть, что там часто встречается упоминание о необходимости создания российских военно-морских баз на корейских островах Чечжудо и Комундо (порт Гамильтон)»²⁸. Труды занимавшихся изучением этих архивных материалов А.Л.Нарочницкого²⁹, Б.Д.Пака³⁰ и Б.Б.Пак³¹ в диссертации Ли Чжи Су не упоминаются.

Аналогичный подход характерен и для работ других южнокорейских авторов конца XX в. Характерным образцом можно назвать книгу сотрудника Академии корееведения в Соннаме Квон Хи Ена «Корея и Россия: отношения и изменения»³². В ней автор отмечает, что в последнее десятилетие появилось много новых материалов, касающихся истории переселения корейцев в Россию, что делает необходимым глубоко изучать данный вопрос, который раньше не привлекал большого внимания южнокорейских ученых, однако не использует никаких русских исторических документов или работ современных российских специалистов. Основываясь на нескольких статьях на русском языке 70-40-летней давности, а также на известном сочинении Ким Сын Хва³³, Квон Хи Ен делает вывод, что, поскольку число русских переселенцев в Уссурийском крае в первые десятилетия после его присоединения к России было незначительным, именно корейским переселенцам принадлежит заслуга освоения этого пустынного региона, а вместо благодарности им было отведено место «самого низшего деревенского слоя».

«Политика российского правительства по отношению к ним была расистской. Они испытывали бессмысленные притеснения от местной администрации и подвергались эксплуатации в любом русском рабочем коллективе, в любой деревне. Представляется, что расизм и чувство превосходства, которое испытывало русское общество по отношению к корейцам, имели

особенно глубокие корни, и такое отношение к ним всегда проявлялось в виде скрытого гнета», – пишет Квон Хи Ен³⁴.

Со сходных позиций подходит к проблеме корейских переселенцев в России автор статьи в сборнике, выпущенным в 1997 г. в Майкопе (РФ) Сим Хон Ен:

«Корейцы, покинувшие родину в надежде улучшить жизнь и обрести родину в Приморье в России, встретили там как безземелье, так и малоземелье и тяжелейшие условия существования... В результате эксплуататорской и грабительской политики корейские массы, а это в основном было крестьянство, обрекались на нищету, голод и вымирание»³⁵.

В статье Сим Хон Ена не приводится и не анализируется ни один русский официальный документ, а труды русских авторов XIX в. цитируются по монографии японского историка Харуки Вада без указания их выходящих данных³⁶.

Как и Сим Хон Ен, Квон Хи Ен не только не использует русских документов. Он прибегает к умолчанию, скрывая факты, которые противоречат его концепции об угнетенном положении корейцев в России в XIX в. и безразличии российских властей к их судьбе. В частности, он замалчивает факты, свидетельствовавшие о настойчивых попытках российских властей определить официальный статус корейских переселенцев на русской территории и о столь же настойчивом нежелании корейского правительства заниматься этим вопросом.

На актуальность борьбы с измышлениями в адрес России указывали К.И. Вебер в 1903 г.³⁷ и А.Л. Нарочницкий в 1956 г.³⁸ Нельзя снимать, как очевидно, этот вопрос с повестки дня и в наши дни.

Необходимы, по мнению автора, активизация исследований истории русско-корейских отношений с привлечением южнокорейской литературы и организация совместных обсуждений непроясненных проблем русско-корейских отношений с участием южнокорейских ученых.

Вопрос о том, что российское корееведение может противопоставить «теории о русской угрозе Корее», нуждается в глубоком осмыслении и принятии адекватных мер.

1. Пак М.Н. Взгляд на историю российско-корейских отношений (XIX – XX вв.) // Россия и Корея: модернизация, реформы, международные отношения. МЦК при МГУ, 1997. С. 22.
2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Военное издательство, 1993. С. 325.
3. Сон Чжон Хван. Росиа-ый чосон чхимнякса. (История русской агрессии в Корее). Сеул: Помуса, 1990.
4. Там же. С. 20.
5. См., например: Анализ российской исследовательской литературы по корейской тематике (на русск.яз.). Сеул: Институт по развитию образования, 1997. С. 71–72.
6. Подробно об этом см: Deuchler M. Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys. The Opening of Korea, 1875-1885: University of Washington Press, 1977. P. 86–87. Чхэе Мун Хен. Хан-но сугё-ый пэгён-гва кёнви (Ход и обстоятельства установления корейско-российских отношений) // Хан-но кванге 100нёнса (Столетняя история корейско-российских отношений). Сеул: Общество по изучению корейской истории, 1984. С. 68.
7. Пак Тхэ Гын. Росиа-ый тонбан кённяяк-ква сугё иджон-ый ханно кёсон (1861нён иджон) [Россия в чужих землях на Востоке и корейско-русские контакты до установ-

- ления отношений (до 1861 г.) // Ханно кванге 100нёнса (Столетняя история корейско-российских отношений). С. 8-9.
8. Чу Ён Ха. 19сеги Комундо-рыль туллоссан хан-ён-но кванге (Отношения Кореи, Англии и России в XIX веке в связи с островом Комундо) // Отношения Кореи, Англии и России во второй половине XIX века (События на Комундо в 1885 г.). С. 33.
 9. Сон Чжон Хван. Указ.соч. С. 26-27.
 10. Хан Чжон Сук. Чеджон Росиа чегукчуый-ый Манджу-Чосон чончхэк (Политика царской России по отношению к Маньчжурии и Корее) // Ёкса пипхён (Критический взгляд на историю). № 35.1996. С. 215.
 11. Минджок мунхва тэбэкква саджон (Энциклопедия корейской национальной культуры). В 27 тт. Сост.: Академия корееведения (Хангук чонсин мунхва ёнгувон). Сеул, 1991-1994.
 12. Сэ кукса саджон (Новый словарь корейской истории). Сеул: Кёхакса, 1990.
 13. Росиа-ва СИС-рыль анын саджон (Словарь России и СНГ). Сеул: Соун хангеса, 1993.
 14. Хангук ёкса (История Кореи). Сеул: Общество по изучению корейской истории, 1992. С. 264-265.
 15. Емун-ыро икхинын хан-но саджон (Корейско-русский словарь для изучения языка по примерам). Сеул: Мунерим, 2000.
 16. Сеге чири (Мировая география). Учебник для старших классов средних школ. Одобрено Министерством образования РК в 1995 г. Сеул: Кёхваса, 2000. С. 290-291.
 17. Там же. С. 277.
 18. Там же. С. 289-290.
 19. The Korea Herald. August 3, 1994. см. также: The Korea Times. August 3, September 28, October 5, 1994.
 20. Со Хён Сон. Мосыхыба 1200 иль (1200 дней в Москве). Сеул: Чхан, 1993. С. 341-342.
 21. Там же. С. 344.
 22. Ли Чжэ Хёк. Нэ-га саран-хан Росиа (Россия, которую я любил). Сеул: Ёым, 1994.
 23. Ли Ёён Но. Ето Росиа (Это Россия). Сеул: Мирэ М&В, 1998.
 24. Ли Ин Хо. Пушкин-и сара иннын нара - Росиа-нын оттон иус-инга. (Страна, где живет Пушкин. Россия - какой она сосед?). Сеул: Чхонгуса, 1996.
 25. Там же. С. 142-143.
 26. Ли Чжи Су. Политика СССР в отношении Северной Кореи (1945-1948 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. наук. М.: ИСАА при МГУ, 2000.
 27. Там же. С. 44.
 28. Там же. С. 38.
 29. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М., 1956.
 30. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979.
 31. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1860-1888). Москва-Иркутск-Санкт-Петербург, 1998.
 32. Квон Хи Ён. Хангук-ква Носиа: кванге-ва пёнхва (Корея и Россия: отношения и изменения). Сеул: Кукхак чарёвон, 2000.
 33. Ким Сын Хаа. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965.
 34. Квон Хи Ён. Указ. соч. С. 82.
 35. Сим Хон Ён. Историография проблемы депортации «русских» корейцев в 30-40-е годы в СССР // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп: Меоты, 1997. С. 172.
 36. Haruki W. Koreans in the Soviet Far East. 1917-1937. Токио, 1987.
 37. Вебер К.И. Корея до 1898 года и после. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Японский стол, папка 14. С. 140.
 38. Нарочницкий А.Л. Указ.соч. С. 33.

Документы, архивы

К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы

Предлагаемые читателю документы, выявленные в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), дополняют сведения о создании КПК, которыми располагают специалисты, в том числе и материалы вышедшего в 1994 г. в Москве сборника документов "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920-1924", в котором впервые были опубликованы отчеты о деятельности в стране в 1920-1921 гг. представителей РКП(б) и Коминтерна, принимавших активное участие в становлении коммунистического движения, организационно оформившегося в Компартию Китая летом 1921 г.

Из сохранившейся телеграфной переписки Секции восточных народов (Секвостнар) Сиббюро ЦК РКП(б) с Г.Н. Войтинским, направленным в апреле 1920 г. Иностранным отделом Владивостокского отделения Дальбюро ЦК РКП(б) в Китай для установления связей с революционерами стран Дальнего Востока следует, что секцию особенно интересовало состояние революционного и прежде всего профсоюзного движения в Китае (см. док. №№ 1, 3, 5).

Из донесений Г.Н. Войтинского в Секцию восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) и документов секции вытекает, что они ставили своей задачей преодоление раздробленности революционного движения в Китае, консолидацию представителей радикальной интеллигенции в единую социалистическую (коммунистическую) партию.

С этой целью в середине октября 1920 г. Секция приняла решение о созыве в январе 1921 г. предварительной конференции китайских революционеров¹. Однако в запланированное время эта конференция не состоялась и работу по формированию Компартии Китая продолжил образованный в январе 1921 г. на базе Секции восточных народов Дальневосточный секретариат Коминтерна (ДВСК).

В марте 1921 г. в Шанхае состоялась подготовительная конференция, которая приняла решение о создании "единой политической партии революционного пролетариата, а именно — партии коммунистов"². Учредительный съезд КПК был запланирован на май 1921 г. и для участия в его работе в середине апреля в Китай выехал Г.Н. Войтинский. Однако, как явствует из выступления руководителя ДВСК Б.З. Шумяцкого в Иркутске 20 июля 1921 г., его миссия не увенчалась успехом (док. № 9).

Съезд проходил в Шанхае и Цзясине с 23 июля по 5 августа 1921 г. На нем присутствовали представитель ИККИ в странах Дальнего Востока Г. Маринг и уполномоченный ДВСК В.А. Никольский. В публикуемом письме секре-

тарю ИККИ М.В. Кобецкому 9 июля 1921 г. Г. Маринг выражал надежду, что съезд "принесет большую пользу нашей работе. Небольшие разрозненные группы товарищей будут сплочены. После этого можно будет начать централизованную работу" (док. № 8). В то же время Г. Маринг предостерегал против траты лишних средств на работу в Китае. "Может быть, — писал он, — через год здесь будет организована настоящая партия, и положение тогда улучшится".

Из публикуемого протокола расширенного заседания Президиума ДВСК от 20 июля 1921 г. (док. № 9) можно получить наглядное представление об особенностях формирования Компартии Китая, объединявшей в это время представителей радикальной интеллигенции, о серьезных трудностях идеологического, организационного и финансового порядка, которые приходилось преодолевать китайским приверженцам социализма с помощью РКП(б) и Коминтерна.

К. Шевелев

Примечания

1. М.А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III конгресса Коминтерна, как исторический источник). — Народы Азии и Африки. М., 1971, № 4. — С. 50.

2. См. Б. Шумяцкий. Коммунистический Интернационал на Дальнем Востоке. — Народы Дальнего Востока. Иркутск, 1921, № 1. — С. 65.

Документы

№ 1

ТЕЛЕГРАММА СЕКЦИИ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ СИББЮРО ЦК РКП(б) Г.Н. ВОЙТИНСКОМУ

Иркутск, 30 сентября 1920 г.

Шанхай Центросоюз Григорьеву¹

Впредь до надлежащего оформления нашей организации в Китае как представительницы Секции восточных народов поручаем Вам это представительство. Согласно настоящим полномочиям Вы должны согласно нашим указаниям руководить работой [в] Китае, инструктируя находящихся там партработников, подчинив их себе. [Об] изложенном известите находящихся работников. Возлагаем на Вас [задачу] еженедельно подробно телеграфировать [о] своей деятельности, до сих пор от Вас не получено отчетов, смет и каких-нибудь результатов деятельности. Предупреждаем, [что по] всем возникающим вопросам надлежит сноситься [с] нами. Нам известно, что Харбин² продолжает командировать [в] Китай партработников. Заявляем, просим передать другим, что это право принадлежит Секвостнару, Вам же предлагаем [в] частных случаях запрашивать нас. Сейчас здесь необходимо получение переведенной Вами литературы. [На] днях нами посылается курьер³ с ценностями для реализации. Отсутствием Ваших докладов тормозится составление инструкций. Предлагаем прислать для получения инструкций и возвращения желательно [К.А.] Стояновича⁴. [По] получении телеграммы немедленно отвечайте. № 117/сек.

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 1.
Рукописный текст, подлинник.

Примечания

1. Г.Н. Войтинский.
2. Имеется в виду Иностранный отдел Североманьчжурского комитета РКП(б) в Харбине.
3. Личность не установлена.
4. В то время корреспондент агентств РОСТА и ДАЛЬТА в Кантоне.

№ 2

ТЕЛЕГРАММА Г.Н. ВОЙТИНСКОГО Ф.И. ГАПОНУ¹

Шанхай, 20 октября 1920 г.²

Уполноаркоминдел Иркутск

[С] приездом товарища [в] Пекин³, [с] которым Вы мне поручили работать [в] контакте, вся информация, предназначенная вам, пересылается ему. Согласно его распоряжениям непосредственной связи [между] мной и вами нет. Григорьев⁴.

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 3.
Рукописный текст, дешифрант.

Примечания

1. В то время заместитель уполномоченного НКВД РСФСР в Иркутске и одновременно заместитель председателя Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б).
2. Дата получения в Иркутске.
3. Речь идет о главе Миссии ДВР в Китае И.Л. Юрине.
4. Г.Н. Войтинский.

№ 3

ТЕЛЕГРАММА СЕКЦИИ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ СИББИОРО ЦК РКП(б) Г.Н. ВОЙТИНСКОМУ

Иркутск, ранее 23 октября 1920 г.¹

[В] самом срочном порядке телеграфно подробно сообщите. Первое — какие существуют профсоюзы, [в] каких городах имеются скопления промышленных рабочих, количественный рост профорганизаций. Готовьте подробный доклад [о] развитии и положении профдвижения в Китае. Второе — деньги выслали. Третье — [в] Баку состоялся грандиозный съезд народов Ближ[него] Востока² идет подготовка по организации аналогичного съезда народов

Даль[него] Востока³. Сообщите, имеется ли группа революционеров, жаждущих попасть [в] Совет[скую] Россию. Позондируйте почву, возможности и желания поездки в Россию делегации китайских профсоюзов. Послали литературу: [журнал "Коммунистический] Интернационал" [на] трех языках: русском, английском, французском. № 163/сек.

За председателем
Завкитотдел
Секретарь

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 34.
Машинописный текст, копия.

Примечания

1. Датируется по док. № 4.
2. Имеется в виду I съезд народов Востока. Проходил в Баку с 1 по 7 сентября 1920 г.
3. Имеется в виду I съезд народов Дальнего Востока. Проходил в Москве и Петрограде с 21 января по 2 февраля 1922 г.

№ 4

ТЕЛЕГРАММА Г.Н. ВОЙТИНСКОГО В СЕКЦИЮ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ СИББЮРО ЦК РКП(б)

Шанхай, 23 октября 1920 г.¹

Ваши телеграммы получил². Имя товарища угадали верно. Провокации никакой нет. Первое сообщение о том, что работой будет руководить товарищ, я получил [при] личной встрече [с] [В.И.] Хотимским³ в Тяньцзине. Не нашел нужным тогда сопротивляться. [В] Китае существуют три категории трудовых организаций. Первая — цехи и гильдии типа средних веков [в] Европе — имеются [в] каждом городе. Общая численность членов — около двадцати миллионов. Объединения цехов нет, раз-два [в] год бывают конференции [с] целью повышения цен для потребителей. Вторая категория, родившаяся [в] результате революции [тысяча девятьсот] одиннадцатого года — это общие рабочие союзы, [в] которые входят люди разных профессий [и которые] организовывались политиканами с чиновниками и студентами [с] целью давления на локальные власти и получения средств от филантропов. Эти союзы находятся [в] Шанхае и Кантоне. Численность членов — десять тысяч. Третий [тип] — союзы, начавшие с прошлого года организовываться рабочими с помощью революционной интеллигенции. Они двух видов: первые — чисто профессиональные, вторые — общие союзы работающих на машинах [в] отличие от ручного труда. Самый большой союз — работников [на] машинах [в] Кантоне численностью двадцать тысяч членов. [В] Шанхае [имеются] союзы: электрических рабочих — пятьсот членов, печатников, чулочниц, приказчиков, красильщиков, машинистов — по несколько сот членов. Подробно [в] докладе⁴. Григорьев⁵.

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 7.
Рукописный текст, дешифрант.

Примечания

1. Дата получения в Иркутске.
2. Документы не публикуются. См. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 28-29.
3. В то время член Дальбюро ЦК РКП(б).
4. Документ не обнаружен.
5. Г.Н. Войтинский.

№ 5

**ТЕЛЕГРАММА М.Н. БРОНШТЕЙНА И М.М. АБРАМСОНА
Г.Н. ВОЙТИНСКОМУ**

Иркутск, не ранее 23 октября 1920 г.¹

[В связи с] событиями [в] Монголии² был закрыт телеграфный провод, два дня назад телеграфное сообщение [было] восстановлено. [Из] Вашей последней телеграммы, [в] которой Вы указываете [на] подчинение Юрину³, совершенно не ясно, как представляются Вам взаимоотношения с Секцией вос-тародов. После данных вам разъяснений [о] том, что Секвостнар является единственной правомочной организацией [по] ревработе [в] странах Востока, оставляем за собой право полностью предъявлять Вам все требования за состояние работы. Ваши отношения к Юрину должны выражаться в контакте лишь постольку поскольку он может [быть] использован [для] нашей работы. За всеми указаниями, директивами, со всей отчетностью, информацией обязуетесь адресоваться только к нам. Заявление [В.И.] Хотимского было сделано по недоразумению, в силу неосведомленности. Ныне ему послано [от] имени Сиббюро [ЦК РКП(б)] соответствующее разъяснение⁴. [В] связи [с] поставленными [в] последнее время Секции задачами необходимо получение возможно полной информации. [В] докладе⁴, привезенном [П.М.] Никифоровым⁵, отсутствовало самое важное — приложение о Японии. [По] его словам, приложение не было ему передано. Месяц назад был послан курьер⁶, который был задержан монгольскими событиями. Теперь измененным маршрутом он выехал к вам. С ним послана литература [на] русском, английском [и] французском языках. Необходимо немедленно дать хотя бы телеграфную информацию: имеем ли мы дело с массовыми организациями или подобранными персонально, немногочисленными. Как обстоит вопрос [с] организацией единой социалистической партии? Ставились ли Вами вопросы социал[истическому] союзу [молодежи] о присоединении [к] Коминтерну молодежи? [На] днях выезжаем [в] Москву [с] докладом Коммунистическому Интернационалу и Цека [РКП(б)]. [В] связи [с] этим нужно прежде всего — информацию. Второе — необходимо устранить это совершенно случайное средостение⁷, вызванное Юриным. Ждем немедленного ответа, получены ли Вами от Юрина согласно нашему распоряжению двадцать тысяч долларов. № 214.

Зампредсеквостнар
Завкитотдел

Бронштейн
Абрамсон

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 8.

Машинописный текст, подлинник, подписи — автографы.

Примечания

1. Датируется по док. № 4.
2. Имеется в виду вторжение на территорию Монголии белогвардейских войск под командованием барона Р. Унгерна.
3. См. док. № 4.
4. Имеется в виду письмо Г.Н. Войтинского в Секцию восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) от 17 августа 1920 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. М., 1994. — Т. 1. — С. 30-35.
5. В то время член Дальбюро ЦК РКП(б).
6. Личность не установлена.
7. Так в документе. По смыслу: недоразумение.

№ 6

**ТЕЛЕГРАММА М.М. АБРАМСОНА И М.Н. БРОНШТЕЙНА
Г.Н. ВОЙТИНСКОМУ**

Иркутск, конец октября 1920 г.¹

Шанхай Центросоюз Григорьеву²

Необходимо немедленное получение телеграфной информации [по] аграрному вопросу: Первое. Какая форма землевладения является наиболее характерной — крупное или мелкое? Второе. Как дифференцируется крестьянство по наделу — [на]пример, крупные [и] середняки? Третье. Есть ли [и] как велик сельский пролетариат? Четвертое. Как значительно увеличение городского населения за счет сельского? Пятое. Как широко развит отход на промыслы? Шестое. [Какова] средняя величина земельного надела на душу населения? Седьмое. Как широко развито арендное землепользование? Сообщите все относящиеся [к] этому вопросу данные³. № 218.

Завкитотделом
Зампредсеквоснар

Абрамсон
Бронштейн

Ф. 495, оп. 154, д. 22, л. 23.

Машинописный текст, подлинник, подписи — автографы.

Примечания

1. Датируется по номеру телеграммы.
2. Г.Н. Войтинский.
3. Ответ Г.Н. Войтинского не обнаружен.

ИЗ ПИСЬМА Б.З. ШУМЯЦКОГО М.В. КОБЕЦКОМУ

Омск, 26 февраля 1921 г.

Уважаемый товарищ Кобецкий,

Вследствие неблагоприятного военно-политического положения Сибири я счел неудобным выезжать отсюда на съезд¹, отложив поездку до весны, а поэтому попытаюсь здесь бегло наметить те вопросы, которые я имею и которые, несомненно, заинтересуют Вас. [...]²

КИТАЙСКАЯ РАБОТА. Ход китайской работы таков, что центр тяжести ее уже перенесен в Китай на места и приходится констатировать, что тот центр, который у нас здесь существует как Цека китайских коморганизаций³ совершенно не авторитетен, никаким влиянием не пользуется и не является деловым по составу. Руководящим органом фактически является наша шанхайская тройка — Ревбюро⁴. Оно руководит в настоящее время шестью провинциальными (губернскими) коморганизациями Китая и пятью такого же масштаба китайскими комсомолами. Эти организации имеют в своих руках четыре еженедельных журнала, из которых один — “Коммунист”⁵ — руководящий и две газеты.

В связи с переходом дальневосточной работы исключительно к секретариату, а до сих пор ее пытались вести все кому не лень, путая[сь] и мешая друг другу и в связи с временной приостановкой финансирования киткоморганizations работа эта в течение второй половины января начала замирать, и мне для того, чтобы пустить ее вновь и начать улучшать пришлось прибегнуть к героическим мерам, устраивать займы и другие комбинации, благодаря которым положение восстановилось и сохранена возможность газетной и издательской деятельности (печатание “Азбуки коммунизма” [Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского] на китайском языке в двадцати тысячах экземпляров. [...])

С коммунистическим приветом

Уполкоминтерна *Б. Шумяцкий*

В дополнение к сказанному о китайской работе сообщаю, что в 20-х числах марта в Китае назначен съезд коморганизаций, для руководства которым посылаю специального человека⁶ [...]

Ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 1-2.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Примечания

1. Имеется в виду X съезд РКП(б). Проходил в Москве с 8 по 16 марта 1921 г.
2. Здесь и далее опущены разделы, не относящиеся непосредственно к Китаю.
3. Имеется в виду Оргбюро китайских коммунистов при Дальбюро ЦК РКП(б).
4. Документы о составе тройки не обнаружены. Предположительно, в нее входили Чэнь Дусю, Ли Ханьцзюнь и Ли Да.

5. Имеется в виду журнал "Гунчаньдан". Выходил в Шанхае в 1920-1921 гг.

6. Личность не установлена.

№ 8

ПИСЬМО Г. МАРИНГА М.В. КОБЕЦКОМУ

Шанхай, 9 июля 1921 г.

Дорогой товарищ Кобецкий:

Я послал Малому бюро [ИККИ] доклад о здешнем положении и о работе, проделанной здесь (в 10 страниц, с копией шифрованной телеграммы, посланной мной несколько дней тому назад)¹.

Надеюсь, что конференция, которую мы созываем в конце июля², принесет большую пользу нашей работе. Небольшие, разрозненные группы товарищей будут сплочены. После этого можно будет начать централизованную работу. Мое мнение таково, что в настоящей стадии работы не надо расходовать слишком много денег здесь на работу. Может быть, через год здесь будет организована настоящая партия, и положение тогда улучшится. Я надеюсь получить возможность выехать отсюда через несколько месяцев. Я хотел бы поехать в Японию и [на] Филиппинские острова, чтобы ознакомиться с положением там. Но перед тем, как я уеду, я хочу, чтобы было исполнено то, о чем я просил в телеграмме.

Мои приветствия друзьям.

Маринг

Ф. 514, оп. 1, д. 7, л. 2.

Машинописный текст, копия.

Примечания

1. Документы не обнаружены.
2. Имеется в виду I съезд КПК. Проходил в Шанхае и Цзясине с 23 июля по 5 августа 1921 г.

№ 9

ПРОТОКОЛ № 1 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ДВСК С КИТАЙСКОЙ СЕКЦИЕЙ И ТОВ. ЯН ХАОДЭ¹

Иркутск, 20 июля 1921 г.

СЛУШАЛИ: Информация тов. Шумяцкого о III конгрессе Коминтерна² и работе Китделегации.

Тов. Шумяцкий указывает, что ДВСК и Китайской делегации пришлось подвести итоги годовой работы в Китае. Работа в Китае проходила в очень трудных условиях, не было компактной организованной пролетарской массы, из которой можно было бы извлечь ядро, которое бы и повело дальнейшую работу.

Переходя к конгрессу, т. Шумяцкий говорит, что представительство на конгрессе не всегда отражает состояние организаций. Напр[имер], Англия.

Часто представительство являлось случайным. Все это обуславливалось той реакцией, которая свирепствует в капиталистических странах и трудностью связи благодаря этой реакции.

Для того, чтобы отмежеваться от всяких авантюристических организаций и показать работу Киткомпартии, мной как руководителем ДВСК и тов. Чжан Тайлзем³ был проработан доклад⁴, построенный на чисто марксистском методе, без всякой фразеологии, базирующийся на строгом объективном учете сил и обстановки, из которого конгресс сделает выводы и выработает методы работы и подход к организации комдвижения. В этом докладе мы объяснили, почему организация комгрупп в Китае развивалась как движение радикальной интеллигенции и подошли к задачам как сегодняшнего дня, так и цели, к которой мы стремимся.

Тов. Чжан в своем докладе указывает, что единственный выход из того положения, в котором сейчас находится Китай, который грабят и империалисты и свои генералы — есть социальная революция. К докладу тов. Чжана приложен ряд материалов⁵. Доклад составлен так, чтобы войдя в отчет III конгресса, он послужил основой для дальнейшей работы и будет свидетельствовать о зрелости компартии. Вся предварительная работа делегацией и мной проделана, и III конгрессу теперь осталось ее оформить. Я не дождался до конца конгресса, но вполне уверен, что когда на конгрессе станет восточный вопрос, то наши положения будут приняты.

Ввиду отсутствия в Китае централизованной Киткомпартии мы думали, что Китделегации право голоса не только решающего, но [и] совещательного не будет дано. Но после моего обстоятельного и объективного доклада Малое бюро ИККИ постановило дать Китделегации право совещательного голоса. Из этого видно, как Коминтерн тепло принял Киткомделегацию.

Кроме большой подготовительной работы для конгресса, нами также были проработаны доклады и тезисы к конгрессу молодежи⁶ и Межсовпрофу⁷. В отношении организаций молодежи мы исходили из того положения, что движение молодежи в Китае не является движением пролетарской молодежи, что из ее организации мы извлекли отдельных коммунистов, но масса состояла из учащихся по своему классовому составу чиновничье-буржуазному. Поэтому в Китае мы не могли стремиться к созданию комсомола, но учитывая обстановку, нам необходимо, работая в социалистических союзах молодежи, стараться захватить руководство ими путем возглавления в исполнительных органах и создавая нелегальные комячейки, постепенно вовлекать и собирать пролетарские элементы и марксистскую интеллигенцию, превращая их в комсомол.

Насколько трудна эта работа, видно из того, что до сих пор не удается провести в этих организациях принципа демократического централизма. Еще до сих пор эти союзы не имеют никакой организации, каждый союз сносится с кем угодно. К изживанию этого явления надо подходить очень осторожно, учитывая все особенности и молодость этих организаций. На проходившей в Китае конференции⁸ этот вопрос обсуждался и была принята сл[едующая] резолюция. (См. резол[юцию] Шанх[айской] конф[еренции].)⁹

Так мыслится нами организация китайской молодежи. В Москве этот вопрос разрабатывался в комиссии, где участвовали я, Китделегация, тов. [Л.А.] Шацкин¹⁰ и др. (тов. Шумяцкий зачитывает протокол заседания ком[иссии])⁹ и было решено организовать ДВС молодежи, который будет работать под политическим руководством ДВСК.

В отношении профсоюзов Китая мы и раньше считали, что профсоюзы в Китае, благодаря целому ряду обстоятельств, не являются самоцелью, а являются средством для собирания масс. В таком духе были написаны тезисы⁹, которые захватил с собой тов. Григорий [Войтинский] для съезда киткоморга-

низаций. В Москве я говорил по этому вопросу с тов. [С.А.] Лозовским¹¹, но не успел проработать материал вследствие моего спешного выезда в Иркутск, поручив эту работу тов. Чжану.

Подводя итоги, тов. Шумяцкий говорит, что несмотря на все неблагоприятные условия, в которых протекает наша работа в Китае, нам все же удалось проделать большую работу, которая приостановилась с некоторого времени в связи с провалом тов. Григория¹², который вез материалы и суммы на дальнейшую работу. Сейчас этот провал ликвидирован и работа снова пошла.

Тов. Ян Хаодэ говорит, что с отъездом тов. Григория они не получали никакой информации от ДВСК, а также от тов. [С.А.] Полевого¹³, они даже не знали о существовании ДВСК и были очень обрадованы, когда получили телеграмму от ДВСК с предложением послать делегацию на III конгресс и подтвердить мандат тов. Чжана⁹. Мандат тов. Чжана они подтвердили, хотя никакой активной работы у них он не вел. После получения сведений из Кантона, они решили послать на конгресс двух тов[арищей], но вследствие отсутствия средств послали только тов. Ян Хаодэ, [а] также приготовили доклад, который послан через тов. [А.Е.] Ходорова¹⁴, но пока в Иркутске еще не получен⁹. В этом докладе освещены следующие вопросы: крестьянский, рабочий, интеллигенция, коммунистическая работа и рабочее движение. Тов. Ян Хаодэ просит разрешить сейчас след[ующие] 9 вопросов: 1) масштаб пропаганды и организации; 2) количество тов[арищей], могущих быть отправленными в Сов[етскую] Россию; 3) связь с Германией; 4) прекращение посылки тов[арищей], не прошедших через ДВСК; 5) экономическая помощь; 6) работа среди войск; 7) масштаб партработы; 8) взаимоотношения с представителями профсоюзов (междунар[одных]; 9) объединение всей работы.

ПОСТАНОВИЛИ: Предложить тов. Ян Хаодэ представить общий и на каждый из поставленных им вопросов отдельно доклады¹⁵.

*Ответственный секретарь Д.-В. секретариата
Коммунистического Интернационала
Д. Никитенко*

Ф. 495, оп. 154, д. 89, л. 4-5.
Машинописный текст, копия.

Примечания

1. Заголовок документа. Ян Хаодэ — Ян Минчжай. В то время член Шанхайской коммунистической организации. Он опоздал на III конгресс Коминтерна и до середины сентября 1921 г. находился в Иркутске, после чего возвратился в Китай.

2. Проходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г.

3. С марта 1921 г. — национальный секретарь Китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна.

4. Подробнее см.: М.А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III конгресса Коминтерна как исторический источник) — Народы Азии и Африки. М., 1971, № 4. — С. 47-58. Отмеченные М.А. Персицем отдельные противоречивые формулировки документа, очевидно, связаны с участием в его написании и редактировании Б.З. Шумяцкого.

5. Приложения не обнаружены.

6. Имеется в виду II конгресс Коммунистического интернационала молодежи. Проходил в Москве с 9 по 23 июля 1921 г. Письменный доклад делега-

ции Социалистического союза молодежи Китая от 22 июля 1921 г. подписан Чжан Тайлэем, Юй Сюсуном и Чэнь Вэйжэнем. См. РГАСПИ. Ф. 531, оп. 1, д. 39, л. 114-130.

7. Документы, представленные Международному совету профессиональных и производственных союзов не обнаружены.

8. Имеется в виду проходившая в марте 1921 г. в Шанхае конференция по подготовке образования Компартии Китая.

9. Документ не обнаружен.

10. В то время первый секретарь ЦК РКСМ, член ИК КИМ.

11. В то время председатель Международного совета профессиональных и производственных союзов. На проходившем в Москве с 3 по 19 июля 1921 г. I конгрессе Красного интернационала профсоюзов избран его генеральным секретарем.

12. Подробности провала не установлены.

13. В то время преподаватель русского языка в Пекине и Тяньцзине.

14. В то время корреспондент агентств РОСТА и ДАЛЬТА в Пекине.

15. Документы не обнаружены.

Философия

Совершенная мудрость и ранняя философия древних китайцев

© 2001

А. Лукьянов

Проблема теоретического и исторического начала китайской философии не формулируется искусственно. Она вырастает сама собой, как только мы обращаемся к ранним поэтическим произведениям и философским текстам. По ним видно, что и поэты, и философы сознательно ориентировались на *древность*, которая предстала перед ними в художественных и понятийных образах. Однако это не столько лики самой древности, т. е. прошлого, сколько отражения в ней настоящего. В древность всматривались, вслушивались, вдумывались и в ее зеркале распознавали свой собственный лик. В нем современность и древность сопричастны друг другу: молодость прошлого взрослеет в отражаемых ликах настоящего, старость настоящего молодеет в ликах прошлого.

Храня память о прошлом и настоящем, древность превращается для человека в непреходящую ценность – в ее мировоззренческих слоях угадывается лик будущего. Он туда не приходит извне, а проявляется в самом лике прошлого, что уже Конфуций отчетливо прослеживал по ритуальным ликам династий и учил этому своих учеников: "Цзы Чжан спросил: "Можно ли узнать, что будет через десять поколений?" Учитель ответил: "[Династия] Инь основывалась на ритуале [династии] Ся, что она изъяла и что внесла нового, это известно. [Династия] Чжоу основывалась на ритуале Инь, что она изъяла и что внесла нового, это известно. Поэтому и о том, что будет при преемниках Чжоу, пусть пройдет хоть сто поколений, можно узнать"¹. Слова Конфуция подтверждают, что в древности совмещаются три бытийственных лика – прошлого, настоящего и будущего. Это придает ей качественную определенность символа, играющего роль живого генератора образов и идей, а также способность хронологической и смысловой обратности: в древности из настоящего можно видеть и мыслить прошлое и будущее, из прошлого – будущее, из будущего – прошлое через настоящее или помимо него. Вот почему, погружаясь в древность, поэты и философы становятся провидцами и пророками.

В философском мировоззрении древность утрачивает значения обыденного языка и насыщается новыми, метафизическими смыслами. При этом в древности стираются признаки исторического измерения. Она освобождается

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 01 – 01 – 00135а.

от хронологической линейной масштабности и превращается в нестареющую вечность. Из относительного бытия повседневности древность возвращается к мировым истокам, т.е. в лоно родового (абсолютного) мифа, где соединяется с протекающим в вечно длящемся акте мировым генезисом. Здесь она преобразуется в триединую органическую сущность – вселенско-космическо-ландшафтное существо, несущее в себе триединство первопредка (тотема), вещи и человека. В китайском культурном мировоззрении это метафизическое существо проецируется в эмпирически созерцаемую Поднебесную, где его вселенская составляющая сопрягается с чистой энергией *инь* и *ян*, космическая – со спиралью пяти (десяти) планет, ландшафтное – с узорами Неба (Солнце, Луна, созвездия) и Земли (горы, воды, долины). В направлении от вселенской к ландшафтной составляющей происходит телесное, духовное и идеально-мыслительное воплощение энергии *инь* и *ян* в человека, первопредка и вещь, в обратном направлении – их развоплощение. Древность, таким образом, пульсирует в зеркально-обратных тактах энергетического воплощения (сгущения) и развоплощения (разрежения). Поскольку мировой генезис протекает по алгоритму спирального архетипа *дао*², то и древность в своей пульсации проходит тот же спиральный путь и кодируется тем же спиральным кодом.

В силу обстоятельств, сложившихся в результате или космической катастрофы, или активности самого человека, органическая гармония вселенско-космическо-ландшафтного существа нарушилось. Триединство первопредка, человека и природной вещи распалось. Они получили относительно друг друга абсолютную свободу и вступили в борьбу. Телесно-духовно-мыслительное согласие тоже расстроилось. Слово и дело разошлись, можно было говорить одно, а делать совсем другое. В итоге свобода человека обратилась в анархию, и Поднебесная была ввергнута в хаос.

Состояние хаоса, ощущение безысходной трагедии и тоска по “золотому веку” вызвали появление небольшого числа людей, которых китайская культура осмысляла как *детей (цзы) Поднебесной*, в ком гармонично сочетались тело, душа и мышление человека, первопредка и природы. Иероглиф *цзы* стал обозначением *философа*. Его слово, поведение, вероисповедание, образ жизни, невероятные способности не подходили ни под какие принятые большинством человеческие стандарты.

Философы сознательно приняли на себя обязанность спасения Поднебесной. К этому их подвигла не только мольба человека, гибнущего в ужасе хаоса, но и метафизический зов вселенско-космическо-ландшафтного существа о всеобщей гармонии.

Эти мольба и зов терминологически и понятийно конституировались в сознании философов в философскую *науку* и *мудрость* – *сюэ*. Перед философами открылись две возможности на двух путях (*дао*) спасения человечества Поднебесной: либо возвращение человека к естественной природе (= естественности – *цзы жань*), либо изменение этой природы и целенаправленное приспособление ее к новым социальным условиям. Данные возможности были реализованы даосизмом и конфуцианством в виде цивилизационных концепций палингенезиса и ценогенезиса, т.е. генезиса ретроспективного и перспективного³.

Соответственно принятой установке даосизм направил свой путь-*дао* к естественности (“*Дао* следует естественности – *цзы жань*”⁴) и придал науке/мудрости (*сюэ*) характер “отрицания”, “отбрасывания” – *цзюэ*. Тем самым даосизм назвал свое учение понятием *цзюэ сюэ*, в котором сочетаются антиномичные значения *отбрасывания науки* и *совершенной науки* (“Отбросишь науку, [при высшей науке] исчезнет и скорбь”, §20). Сужая путь-*дао* своего учения, даосизм довел его до точки постоянства/вечности (*чан*). Здесь тут же проступила антиномичная функциональная специфика даосистского *цзюэ сюэ*

(“Дао постоянно, [оно] не деет и не недеет”, §37), что в очередной раз иллюстрирует родство и тождество дао с деюще-недеющей естественностью (“Дао почитаемо, дэ ценимо, нет над ними судьбы, они в постоянной естественности”, §51). В результате была достигнута и гносеологическая константа отсутствия всякого знания (“Знание незнания – высшее”, §71).

Конфуцианство направило свой путь-дао от естественной природы в сторону искусственно создаваемой социальной природы и назвало свое учение именем хао сюэ, в котором сочетаются антиномичные значения *любви к науке и нелюбви к ненауке*. Конфуцианство расширяет свой путь-дао (“Человек может расширить дао, но не дао человека”, XV.29) и обращает его в перспективу познания социализованного единого (Конфуций: “Ты считаешь, что я ради многознания изучаю все?... Нет. Я одно-единым пронизываю все”, XV.3). В противоположность даосизму конфуцианская хао сюэ постулирует гносеологическую константу знания (“Любовь к науке ведет к знанию”⁵).

И в случае ухода от хаоса по даосистскому методу сужения дао, и в случае погашения хаоса по конфуцианскому методу расширения дао философы сталкиваются с древностью, под ликом которой проступает вселенско-космическо-ландшафтное существо. Казалось бы вот здесь, в непосредственном соприкосновении с метафизикой древности и должна развиваться творческая индивидуальная метафизика первых философов. Однако этого не происходит. Сотериологическая интенция философов тут же встречается с грандиозным идейным комплексом совершенномудрых людей (*шэн жэнь*), перед которым философы действительно чувствуют себя настоящими детьми. В формальном и содержательном плане разработки теории спасения Поднебесной философам просто нечего делать. Все уже сделано до них и потому первые философы в лице Лао-цзы и Конфуция *по сути ничего нового не создают*. Они наследуют древним совершенномудрым и выглядят чуть ли не эпигонами их учения. По собственному заверению они выступают его философскими декораторами и частью реставраторами, поскольку до философов дошла не вся его система. Они сами и совершенно внятно определяют свой “не творческий” (*бу цзо*) мировоззренческий и гносеологический статус. “Передаю, но не создаю, верю в древность и люблю ее” – говорит Конфуций (II.23). По-своему, но тот же мотив звучит и у Лао-цзы: “[Если кто-нибудь] наравне с естественными изменениями вдруг возжелает еще и создавать, я обуздаю того безымянным духовным естеством” (§ 37). Не создавать нечто новое и чуждое Поднебесной, а открывать древность в ее идейном лике и умопостигаемой метафизике – такова философия первых философов.

И все-таки мы не склонны верить заверениям первых философов в нетворческом характере их теоретической и практической деятельности. “Возвращение к древности” или, точнее, “обращение в древность”, ибо вечность древности охватывает всю хронологию Поднебесной и потому в древность не возвращаются, а обращаются, вызывает самое настоящее философское творчество. “Любовь к древности” (*хао гу*) трансформируется в любовь к науке/мудрости (*хао сюэ, цзюэ сюэ*), взращивающей философское самопознание (*цзы чжи*). Древность фокусируется на философе. Она вселяет в него традицию, а философ в попытке достижения предельных границ древности развивает и углубляет свое самознание, вырабатывающее критерии определения места и роли человека в природном мире.

Кто же такие *совершенномудрые люди* – , называемые по-китайски *шэн жэнь*? В словарях и востоковедческой литературе термин *шэн жэнь* традиционно трактуется как “совершенномудрый человек”, что иногда подспудно влияет на исследовательские характеристики мировоззрения древних китайцев. Как показатель степени человеческого совершенства такой смысл в *шэн*

жэнь, несомненно, заложен. Однако он не раскрывает собственно типологической специфики особого рода человеческого субъекта. Ведь даже Лао-цзы и Конфуций, эти великие мужи, ни разу не отважились назвать себя именем шэн жэнь. Понятнейшая точность этого имени зависит от понимания термина шэн.

Скрытый смысл шэн помогает выявить космогония Паньгу. В сравнительной мифологии Паньгу, подобно индийскому Пуруше, относится к разряду "первочеловека", хотя его сущностные определения идут гораздо глубже поздних по времени антропоморфных олицетворений. Паньгу буквально означает "свернутую в спираль древность". Это космический эмбрион, спиральный пролог существования Поднебесной. При разворачивании этой спирали и проявляется место и содержание шэн: "Небо и Земля пребывали в хаотической смеси, подобной содержимому куриного яйца. Паньгу зародился в середине. Минуло 18 000 лет, Небо и Земля отделились друг от друга: ян, будучи чистым, образовал Небо, инь, будучи мутной, образовала Землю. Паньгу находился в середине между ними и в один день претерпевал девять метаморфоз. Дух (шэнь) содержался в Небе, душа (шэн) содержалась в Земле. Небо в день поднималось на один чжан, Земля в день утолщалась на один чжан, Паньгу в день вырастал на один чжан. Так продолжалось 18 000 лет. Небо достигло предела высоты, Земля достигла предела глубины, а Паньгу предела роста. Вот почему Небо и Земля отстоят друг от друга на 90 000 ли"⁶.

По данной космогонии видно, что шэн составляет бином с шэнь и имеет значение земной (женской, материнской) души. Поэтому шэн жэнь точнее было бы переводить как "душа-человек" или "душа-женщина", которая обладает порождающей способностью и служит душевным энергетическим основанием "спирали древности". Таким образом, качество шэн совершенномудрого человека (будем по традиции и далее называть его так) не вырабатывается искусственно ни теоретически (идейно), ни эмпирически (поведенчески), а генерируется в процессе космогенеза в нижней, органической части космоса как земная душевность. Согласно месту Человека в космологической триаде Поднебесной совершенномудрый утверждается в центре между Небом и Землей. Он поднимает земную душевность и, подобно Паньгу, приобретает способность протогониста физической, духовной и мыслительной действительности Поднебесной, утверждаясь ее духовным вождем.

Онтологическое место совершенномудрого человека, или место его первородной сущности, определяется по устройству космического организма. Он состоит из самовоплощающейся и саморазвоплощающейся триады – вселенско-космическо-ландшафтного существа. Это метафизика Поднебесной, которая отражается в физике ее небесно-земного обличия. Совершенномудрый человек сопresentствует в метафизике и физике Поднебесной во всех трех ее ступенях энергетического воплощения и развоплощения и выступает в трех ипостасях: как вселенское существо – существо идеально-разумное, пустотно-энергетическое (например, Лао-цзы, "достигший предела пустоты", а также Ле-цзы, титулованный даосами как "прорвавшийся в пустоту истинный человек"); космическое существо – существо духовно-душевное (шэнь-шэн), планетно-светоносное; существо ландшафтное – существо небесное и земное, родовое. Это триединство изоморфно повторяется в космической анатомии совершенномудрого: он шэн жэнь – духовный (душевный) человек, тело его принадлежит всей Поднебесной, а сердце (разум) пусто и сливается с вселенской пустотой-энергией. В своем духовном качестве совершенномудрый находится в центре космического организма, синтезируя из энергии инь и ян и физической материи вещный мир: "Совершенномудрый человек правит службу недеяния, ведет учение без слов. Мириады вещей творит и не уклоняется от

этого. Рождает и не обладает (ими). Возделывает и ни на что не опирается. Успешно завершает и не ставит себе это в заслугу. А поскольку не ставит в заслугу, постольку и не отвергается" (§2).

В истории поднебесного мира, замкнутой по траектории спирали дао, совершенномудрый человек тоже занимает место центра. Это место пульсирующей вечности настоящего, замыкающей на себя прошлое и будущее и ставящей им предел схождения в центре и расхождения в противоположные стороны по расширяющейся спирали времени. Вследствие этого в жизни совершенномудрого человека нет линейных годовых координат. У него нет ни дня рождения, ни даты смерти. В обыденном понимании совершенномудрые это не люди, а некие вселенско-космические существа, какими они и изображаются в философских канонах. Так люди и представляют себе совершенномудрых, пока метафизика и физика Поднебесной находятся в гармонии.

Когда же Поднебесная претерпевает деформацию, совершенномудрый человек выпадает из сердцевины мироздания и попадает в поле зрения обыденного сознания. Спираль вечности рвется, история вытягивается в линию и весь ее космогонический сюжет претерпевает новую историзацию и новую антропоморфизацию в соответствии с велением линейного времени. Вот тогда совершенномудрые (*шэн*) и стали наделяться атрибутами человека (*жэнь*) земного бытия. Много здесь поработало конфуцианство. Оно превратило первопредков (*ди*) в царей (*ванов*), которые согласно конфуцианским цивилизационным установкам стали синтезировать из энергии *инь* и *ян* государство, социальные институты, механизмы технического и сельскохозяйственного производства, деньги, рынки, системы коммуникаций, транспортные средства, вооружение, информационные системы, законодательство и т.д. Ориентация на древность заставила, однако, конфуцианство свернуть весь свой историзованный цивилизационный сюжет и вновь разместить его на спирали архетипа дао. Вот как это выглядит в энергетической спирали гексаграмм "И цзина":

В древности Баоси был царем-ваном Поднебесной.

Смотрел вверх — созерцал образы на Небе.

Смотрел вниз — созерцал образцы на Земле.

Созерцал узоры птиц и зверей и наземный порядок.

Близкое (сходное) брал с себя.

Далекое (различное) брал с вещей.

С этого начал создавать восемь триграмм,

Чтобы проникнуть в просветленное духом Дэ,

Чтобы классифицировать свойства мириад вещей.

Вязал узлы на веревках, плел сети и силки,

Чтобы охотиться и ловить рыбу.

Видимо, брал это из гексаграммы Ли.

Баоси умер, Шэньнун утвердился.

(Он) срубил дерево — сделал лемех, согнул дерево — сделал соху,

вспашкой и прополкой излел прибыль

и обучил этому Поднебесную.

Видимо брал это из гексаграммы И.

В течение дня сделал рынок, отдал народу Поднебесной,

Собрал товары Поднебесной, обучил обмену и удалился.

Каждое обрело свое место.

Видимо брал это из гексаграммы Ши-хо.

Шэньнун умер, утвердился Хуанди, Яо и Шунь...

(Они) передали потомкам одежды, и Поднебесная упорядочилась.

Видимо брали это из гексаграмм Цянь и Кунь.

Выдолбили дерево – сделали лодку,
 Обтесали ветви – сделали весла...
 Видимо брали это из гексаграммы Хуань.
 Приручали скот, впрягали в упряжку коней,
 возили грузы, достигали далеких мест,
 чем приносили пользу Поднебесной.
 Видимо брали это из гексаграммы Суй...
 В далекой древности жили в пещерах, селились по диким полям.
 Совершенномудрые люди последующих поколений
 заменили их на дворцы и жилища...
 Видимо брали это из гексаграммы Да чжуан...
 В глубокой древности вязали узелки на веревках и управляли.
 Совершенномудрые люди последующих поколений
 заменили их на письменные знаки.
 Все чиновники пользовались ими в управлении,
 Весь народ пользовался ими для справок.
 Видимо брали это из гексаграммы Гуай⁷.

Постепенно, с дальнейшим крушением мироздания, совершенномудрый человек исчезает из физической Поднебесной, так как окончательно разрушается его земная колыбель. Совершенномудрый как особый человеческий тип больше не рождается. Он сохраняется только как метафизический субъект, с которым если и можно вести диалог, то только по особой спиральной логике мышления и на особом языке. А это давалось отнюдь не каждому, но лишь философам – любознательным детям Поднебесной, тем, кто своим сердцем вдыхал хаос Поднебесной и спасал ее существа и людей.

Выходы к метафизике совершенномудрого человека, к определению **специфики его мышления, языка, речи и действия** философы нашли через устный, письменный и поведенческий арсеналы культуры дао, которые они застали уже исчезающими вместе с разрушающейся родовой общностью. Устный арсенал пошел до них в родовых песнопениях, письменный – в “узелковых письменах”, поведенческий – в родовых ритуальных танцах и в мантических способах хозяйственно-политической регуляции общества в эпоху Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.). Философы подключились к архетипической спиральной конструкции вселенско-космическо-ландшафтного существа, встав на место совершенномудрых в физической Поднебесной, и открыли створы своему метафизическому умозрению. Перед ними предстал не один, а целое содружество совершенномудрых и грандиозная картина энергичного вращения бытия-небытия.

Лик, внутреннее содержание и действие совершенномудрого (что в общих чертах улавливается по описаниям философов) обусловлены его принадлежностью к вселенско-космическо-ландшафтному существу. У совершенномудрых нет имени. Ни одно слово из обыденного языка, используемого философами для фиксации своих идей, а значит, и ни одно слово философского языка не пригодно для именованя совершенномудрых. Метафизический духовный лик совершенномудрого не удерживается на зеркале тяжелой пластинки иероглифа. Эстетический образ совершенномудрого сочетает в себе теоморфный, антропоморфный и зооморфный облики, которые непрестанно превращаются друг в друга, то растворяясь в пустоте-энергии, то возникая из нее.

Судя по устройству космического существа, уложенного в спирали планет Солнечной системы⁸, содружество совершенномудрых, повторявших это устройство, мыслилось состоявшим из мужского (янского) и женского (иньского) союзов. Каждый из них насчитывал по пять персон, которые в па-

раллели друг другу составляли пять близнецеских пар. Совершенномудрые занимали ландшафтные центры и выстраивались на их "горах и водах" по объемной модели космической планетной спирали. Возможно, эти центры определялись посредством проекции центра планетной спирали на поверхность Земли в средние дни каждого из пяти сезонов года или каким-то другим способом. Всего могло быть пять таких центров. В порядке смены времен года совершенномудрые перемещались из одного центра в другой. Следуя спиральному движению планет, они вели свой хоровод, в котором соблюдали особый ритм, вторили песнопением космическому дао и исполняли танец, имевший особую геометрию танцевальных па. В середине каждого из пяти периодов одна из близнецеских пар совершенномудрых сходилась в ландшафтном центре и расходилась на витки хороводной спирали. В момент схождения ее стороны *опрокидывали (фань)* друг в друга свои энергетические противоположности и образовывали энергетическое тождество (*тун*). Как только это происходило, тождество *проваливалось* своим духовным сердцем в космическую планетную спираль и вселенскую пустоту-энергию. В тот же миг в пустотном сердце этого парного тождества возникала спиральная голограмма архетипа дао в виде светло-темного (*ян-иньского*) тео-зоо-антропоморфного образа. Это был мгновенный снимок, символ сущности и истины вселенской, космической и ландшафтной жизни. Одним из таких символов была желто-черная биспираль Фу-си и Нюйва – двух первопредков (тотемов), людей и драконов с переплетенными спиралью хвостами и соединенными двуполым (двуххвостым) младенцем. Художественный штамп этого символа сохранился в нескольких вариантах на плитах ханьских погребений.

Для передачи людям гармоничного символа сущности и существования при отсутствии у совершенномудрых преемников и посредников, в условиях разрушения ландшафтных центров совершенномудрые избрали единственно оправдывавший себя способ: они схематизировали ритм, звучание и танец энергии *инь-ян* архетипической спирали естественности и изобразили эту спираль в виде горизонтально-вертикального построения 8-и-8 графических символов, называемых триграммами. Сопряжение триграмм по определенному алгоритму свивало спираль 64 гексаграмм. В составе триграмм совершенномудрые сохранили только четыре графических прообраза близнецеских пар. На месте пятой пары, в центре построения триграмм они запечатлели момент ее слияния в виде пульсирующего энергией *инь-ян* Великого Предела (*тай цзи*), указав одновременно и место будущего двойника совершенномудрого человека, т. е. философа.

Во-первых, тем самым совершенномудрые решали задачу передачи способа воспроизводства гармоничного символа сущности и существования Поднебесной в ключе жизни естественности (заметим – способа, но не самого символа, который всегда может быть получен). Во-вторых, этот способ требовал знания алгоритма гармоничного развертывания объемной матрицы 8-и-8 триграмм в спираль 64 гексаграмм. И здесь совершенномудрые загадали загадку обывателям, чтобы лишить случайного человека возможности приблизиться к архетипической конструкции естественности. Ведь это не что иное, как механизм телесного, духовного и мыслительного сгущения и разрежения вселенской энергии, мощное оружие, которое в недобрых руках может сыграть роковую для жизни Поднебесной роль.

Однако не об обывателях речь. Ответ на эту загадку служил одним из ключей к тайне дао спирали перемен и для философов. Суть ее состоит в следующем.

А. При дешифровке спиралей триграмм и гексаграмм необходимо учитывать бинарный центр Великого Предела, иначе все операции с ними будут

представлять собой "распилку слонов". Аллегорически это легко иллюстрируется индийской математической сказкой-загадкой. У индийского раджи было 17 слонов и три сына. Перед смертью ражда завещал старшему сыну $1/2$ слонов, среднему $2/3$ от завещанного старшему и младшему $1/3$ от завещанного среднему. Пилить слонов было бы безумием. Условие завещания казалось невыполнимым, и никто из сыновей раджи не мог вступить во владение предназначенной ему частью наследства. За дело взялся живший неподалеку мудрый судья. Он приехал на своем единственном слоне и поставил его в общий строй. Получилось 18 слонов ($17+1=18$). Старшему сыну он отдал девять слонов, среднему шесть, младшему двух, сел на своего оставшегося слона и уехал. Завещание было выполнено безукоризненно.

То же происходит и с матрицами спиралей триграмм и гексаграмм: пока не учитывается центр Великого Предела, а он является одновременно и единицей (нечетом) и парой (четом), т. е. пока к 16 триграммам не будет прибавлен элемент одно-двоичного центра, все расчеты с триграммами будут носить характер "распилки слонов". Поэтому всевозможные гадания, математические построения, эстетические и философские концепции, созданные на основе матриц триграмм и гексаграмм без учета их центра, до сих пор являются собой, как это ни печально, сознательное или бессознательное шарлатанство.

Б. В центр помещается именно философ. Он входит в тождество с Великим Пределом и претерпевает соответствующие метаморфозы: превращается во вселенскую "пустоту", в эмбрион, "еще не ставший ребенком", в "двуполо-бесполого младенца", представляющего собой чистую животворную энергию, как это наблюдается в даосизме (§ 16, 20, 55) или в младенца, "играющего" табличками триграмм и складывающего наугад матричные фигуры, как это происходит с конфуцианским благородным мужем, изображенным в "И цзине"⁹. В Великом Пределе философ открывает свой метафизический взор и усваивает коды алгоритма *дао* совершенномудрых людей. Причем у него работает триединая метафизика – метафизика тела, души и разума, из чего и вырастают три взаимосвязанных типа философии.

В. При размещении в центре *одному* философу достаточно того, чтобы уподобиться совершенномудрому человеку и войти в сферу самостной природы. Но философ сам превращается в символ и может *вещать только символами*. Его одного мало, чтобы перевести эти символы в словесное учение, доступное для человеческой Поднебесной. Поэтому философ создает изоморфную по структуре архетипической спирали школу, где он вещает символами, а пары учеников интерпретируют их. Вот как, например, это происходило в конфуцианской школе: "Учитель сказал: "Шэнь, мое *дао* состоит в том, что *однo* единым пронизываю все". Цзэн-цзы поддакнул: "Так и есть!" Когда Учитель вышел, ученики спросили: "Что это значит?" Цзэн-цзы ответил: "Дао учителя – преданность (верхам) и снисходительность (к низам). Вот и все!" (IV.15).

Г. Каждая школа ищет свой ландшафтный центр: глава даосистской школы отшельничает и ищет его в природном ландшафте, глава конфуцианской школы путешествует по царствам и обращается к социальному ландшафту. Поэтому у них при одной архетипической структуре разные *дао* и неодинаковые языки философствования.

Д. При доведении гармоничного символа сущности и существования естественности до простых людей осуществляется его тройная интерпретация (пересемантизация). Вначале этот символ интерпретируется философом: он осуществляет его первичную анроморфизацию и социализацию, подбирая соответствующие образы. Затем эти образы-символы ученики внутри школы переводят на философский язык и после этого в роли проповедников пытаются разъяснить суть учения человеческой Поднебесной. Здесь – самое слабое

звено движения символа к чувству, душе и сознанию человека. Не только простой люд, но даже не все ученые мужи способны воспринять диалектику символа:

Муж высокой учености, услышав о дао, усердно следует ему.

Муж средней учености, услышав о дао, то теряет, то сохраняет его.

Муж низкой учености, услышав о дао, громко насмехается над ним.

Не осмеяв, и не будет считать за дао, ибо среди неизблемых суждений есть таковые:

Светлое дао подобно темному (дао).

Наступающее дао подобно отступающему (дао).

Совершенное дао подобно ущербному (дао)... (§ 41).

Итак, совершенная мудрость есть телесная, духовная и мыслительная имманентизация гармонии естественности совершенномудрыми людьми, которые объединяются в союзы по модели спирального архетипа дао и перемещаются по ландшафтному центру в порядке циклической смены пяти времен года. Она есть выражение этой гармонии в голограмме поющего и танцующего во вселенско-космических ритмах тео-зоо-антропоморфного символа-образа. Относительно бытия Поднебесной этот символ играет роль пролога существования, а потому в любом виде последующей рационализации может только переживаться, но не доказываться или опровергаться логикой дискурсивного мышления.

В силу того, что с разрушением рода коллективная форма заземления символа гармонии исчезла, т. е. осталась лишь его метафизика, совершенномудрые люди схематизировали этот символ в виде спиральных графических матриц триграмм и гексаграмм. Совершенномудрые создали имитационную переходную между метафизикой и физикой модель. По ней осуществлялся вход в метафизику естественности и выход к физике хаоса Поднебесной посредством сгущения и разрежения вселенской энергии, воплощаемой и развоплощаемой при этом в телесном, духовной и идеальном качествах под тео-зоо-антропоморфными ликами.

Для обмирщения метафизической совершенной мудрости философы создавали школы по образцу союзов совершенномудрых людей. Они наследовали спиральную графическую модель архетипа естественности и приводили эту модель в действие своими философскими ритмами, танцами и пением в отыскиваемых самими философами ландшафтных природных и социальных центрах. Философские школы интерпретировали архетипический символ, переводя спиральный калейдоскоп его смысловых образов в последовательность словесных понятий. Делали они это для более легкого общения с простыми людьми, хотя, как видно, не добивались желаемого результата. “Мои слова очень легко понять, очень легко им следовать / Но в Поднебесной нет таких, кто бы мог понять, кто бы мог последовать” (§70), – сетовал Лао-цзы, а Конфуций утверждал: “Народ можно заставить руководствоваться этим, но невозможно заставить постичь это” (VIII.9). То же мы наблюдаем у древнегреческих философов: “Эту вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать (ее), и выслушав однажды”¹⁰ (Гераклит); “Род эфемерных преходит, подобно летучему дыму / Только явлениям веря, с коими каждый столкнулся / Всюду блуждая, познать мировое единство надеясь / Но постижимо оно ни зрением смертных, ни слухом / Даже уму недоступно...”¹¹ (Эмпедокл). Эстетический лик символа для толпы обывателей терялся и уходил на задний план сознания. Люди, не собранные в единство архетипической

спиралью и не строящие по ней свой образ жизни, попросту не видели этот символ, а потому их надо было словесно обучать (сюэ), внушать им любовь к мудрости, задавать им центр сознательной ориентации и создавать некоторое подобие органическое единство (новую семью), гарантирующее спасение Поднебесной.

Философия, таким образом, есть только словесно-понятийная ретрансляция и интерпретация архетипического символа естественности, его аналогия, подсказывающая человечеству забытый путь возвращения к гармонии вселенско-космической жизни.

С ретрансляцией совершенной мудрости и фигурой совершенномудрого человека мы и встречаемся в ранних философских текстах.

Совершенномудрый человек в раннем даосизме. Совершенномудрый человек изображен в "Дао дэ цзине" (VI-III вв. до н.э.), приписываемом философу Лао-цзы (VI в. до н.э.), в двух зеркальных ипостасях – метафизического и физического (рационально-эмпирического) субъектов. Границу между метафизикой и физикой Лао-цзы обозначил категорией чан – постоянство. Это генезисная точка покоя мириад вещей, их корень и судьба: "Вещей многое множество, но каждая возвращается к их общему корню. Возвращение к корню называю покоем, покой называю судьбой возвращения, судьбу возвращения называю постоянством" (§ 16). Согласно общепhilosophической концепции космогенеза, постоянство как судьба является еще и природой (натурой) вещей. Все они выходят из постоянства (=корня), наделенные судьбой, и возвращаются в постоянство, завершая спиральный цикл судьбы и исчерпывая весь свой смысл существования. А потому "знание постоянства" Лао-цзы называет "просветленностью" (там же).

Постоянство – это центр, уравнивающий метафизику и физику естественности. Поэтому, кстати, именно постоянство, а не дао или дэ, надо считать центральной и основной категорией даосизма. Все категории только в сопряжении с постоянством приобретают свой абсолютный, законченный смысл и тождественность друг другу в ранге категории первосущего: постоянное дао (чан дао), постоянное дэ (чан дэ), постоянное добро/искусность (чан шань), постоянное неслужение/недеяние (чан у ши), постоянная мера (чан цзу), постоянное сердце-разум (чан синь), постоянное бесстрашие (чан у юй) и т.д. По одну сторону от постоянства располагается метафизика, представленная идеально-мыслительным беспредельным (у цзи), духовной простотой (пу) и органическим (но дотелесным) бесполо-двуполым младенцем (ин эр). В совокупности эта триада образует нерасторжимое тождественно-единое начало (юань). По другую сторону от постоянства находится физика, представленная раздвоенным качеством мыслительного белого и черного, духовного славного и бесславного и физического женского и мужского. Эти противоположности образуют многое. Им недостает среднего звена, чтобы составить триаду как исходную символическую конструкцию вхождения (возвращения) в гармонию естественности. Таким звеном Лао-цзы утверждает само единое, которое из метафизической тьмы сквозь постоянное дао (чан дао) излучается к человеку в виде света-разума (мин) и света-тела (гуан). Человек озаряется и просвещается этим излучением и усматривает границу постоянства (овладевает постоянным дао) (§ 52). Образовав телесную, духовную и идеально-мыслительную триады, что вместе составляет триадно-тройственный символ, человек приобретает способность обратного движения – из физики многого в метафизику единого. В эту сторону проводником ему служит постоянное дэ – обратная сторона постоянного дао (§ 28).

Движение света-разума и света-тела из метафизики (небытия) в физику (бытие) и обратно есть не что иное, как встречные (обратные – фань) пото-

ки энергии, приводящие к функционированию *дао* естественности на минимальных затратах: "Обратность (*фань*) – движение *дао*, слабость – функция *дао*. Мириады вещей Поднебесной рождаются в бытии, бытие рождается в небытии" (§ 40). Совершенномудрый человек заземляет этот энергетический ток на ландшафт Поднебесной. Именно он задает телесное, духовное и идеально-мыслительное воплощение вселенской энергии под ландшафтными видами первопредка, человека и вещи и способствует их развоплощению в исходную энергетическую пустоту. Совершенномудрый не смог бы этого сделать, если бы его деятельность не подхватывал его земной аналог – философ. Философ открывает врата в физический мир Поднебесной и совершенномудрый входит в ее хаос.

В отсчете от постоянного *дао* мир Поднебесной утроен, а значит и множествен, о чем Лао-цзы говорит в первом же параграфе "Дао дэ цзина". Два *дао* (*дао* и *дао*) отрицают в себе постоянное *дао*. Одно *дао* называется небытием (*у*) и выполняет функцию начала Неба и Земли. Другое *дао* называется бытием (*ю*) и выполняет функцию начала мириад вещей. В сопряжении с постоянством небытие (*чан у*) открывает созерцание глубинной тайны небесно-земного мира Поднебесной и имплицитно мистериальную разработку *дао* в даосизме. Постоянное бытие (*чан ю*), напротив, открывает созерцание структурной оформленности этого мира и имплицитно спекулятивную философскую разработку *дао*. То и другое *дао* в тождестве (*тун*) суть первоначала (*юань*) и в нетождестве (раздвоении тождества) они тоже суть первоначала (*юнь чжи ю юань*). Это триединое первоначало, тождественное и нетождественное в самом себе и самому себе, открывает врата тайны всего гармонично обустроенного множества вещей Поднебесной.

Однако мир Поднебесной находится в состоянии хаоса, он не центрирован и в нем ведется "война всех против всех". В целях спасения этого мира совершенномудрый вступает в него и врастает как в свой собственный организм, имея за собой гарантию гармонии метафизики естественности. Прежде всего совершенномудрый устраняет искусственно созданные цивилизационные помехи. В предельных пространственно-временных масштабах это конфуцианское *жэнь* – человеколюбие. "Человеколюбие – это и есть (суть) человека" – говорит конфуцианский памятник "Чжун юн" ("Следование середине", ок. IV в. до н.э.)¹². Корень человеколюбия кроется в семейных отношениях почитания родителей и старших братьев (*сяо ти*), распространяемых на все социальные связи. Согласно же естественности, ни совершенномудрые люди, ни Небо и Земля не соотносятся через человеколюбие и позволяют вещам и всем родам человеческим жить естественной жизнью как растения и животные (буквально "как трава и собаки") (§ 5).

Вторая помеха – это человеческие деяния (*вэй*), творчество (*цзо*), соперничество (*ицжэн*). Совершенномудрый утверждает недеяние (*у вэй*), саморазвитие (*цзы хуа*) и несоперничество (*бу чжэн*) в опоре на естественность вещей: "Совершенномудрый человек страдает бесстрастия, не ценит трудно добываемого богатства, учит неучение... опирается на естественность мириад вещей и не смеет деять" (§ 64).

Третья помеха – искусственно созданные, непомерно разросшиеся и постоянно враждующие государства с их чиновничьим аппаратом, судом, армией. Совершенномудрый предлагает распустить государства и позволить этносам занять свои исконные родовые территории с тем, чтобы восстановить естественный ландшафт и обеспечить здоровую экологию ойкумены (§ 80). Но совершенномудрый преследует не только эту цель. В процессе расселения по родовым площадкам (*ту*) этносы восстанавливают родовые генеалогии и воссоздают ландшафтную генетическую спираль, изоморфно по-

вторяющую вселенско-космическую спираль архетипа дао естественности. Этносы вырастают в ландшафт горизонтально и вертикально. Они образуют объемы, в которых возрождается гармоничная спиральная пульсация и трансформация энергии *инь-ян*.

При таких условиях создается возможность единения разрозненного множества мириад вещей Поднебесной, что и делает совершенномудрый. Он "берет одно-единое за образец для Поднебесной" (§ 22) и сам тоже вырастает в нее как ее же собственное дитя, превращая ее в органический аналог метафизического единого. Главное при – этом внести в каждый род единую энергетическую ритмику, передаваемую сердечной пульсацией, и усмирить хаос. Поэтому "совершенномудрый человек не имеет постоянного сердца и сердца ста родов человеческих делает (одним) сердцем... Когда совершенномудрые люди находятся в Поднебесной, (они) ради Поднебесной вдыхают хаос своим сердцем, и все совершенномудрые люди становятся ее детьми" (§ 49). "Именно совершенномудрый человек есть тот, кто делает всеобщим тело Поднебесной, кто делает всеобщими вещи Поднебесной"¹³.

Интеллектуальное знание, построенное на фиксации противоборствующих сторон эмпирического множества, порождает противоречивые суждения и вносит сумбур в умы людей. Во избежание умственного хаоса совершенномудрый задает свою гносеологическую максиму: "Знание не-знания – вот высшее" (§ 71). Соответственно, он научает не-науке и ведет учение без слов (§ 64, 22).

Все его управление (*чжи*) Поднебесной сводится к "опустошению сердца" и "ослаблению воли" (§ 3). В пустоте человеческого сердца начинает пульсировать вселенская энергия (единое сердце Поднебесной), а ослабление воли устраняет страсть к искусственно развитым потребностям и направляет человека к бесстрастному духовному естеству (*пу*) (§ 37).

Таким образом, в даосистской мировоззренческой культуре дао философу и философии предшествуют совершенномудрый человек и совершенная мудрость. Однако совершенная мудрость не является творческим изобретением совершенномудрых людей. Они наследуют опыт биосоциальной нерасчлененности рода и природы, т. е. опыт абсолютного мифа. В свою очередь род и миф восходят к естественности, покоящейся на вселенской пустоте-энергии. Род есть спонтанное планетно-ландшафтное произведение самостной природы. После его деформации миф, как архетипический слепок рода, получает сознательную интерпретацию и теоретико-практическую направленность. Совершенномудрые перенимают в мифе архетипическую спираль самостной природы и в перспективе дальнейшего разрастания хаоса сохраняют ее в схематизированном (консервированном) виде. Тем самым они делают ее доступной для дальнейшей интерпретации в любой знаковой системе. Совершенномудрый человек – это временный тип субъекта, который с окончательным разрушением рода исчезает с природно-социальной арены. Совершенномудрым наследуют философы, они по разному используют завещанную им архетипическую спираль. Даосисты воссоздают на ней ландшафтный организм и ищут пути спасения от хаоса посредством возвращения к естественности. Конфуцианцы социализуют эту спираль, размещают на ней семью, превращают ее в государство и ищут пути спасения от хаоса посредством сознательного расширения дао.

Совершенномудрый человек в раннем конфуцианстве. При общей ориентации на идеалы прошлого в даосизме и конфуцианстве фигурирует все-таки разная древность. Даосизм возводит истоки древности к вселенской энергии, конфуцианство – к началу человеческой истории в лице совершенных правителей: соответственно, в даосизме дао имеет космогенное происхождение, в конфуцианстве антропогенное. Конфуцианское дао рождается из человеколюбия (*жэнь*). Корень его питается почвой семейных отношений почитания ро-

дителей и старших братьев (сяо ти), культивируемых благородным мужем (цзюньцзы) (I.2.). Этот благородный муж появляется на социальной арене как новый тип чисто человеческого субъекта (он не имеет теоморфных и зооморфных атрибутов) нового и тоже чисто человеческого дао. Последнее расширяется человеком (XV.29) в настоящем, а значит, и в прошлом и в будущем. Вместе с расширением дао и древности, или древнего дао, охватывающего таким образом все три хронологические вехи, утраивается и фигура совершенномудрого человека, а потому в конфуцианстве фигурируют три вида совершенномудрых людей – прошлого, настоящего и будущего.

Совершенномудрые люди прошлого – это первые совершенные правители Поднебесной (Баоси, Шэньнун, Хуанди, Яо, Шунь, Юй и другие), встроенные в спиральную архетипическую систему, например, в наборе трех и пяти – Трех Царей и Пяти Владык. Они объективируют постоянно закладываемые в них новые моральные и политические идеи конфуцианства и в качестве незыблемых и имманентных человеку идеалов преподносятся Поднебесной.

Конфуций, открывший эру антропогенного дао, еще сам, как он считал, не вошел в роль совершенномудрого и человеколюбивого человека: “Уподобиться совершенному, да еще обладающему человеколюбием, – разве я посмею?” (VII.34). В линейной последовательности истории Конфуций отчетливо сознает дистанцию между ним и совершенномудрыми людьми прошлого – последние попросту уже умерли, их нет: “Учитель сказал: “Что касается совершенномудрого человека, то мне не удавалось видеть такого. А вот что касается возможности увидеть благородного мужа, то это осуществимо”” (VII.26). Однако они не умирают мировоззренчески и как великие предки и родоначальники цивилизации размещаются в небесной выси социоприродного космоса. Конфуций не может воспринять завещанное совершенномудрыми от кого-то из них в отдельности. Он мессия, его знает только Небо и потому только от Неба он может воспринять и воспринимает совершенную мудрость: “Первый министр спросил у Цзы Гуна: “Учитель совершенномудрый! Откуда в нем так много способностей?” Цзы Гун ответил: “Именно Небом ниспослано ему стать совершенномудрым. Отсюда и многие способности”” (IX.6).

Совершенномудрый человек будущего еще только ожидается, но его идеальный образ активно используется в конфуцианском учении. Ожидание совершенномудрого включается в дао благородного мужа по познанию человека: “Дао благородного мужа состоит в том, чтобы... ожидать прихода совершенномудрого человека через сто поколений и не испытывать тревоги – это познание человека”¹⁴. Вместе с тем формируется и собственно дао совершенномудрого человека, в котором кодируются поведенческие ритуалы и нравственные нормы конфуцианства. Для его осуществления наряду со знанием того, что такое человек, нужны еще особые достойные люди, т. е. конфуцианцы, обладающие совершенным Дэ: “Если нет (людей) с совершенным дэ, не осуществится и совершенное дао”¹⁵.

Итак, в конфуцианстве совершенномудрый человек и совершенная мудрость тоже предшествуют конфуцианскому благородному мужу и его дао. Родовой образ совершенномудрого человека становится идеалом совершенного человека, который видится в прошлом и будущем. В лоне хаоса он не рождается и лишь благодаря промыслу Неба совершенная мудрость воплощается в одном человеке – Конфуции (“Именно Небом ниспослано ему стать совершенномудрым”, IX.6; см. также III.24, VII.23, XIV.35). В этом промысле реализуется запрос первопредков о необходимости присутствия их мудрого сына в Поднебесной. Но и, со своей стороны, Конфуций сам подводит себя под небесные критерии совершенномудрого человека.

Судя по фигуре Конфуция, в конфуцианстве творится новый тип совершенномудрого человека аналогично тому, как по спиральной модели архетипа естественности творится новый спиральный архетип конфуцианства со своим алгоритмом развертки элементов, которые наполняются социальными смыслами. Совершенная мудрость предшествует философии конфуцианства, но не как нетронутое рефлексией достояние прошлой эпохи, а как сознательно трансформированная мудрость. К ней не только стремятся – ею владеют, ее в дао расширяют, наполняют новым содержанием, тем самым открывая возможность переделывания истории прошлого и будущего. Фуси, Хуанди, Яо, Шунь и Юй, которые были мифологическими персонажами, в конфуцианстве становятся историческими, политическими, юридическими и нравственными константами.

Совершенномудрый человек в “И цзине”. О совершенномудром человеке говорится в трех комментариях “И цзина” – “Вэнь янь чжуани” (“Комментарии узоров-вэнь и слов-янь”), “Шо гуа чжуани” (“Комментарии толкования триграмм”) и “Си цы чжуани” (“Комментарии приложенных афоризмов”). По преданию, эти и другие комментарии (“Десять крыльев”) “И цзина” созданы Конфуцием. Значительная часть, например, “Си цы чжуани” написана в форме монолога Учителя. Независимо от конкретного авторства, это очевидно конфуцианские тексты. И все же названные три комментария воспроизводят общую ицзиновскую картину деятельности совершенномудрых.

“Вэнь янь чжуань” дает одно из определений совершенномудрого человека: “Знающий приходящее и уходящее, жизнь и смерть, и не теряющий в себе прямоты – вот кто такой совершенномудрый человек”¹⁶. Согласно “Шо гуа чжуани”, именно совершенномудрые являются авторами графической системы перемен. Цель их состояла в согласовании небесной судьбы (*мин*) и человеческой природы (*син*)¹⁷. Духовным прообразом для графических систем триграмм и гексаграмм им служит космос с его спиральной генетикой перемен: “Небо рождает духовную вещь, совершенномудрые люди берут ее за эталон. Небо и Земля творят метаморфозы и изменения, совершенномудрые люди копируют их. Небо излучает образы, проявляет счастье и несчастье [людей], совершенномудрые люди подражают этим образам. Из [реки] Хэ вышел чертеж, из [реки] Ло вышли письма (земные числовые матрицы перемен. – А.Л.), совершенномудрые люди берут их за образец”¹⁸.

В “И цзине” описывается и метод копирования перемен космоса. В данном случае фигура Баоси замещает весь *инь-янский* состав союза совершенномудрых людей: “В древности Баоси был царем Поднебесной. Смотрел вверх – созерцал образы на Небе. Смотрел вниз – созерцал образцы на земле. Созерцал узоры птиц и зверей и наземный порядок. Близкое (сходное) брал с себя, далекое (различное) брал с вещей. С этого начал создавать восемь триграмм, чтобы проникнуть в просветленное духом да, чтобы классифицировать свойства мириад вещей”¹⁹. Отобразив сокровенную суть Поднебесной в графических символах, совершенномудрые озвучили спираль 64 гексаграмм в афоризмах и завещали все это философам. Последние на этой объемной системе стали основывать свои идеи.

Учения раннего даосизма, конфуцианства и “И цзина” показывают, что совершенная мудрость по своему строению является схематизацией энергетической генетической спирали естественности. Совершенная мудрость превращает эту спираль в структурно-функциональный архетип – органический механизм телесного, духовного и идално-мыслительно воплощения и развоплощения вселенской энергии. Применительно к земному ландшафту данный взаимообратный процесс осуществляется в теоморфной, антропоморфной и зооморфной формах.

Совершенная мудрость предшествует философии и служит основой развертки ее идей, логики мышления и форм суждения. Философия исходит из совершенной мудрости, каждая ее школа выстраивает свою структурно-функциональную парадигму и таким образом идентифицирует себя и сознает свое отличие от других школ. При возвращении к совершенной мудрости все школы обнаруживают свое генезисное и идейное (общая идея спасения Поднебесной) родство.

Близнецовая зеркальность элементов спиралей философских парадигм, алгоритм их слияния в центре и получение галереи *инь-янских* символов дает способ философского овладения вселенской энергией. Эти символы по алгоритму тех же спиральных парадигм превращаются в философское слово, являющееся носителем духовного энергетического потенциала²⁰.

Таким образом, выделение совершенной мудрости в переходном от "мифа к логосу" мировоззрении в качестве особого идейного образования объясняет генезисные, онтологические и гносеологические параметры философии. Совершенная мудрость выявляет и практическую полезность философии (а греки называли философию "самой бесполезной наукой"): философские категории, построенные по структурной парадигме, производной от спирального архетипа дао естественности, трансформируют вселенскую энергию в энергию духовную и делают ее доступной человечеству. Однако, надо специально подчеркнуть, что это осуществимо только через спиральные конструкции архетипа дао и его философские парадигмы и только философами – людьми, обладающими особой срединной природой, соответствующим этосом добра и имеющими собственные школы учеников и последователей.

1. Лунь юй (Беседы и суждения). II.23. Далее при ссылках на "Лунь юй" непосредственно в тексте римскими цифрами указывается номер главы, арабскими — номер параграфа.
2. См.: Лукьянов А.Е. Понятие философии у древних китайцев // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С. 135-140.
3. См.: Он же. Цивилизация палингенезиса в даосизме // Там же. 2000. № 5. С. 154-168.
4. Дао дэ цзин (Канон дао и дэ). § 25. Далее при ссылке на "Дао дэ цзин" непосредственно в тексте указывается номер параграфа.
5. Чжун юн (Следование середине). § 20.
6. Юань Кэ. Чжунго гудай шэньхуа (Мифы Древнего Китая). Пекин, 1985. С. 39.
7. Си цы чжуань (Комментарий приложенных афоризмов). Б.2.
8. См.: Хуайнань-цзы (Философ из Хуайнани) // Чжу цзы цзи чэн (Собр. соч. всех философов). Т. 7. Шанхай, 1986. С. 37.
9. Си цы чжуань. А.2.
10. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А.В. Лебедев. М., 1989. С.189.
11. Семушкин А.В. Эмпедокл. М., 1994. С. 225.
12. Чжун юн. § 20.
13. Ле-цзы // Чжу цзы цзи чэн. Т. 3. С. 85.
14. Чжун юн. § 29.
15. Там же. § 27.
16. Вэнь янь чжуань (Комментарий узоров-вэнь и слов-янь). § 2.
17. Шо гуа чжуань (Комментарий толкования триграмм). § 2.
18. Си цы чжуань. А.11.
19. Там же. Б.2.
20. См.: Шо гуа чжуань. § 5-6.

Обществе российско-китайской дружбы

Торжественное заседание, посвященное 80-летию Компартии Китая

27 июня 2001 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось торжественное заседание, посвященное 80-летию со времени создания Коммунистической партии Китая, организованное Обществом российско-китайской дружбы и Институтом Дальнего Востока РАН. В заседании приняли участие Председатель Правления ОРКД, член-корреспондент РАН, директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко, Почетный Председатель Правления ОРКД, академик РАН С.Л.Тихвинский, ученые-китаеведы — сотрудники Института, активисты Общества российско-китайской дружбы, ветераны, участвовавшие в освободительной борьбе китайского народа и в мирном строительстве в КНР. В заседании также приняли активное участие Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ У Тао и сотрудники китайского посольства.

Торжественное собрание открыл М.Л.Титаренко. В своем вступительном слове он охарактеризовал основные этапы истории КПК, отметив значение для победы Компартии Китая в 1949 г. и перехода к строительству нового Китая помощи со стороны ВКП(б)/КПСС, а также особенности взаимодействия партий в разные периоды. М.Л.Титаренко особо остановился на успехах политики реформ, получивших название "китайского чуда", подчеркнув, что в России искренне радуются успехам Китая и поступательному развитию российско-китайских отношений, набирающему в последнее время новый темп. Он подчеркнул, что ИДВ РАН и Общество российско-китайской дружбы уделяют большое внимание истории КПК, особенно опыту политики реформ в КНР, и просил Посла КНР в РФ У Тао передать слова приветствия китайскому народу по случаю юбилея Компартии Китая.

С докладом, посвященным 80-летию образования КПК выступил заместитель руководителя Центра исторических и политических исследований Китая, доктор исторических наук, профессор А.М.Григорьев (расширенный вари-

ант выступления М.Л.Титаренко и доклада А.М.Григорьева публикуется в виде совместной статьи в этом номере журнала).

На собрании выступил также Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао. Поблагодарив организаторов собрания и его участников, он сказал, что совместное празднование юбилея КПК рассматривают в Китае как праздничный подарок российских друзей.

Кратко осветив основные этапы развития КПК и задачи, которые решала партия в прошлом, Посол У Тао особо остановился на итогах политики реформ и открытости Китая внешнему миру и новых задачах, которые стоят перед КПК и КНР в наступившем новом веке, на вызовах новой эпохи, которые несет глобализация.

В заключительной части речи Посол У Тао подчеркнул, что в последние годы между КНР и Россией установились равноправные, доверительные отношения стратегического партнерства, что по характеру отношений между нашими странами наступивший период — самый благоприятный в истории российско-китайских отношений. Посол КНР выразил уверенность, что визит в июле с.г. в Москву Председателя КНР Цзян Цзэминя и подписание им и Президентом РФ В.В.Путиным Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заложит еще более прочные основы для передающейся из поколения в поколение китайско-российской дружбы.

Научная жизнь

Двенадцатая международная конференция

27-28 июня 2001 г. в Москве состоялась 12 международная конференция "Диалог в Корее и позиция заинтересованных государств", организованная ИДВ РАН и Центром Азиатско-Тихоокеанских исследований Ханьянского университета (Сеул, Республика Корея).

Традиция проведения подобных совместных мероприятий возникла еще до установления дипломатических отношений между СССР (Россией) и РК и с самого начала обрела форму симпозиума, на котором специалисты двух стран могли вести свободный обмен мнениями по наиболее животрепещущим вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, положению дел на Корейском полуострове и российско-корейским отношениям. Эти встречи всегда проходили в атмосфере конструктивной научной дискуссии, политической неангажированности.

Нынешнее мероприятие не стало исключением. С российской стороны в конференции приняли участие директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, ученые Центра корейских исследований ИДВ, а также научные сотрудники ИМЭМО РАН, Дипломатической Академии МИД РФ, некоторых органов СМИ. Корейскую сторону представляла делегация ведущих специалистов Ханьянского университета во главе с руководителем Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Ханьянского университета профессором Ли Сын Чхолом.

Форум был посвящен анализу ситуации, которая сложилась на Корейском полуострове после пхеньянского саммита и породила надежду на закрепление позитивной тенденции в межкорейском диалоге. Дальнейшему развитию этой тенденции и отношению к ней со стороны соседних государств было посвящено большинство докладов и выступлений.

Конференция прошла в плодотворной рабочей обстановке. Следует подчеркнуть, что во время научных дискуссий имело место не соперничество российской и корейской точек зрения, а действительно конструктивный обмен мнениями и оценками.

Так, и российские, и корейские докладчики отмечали, что политика новой американской администрации в регионе, строящаяся по принципу "сначала изменения, потом — помощь", противоречит нынешнему курсу южнокорейского руководства, направленному на примирение и воссоединение двух корейских государств. Позиция США по корейскому вопросу нацелена в первую очередь на защиту собственных интересов и укрепление модели "однополярного миропорядка", Интересы региональной безопасности, таким образом, оказываются как бы на втором месте. Воздерживаясь в данном слу-

чае от критики южнокорейского лидера, КНДР демонстрирует понимание той сложной позиции, в которой оказался Сеул.

Отмечалось, что косвенной реакцией на это является и усиление контактов Северной Кореи со странами Евросоюза. Используя европейско-американские противоречия и естественную настороженную реакцию в мире на экспансионистскую линию Буша, КНДР сейчас стремится по-своему лавировать между Китаем и Европой — так же, как ранее она пыталась лавировать между Китаем и США. В настоящее время это, безусловно, оправданно, так как вследствие засухи весны-лета 2001 г. перед Северной Кореей вновь маячил призрак неурожая, шансы же получить продовольственную помощь из прежних источников стали значительно слабее.

Тем более что, как указывали некоторые участники конференции, взаимоотношения между двумя корейскими государствами и Китаем также не безоблачны. Наблюдается определенная тенденция со стороны КНР к проведению более взвешенной политики в отношении Северной Кореи. Хотя для Китая корейская проблема, особенно вопрос присутствия на полуострове иностранных войск, является наиболее острой в качестве части общей китайско-американской политической игры, для властей КНР, как считают некоторые российские эксперты, вопрос об объединении двух Корей на сегодняшний день неактуален.

В отношении Японии было отмечено, что она, как и Россия, имеет меньше возможностей, чем США и Китай, влиять на ситуацию на полуострове. Причиной тому являются как достаточно прочное ее сотрудничество с Соединенными Штатами, так и десятилетний период экономической стагнации этой страны, подрезающий возможности упрочения ею своих позиций на Корейском полуострове. Позиция Японии в отношении межкорейского диалога и осуществляемая ею политика направлены на поддержание статус-кво медленного и мирного процесса примирения и воссоединения двух корейских государств, который займет не пять и даже не десять лет.

Все эти обстоятельства свидетельствуют, что роль России на Корейском полуострове остается значительной, несмотря на то, что перспектива объединения двух Корей затрагивает ее интересы в меньшей степени, чем Японии или КНР. Ее позиция сводится к "ограниченной вовлеченности" и ставке на сотрудничество в экономической и культурной сферах. Существует достаточное количество двусторонних и трехсторонних проектов, способных с помощью России увеличить экономическое благосостояние двух корейских государств и значительно упрочить в результате ее позиции на полуострове. Собственно, даже сам факт проведения данной конференции, подчеркивали ее южнокорейские участники, указывает на то, что в научных кругах РК по-прежнему наличествует стремление продолжать сотрудничество с российскими коллегами.

Участники конференции пришли к единодушному выводу о целесообразности расширения формата встреч и проведения их с участием большего количества специалистов, возможно, с привлечением также представителей деловых кругов. Достигнута договоренность об издании сборника, куда были бы включены наиболее значимые "пророческие" материалы и выводы всех прошедших двенадцати конференций.

VII Всероссийская научная конференция "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация"

28-29 мая 2001 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла очередная, седьмая по счету ежегодная научная конференция, посвященная проблемам философии Восточной Азии и ее связи с развитием мировой цивилизации. Наряду с представителями научных учреждений и высших учебных заведений России в ней приняли участие востоковеды Украины и Польши.

Конференция была открыта руководителем Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН профессором А.Е. Лукьяновым. Был зачитан текст доклада директора ИДВ РАН, члена-корреспондента РАН, профессора М.Л. Титаренко "Глобализация: проблемы становления глобальной цивилизации и взаимоотношений цивилизаций западного и восточного типа". В докладе было отмечено, что глобальная цивилизация как совокупный мировой опыт взаимоотношений человека, общества и природы не может подменить локальных цивилизаций – региональных, гетерозидемичных, формирующихся на основе одного или группы родственных этносов. Глобализацию нельзя представлять как синоним вестернизации. Альтернативой той версии "глобализации", которая, по сути, "воплощает в самых крайних формах дух империализма" и ведет к войне цивилизаций, является восходящая к русскому евразийству 20-х годов установка на "диалог и взаимодействие культур... на основе принципов симфоничности, соборности, сосуществования, взаимодействия, сотрудничества и взаимной учебы". Рассмотрев принятые в разных странах Востока стратегии приспособления к "глобализации", предусматривающей преимущества для развитых стран западных цивилизаций, автор доклада делает вывод о том, что "глобализация должна интерпретироваться как создание общества ноосферы – общества разума и нравственности, всемирной сокровищницы культуры, а не ее суррогата".

В выступлении В.Ф. Феоктистова (ИДВ РАН) "Нужны ли новые переводы "Лунь юя"?"" были указаны факты несамостоятельности, эпигонства в выходящих ныне массовыми тиражами переводах конфуцианской классики. В.Ф. Феоктистов призвал синологов к научной добросовестности и корректности при опубликовании новых переводов: не стесняться признавать, что публикуемый текст является новой редакцией давно известного перевода, снабжать перевод подробными комментариями, четко артикулировать, в чем переводчик видит новизну своей трактовки и ее отличия от предыдущих. Сообщение Л.С. Переломова (ИДВ РАН) "Трактовка Дао в работах Чэнь Лифу" познакомило участников конференции с толкованием, которое видный идеолог Го-миньдана и знаток конфуцианских канонных Чэнь Лифу дал основополагающему для китайской мысли термину *дао* на основе его употребления в конфуцианском "Четверокнижии". Он интерпретировал эту категорию посредством понятий "справедливость" (*и*), "искренность" (*чэнь*), "человеколюбие" (*жэнь*),

“середина” (*чжун*) и “практика”, привлекая разъяснения, которые давались лидерами Гоминьдана Сунь Ятсеном и Чан Кайши.

Значительная часть выступлений была посвящена отдельным проблемам традиционной китайской философии и культуры. А.И. Кобзев (ИВ РАН) посвятил свой доклад “Ли Чжи: мятежная философия “детского сердца”” самобытному философу XVI в., который построил свою систему взглядов и собственную жизнь на принципах последовательного нонконформизма. Исходя из императива “младенческого сердца” (*чи цзы чжи синь*), восходящего к классике конфуцианства Мэн-цзы, Ли Чжи отождествил “детское сердце” (*тун синь*), прежде ассоциировавшееся с глупой инфантильностью, с “источником самой первой мысли”, намеренно сближаясь с оппозиционными конфуцианству даосизмом и буддизмом. В докладе рассмотрены биография, взгляды и исторические судьбы учения Ли Чжи. Польский синолог П. Гибас (Варшавский университет) сделал сообщение на тему “Летопись “Чунь цю” и ритуальное значение времени в период Чуньцю”, в котором приписываемая Конфуцию древняя летопись, вошедшая в число конфуцианских канонов, интерпретируется как изначально ритуальный текст, содержащий сообщения духам предков во время совершения надлежащих гадательных и жертвенных церемоний и лишь впоследствии приобретший универсальное дидактическое значение. Это его предназначение – фиксировать своевременность или несвоевременность событий (т.е. их соответствие или несоответствие велениям Неба) – объясняет состав и стилистику текста, а также датирование событий, изменение или опускание дат в соответствии с ритуальными правилами. А.Б. Калкаева (ИДВ РАН) сделала сообщение о концепции природы человека в философии мыслителя II в. до н.э. – начала I в. Ян Сюна и ее интерпретации в эпоху Сун (960-1279), показав, как одна и та же идея амбивалентности природы человека спустя тысячелетие была по-разному истолкована для обоснования положений конкурировавших философских течений. Доклад Э.Н. Каурова (Астрономическое общество) “Великий предел и созвездие Дракона в философском аспекте культуры Дао” посвящен проблеме астрономо-астрологической экспликации понятий *Тай цзи* (“Великий предел”), *Тай и* (“Великое единое”) и т.п., а также образа дракона в древнейшей китайской культуре, которые Э.Н. Кауров связал с видом звездной структуры созвездия Дракона. А.О. Милянук (ИСАА) рассказал о разных подходах к культуре питания в традиционном Китае в контексте “искусства вскармливания жизни” (*яншэншу*), А.В. Савин (РУДН) в докладе “Прагматизм китайской мудрости и учение чань” сосредоточился на обосновании трактовки чань-буддизма как репрезентанта китайской ментальности. С.А. Горбунова (ИДВ РАН) выступила с сообщением о специфике религиозной организации китайского буддизма. В докладе А.Е. Лукьянова (ИДВ РАН) “Философские взгляды Ли Бо” было показано, как в творчестве и самосознании великого китайского поэта VIII в. преломлялись архетипические устои китайской культуры, китайская мифология, представления даосизма и конфуцианства об устройстве мироздания.

Два выступления были посвящены проблемам текстологии древнекитайских памятников. Л.И. Головачева (ИВ НАН Украины) в сообщении “Конфуций об утверждении единомыслия, о двусмысленности и инакомыслии” продемонстрировала свой метод нетрадиционного прочтения текста памятника “Лунь юй”, содержащего высказывания основоположника конфуцианства. По ее мнению, широко допускавшийся в древности способ замены ключевых знаков в иероглифах позволяет увидеть в известных канонических текстах новые пласты смыслов. Методологически примыкает к докладу Л.И. Головачевой сообщение З.Г. Лапиной (ИСАА), в котором обосновывается тождество структур

культуры, творчества, искусства и совершенствования человека в китайской традиции. С этой целью З.Г. Лапина подвергла анализу отдельные иероглифы и пассажи “Лунь юя” с точки зрения передачи ими представлений об универсальных структурах мироздания.

Ряд докладов касался вопросов методологии традиционного знания в Китае, связанных с применением нумерологических схем. Н.Ю. Агеев (ИВ РАН) на основе анализа ицзинистской литературы и комментаторских приложений – “Десяти крыльев” – памятника “Чжоу и” рассмотрел происхождение одной из наиболее часто применяемых в китайской культуре нумерологических конструкций – 12 гексаграмм “убывания и роста” (*сяо си гуа*). П.М. Кожин (ИДВ РАН) продолжил рассмотрение подобной проблематики, выступив с докладом о пространственно-ориентационных и числовых решетках как рабочем инструменте традиционной китайской науки со времен гадания на костях животных и черепаших панцирях, в котором аналогичные структуры использовались в рамках мантического классификационизма. С нумерологической тематикой было сопряжено также выступление Н.Ю. Агеевой (ИВ РАН) “Западная общественно-политическая мысль сквозь призму традиционной китайской науки”, в котором рассказывалось о попытках Хань Синьчжая, одного из идеологов китайского реформаторства конца XIX – начала XX в., интерпретировать понятия европейской гуманитарной науки в гексаграммах “И цзина”.

Тенденция к широким культурологическим обобщениям отличает доклады Л.И. Кондрашовой (ИДВ РАН), К.И. Шилина (ИСАА), В.Б. Курносовой (ИСАА), С.И. Королева (Московский Институт исторической антропологии) и А.Г. Юркевича (ИДВ РАН). Л.И. Кондрашова в сообщении “Лао-цзы и современные поиски “новой идеологии”” показала, что идеология основоположника даосизма Лао-цзы по отношению к природе альтернативна концепции техногенной цивилизации, а по отношению к свободе личности и роли власти альтернативна традиционной цивилизации и бюрократическому государству. Историческое поражение этой идеологии означало победу традиционной цивилизации, а в настоящее время она может помочь поискам альтернативного социального устройства с принципиально иными взаимоотношениями между природой и человеком. К.И. Шилин, выступивший с докладом “Россия – Индия – Китай: стратегическое партнерство во имя творчества культуры мира”, настаивал на том, что триединство “Россия – Индия – Китай” представляет собой ту “критическую массу, которая сможет... изменить общую ситуацию в мире”. России в этом триумвирате отводится роль источника стратегии “нового”, которое, опираясь на исторический опыт культур Востока, ассимилируя и гармонизируя опыт цивилизации Запада, призвано вывести человечество на качественно иной уровень “культуры творчества жизни”. В.Б. Курносова в выступлении на тему “Философия в рамках культуры, ориентированной на канон”, сопоставив традиционные способы философствования в европейской (схоластика) и китайской (“учение о принципе” – *ли сюэ*) мысли, указала как на их принципиальные различия, так и на типологическое сходство (господство ортодоксии и ориентация на корпус канонических текстов), обусловившее похожесть исторических судеб этих традиций. С.И. Королев поделился своими соображениями об идейных аспектах национального информационного потенциала. А.Г. Юркевич в докладе “К вопросу об “эзотеризме” и “эзотерике” в китайской культуре” провел параллели между господствующими тенденциями современного общекультурного мировоззрения на Западе и мировоззренческими доминантами китайской традиционной культуры. По его заключению, манифестацией этих параллелей можно считать мировоззренческие и философские характеристики такого идейного явления, как “эзотеризм”, теософско-

антропософские выражения которого представляют лишь верхушку “айсберга” – комплекса явлений культуры, свидетельствующих о коренном изменении культурной парадигмы цивилизации Запада.

Истории российского китаеведения были посвящены выступления А.В. Ломанова (ИДВ РАН) и А.Н. Хохлова (ИВ РАН). А.В. Ломанов ознакомил присутствовавших с оценками, которые в XIX – начале XX в. давали перспективам развития китайской культуры и христианизации Китая российские православные миссионеры. Сведения, приведенные в данном докладе, заставляют во многом пересмотреть сложившееся в исторической науке представление о якобы традиционно индифферентном отношении иерархии Русской Православной Церкви к проповеди Евангелия в Китае. А.Н. Хохлов в своем выступлении привел малоизвестные высказывания крупного российского китаеведа Д.М. Позднеева о причинах “антифоренизма” (антииностранных настроений) участников восстания ихэтуаней (1899-1901), спровоцированного экспансионистской политикой держав.

Не были обойдены выступавшими и проблемы современной китайской мысли и культуры, которые затрагивались главным образом представителями ИДВ РАН. О.Н. Борох осветила дискуссии китайских ученых по проблеме “моральной философии” в контексте концепции рыночной экономики. Т.В. Шайкова рассмотрела позицию китайского философа Дин Цзи относительно проблемы соотношения “миросозерцательной философии” и “научной философии” в перспективах развития китайской философской традиции. В выступлении В.Н. Усова были показаны тенденции в освещении “культурной революции” китайской исторической наукой в 80-90-е годы XX в., изменения в трактовке этих событий и роли в них отдельных руководителей КПК и КНР, в частности Чжоу Эньлая. А.Н. Желоховцев в своем докладе привел оценки китайской литературы 90-х годов XX в. литературоведами Пекинского университета, отметив существование в Китае разных литературоведческих позиций, наплыв западных идей и теорий в китайскую литературную критику. Выступление В.С. Кузнецова было посвящено доктрине и религиозной практике распространенной на Тайване синкретической секты Тяньди цзяо (“Учение Небесного Владыки”).

Тексты докладов и тезисы сообщений, представленных в оргкомитет конференции, готовятся к изданию Институтом Дальнего Востока РАН в виде отдельного сборника.

© 2001

А. Юркевич,
кандидат исторических наук

Встреча ученых ИДВ РАН с американскими военными

14 июня с.г. состоялась встреча сотрудников Института с большой группой американских офицеров, генералов, адмиралов и ведущих ученых — специалистов в области военно-политических исследований. Возглавлял американскую делегацию, имевшую обширную программу пребывания в России, главнокомандующий Тихоокеанским Объединенным командованием вооруженных сил США адмирал Дэнис К. Блэйр.*

Адмирал Д. Блэйр, выступая перед сотрудниками ИДВ, изложил свое видение ряда вопросов, с которыми сталкивается в качестве главнокомандующего Тихоокеанского Объединенного командования. Своей целью адмирал считает способствование созданию системы безопасности, не требующей применения угрозы силой. Горячие войны, по его мнению, должны уйти в прошлое. Если раньше действовала схема: угрозы — структура — силы — ресурсы, то сейчас нужен другой подход. Естественная конкуренция может находить разрешение без опоры на военный фактор. Территориальные споры также могут решаться дипломатическим путем. По его словам, все нынешние "горячие точки" — это наследие прошлых войн, и нельзя допустить, чтобы они стали причиной новых.

Адмирал Блэйр выразил понимание неизбежности того, что такие страны, как Китай, Индия, Россия, Япония станут со временем более мощными. По его мнению, баланс сил всегда будет иметь место, что предполагает наличие определенных сил сдерживания. Но чем больше мы будем искать решения на пути сотрудничества, тем будет лучше. И США, по его словам, предпринимают некоторые меры в этом направлении. При этом предпочтение отдается многосторонним видам отношений, даже там, где раньше они строились сугубо на двусторонней основе.

Сегодня США в Южной Азии налаживают сотрудничество в области проведения миротворческих операций, борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и преступностью, а также последствиями стихийных бедствий. Взаимодействие в этих областях дает неоценимый опыт для развития сотрудничества в военной сфере.

В заключение своего выступления он поблагодарил ИДВ за большое число подаренных ему книг — трудов Института, сказал, что лично ознакомится с ними (адмирал владеет русским языком), и выразил пожелание, чтобы российскими и американскими учеными была совместно написана общая книга о проблемах безопасности АТР.

* Адмирал Д.К.Блэйр — выпускник Военно-морской академии США. В 1984-1986 гг. был командиром эсминца "Кокрейн", с местом передового базирования на военно-морской базе Йокосука (Япония), в 1993-95 гг. командовал авианосной ударной группой "Китти-Хок". В 1989-90 гг. командовал базой ВМС США в Перл-Харборе. Проходил службу в Объединенном комитете начальников штабов США и в нескольких крупных военно-морских штабах. В 1995-1996 гг. был заместителем директора Центрального разведывательного управления по вопросам военной помощи. Некоторое время служил в аппарате Белого Дома и в группе стратегических исследований. Нынешнюю должность занимает с 20 февраля 1999 г.

Выступивший на встрече директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко осветил по просьбе американской делегации некоторые аспекты ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

АТР в нашем понимании, сказал профессор Титаренко, — это сложная геополитическая структура, куда следует относить не только собственно страны Азии, имеющие выход к Тихому океану, но и те страны, которые имеют здесь жизненно важные интересы. Например, сюда распространяется активное влияние такой крупной державы, как Индия. Наиболее важными субъектами отношений в АТР являются Китай, Япония, Индия, АСЕАН, объединяющаяся Корея, Россия, которую не стоит “хоронить”, как это делает З.Бжезинский. У каждого субъекта, естественно, есть свои интересы. Поэтому нужен своеобразный кодекс поведения ведущих держав региона, основанный на комплексе мер доверия, что отвечало бы задачам соразвития, мира и безопасности.

Пока, считает М.Л.Титаренко, в зоне Тихого океана отмечается отнюдь не “баланс сил”, о котором говорил адмирал Д.Блэйр, а дисбаланс, который увеличивается. Так, только США имеют на Тихом океане в 4 раза больше, чем Россия, надводных кораблей и вдвое больше атомных подводных лодок. По совокупной боевой мощи вооруженные силы США в Тихоокеанской зоне обладают абсолютным превосходством над вооруженными силами всех остальных стран Восточной Азии. Естественно, это обстоятельство не может не тревожить общественное мнение в странах региона.

Все более заметную роль играет в регионе и в мире в целом растущий и развивающийся в демократическом направлении Китай. Китай становится глобальной державой с глобальными интересами, и миру нужно это понимать и принимать. Китай, как и многие страны, весьма обеспокоен стремлением США создать для себя систему абсолютной безопасности. Именно к этому приведет создание системы ПРО театра военных действий, не говоря уже о национальной ПРО. Это поставит в неравное положение такие ядерные державы, как Россия и Китай, да и другие страны, заставит их искать меры противодействия. В результате может начаться новый виток гонки ядерных вооружений.

Однако у России, Китая и США имеются по ряду проблем идентичные или сходные позиции, отталкиваясь от которых можно развивать сотрудничество и взаимодействие. Так, три страны едины в понимании необходимости жесткого противодействия распространению ядерного оружия в АТР и мире в целом.

М.Л.Титаренко затронул еще одну острую проблему АТР, касающуюся ситуации на Корейском полуострове. «Демонизация» Северной Кореи, искусственное создание ей облика изгоя, нарушителя спокойствия в регионе -- крайне непродуктивная политика, не идущая на пользу ни процессу нормализации обстановки на полуострове, ни самим Соединенным Штатам.

Отвечая на вопрос американских гостей о проблеме китайской миграции на Дальнем Востоке, Титаренко заметил, что эта проблема нередко преувеличивается. В основном она имеет отношение к использованию трудовых ресурсов и в этом смысле подлежит регулированию заинтересованными сторонами прежде всего в правовом русле.

Руководитель центра “Россия и АТР” доктор военных наук, профессор, академик Академии военных наук генерал-майор в отставке А.В.Болятко отметил некоторые позитивные тенденции, произошедшие в военной политике США в регионе. Он, в частности, напомнил, что познакомился с адмиралом Д.Блэйром в 1992 г. в ходе совместной работы по установлению нового режима отношений между двумя странами в военной сфере, толчком к которой послужило столкновение под водой американской и советской атомных субмарин. В результате комплекса совместно разработанных мер доверия с тех пор в зоне Тихого океана подобных инцидентов между Россией и США не было, и в этом можно усматривать первый существенный аспект современной обстановки в АТР.

Второй важный аспект обстановки на Тихом океане и в целом в АТР заключается, к сожалению, в развитии тенденции к гонке вооружений и особенно ядерных. При этом военные бюджеты стран региона растут в соответствии с ростом ВВП, а иногда и в опережающем темпе. Ядерное оружие в регионе получили почти все, кто этого хотел. Некоторые страны шантажируют возможностью создания собственного ядерного и других видов оружия массового поражения.

А.В.Болятко выразил также опасение насчет того, что хрупкое равновесие в АТР может быть нарушено резкими односторонними акциями в районах Кореи, Тайваня или созданием крупных новых систем оружия, таких как ПРО ТВД. Такие односторонние акции могли бы инициировать бурную гонку вооружений малых стран региона и перевооружение, в том числе ядерное, крупных стран.

Третий аспект развития обстановки в АТР состоит в том, что мир находится на пороге новой эры развития военно-политических концепций, на пороге революции в военном деле. Реалии военно-политической обстановки в будущем станут более сложными по сравнению с прямолинейной двусторонней конфронтацией периода "холодной войны". Это потребует более тщательного и взвешенного ее анализа со стороны ученых и специалистов всех стран, в том числе многообразных двусторонних и многосторонних встреч и переговоров ученых стран АТР.

Институт Дальнего Востока, сообщил ученый, активно участвует в научных контактах стран региона, особенно в формате диалоговых встреч пяти стран: России, США, Китая, Японии и Южной Кореи. Он также является головным в России в области реализации программы "WFP" — закрытой научной системы компьютерного обмена результатами научных исследований в области безопасности в АТР. В Институте создан компьютерный терминал и начат пилотный этап исследований — сравнительный анализ военных доктрин и стратегий названных пяти стран, подобный анализу доктрин стран Европы. Мы бы приветствовали, сказал руководитель центра, установление прямых связей между Институтом Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанским центром в Гонолулу для рассмотрения актуальных вопросов военной политики и стратегии в регионе.

Старший научный сотрудник центра "Россия и АТР" контр-адмирал запаса Г.Д.Агафонов, констатировав в своем выступлении, что все большее число государств обращает внимание на Мировой океан как на важнейшую кладовую планеты, приобретающую растущую значимость на фоне истощения природных ресурсов на континентах, отметил наличие очень многих нерешенных проблем, связанных с вопросами разграничения морских и океанских странств. Поэтому, по его мнению, нужно заранее быть готовым к возможным конфликтным ситуациям с целью их недопущения или разрешения путем проведения совместных миротворческих операций на море. Особо важна эта проблема для Тихого океана, где много архипелажных государств и почти все страны -- морские. Г.Д.Агафонов считает, что страны АТР запаздывают с оценкой перспектив угроз на этом направлении и с подготовкой к их успешной нейтрализации при необходимости.

В конце встречи американский адмирал поблагодарил дирекцию Института и собравшихся за теплый прием и откровенный разговор и обещал провести тщательный анализ высказанных на этой и других встречах конструктивных предложений и довести их до военного руководства и общественности США. Адмирал Д.Блэйр заявил, что на своем посту он сделает все для того, чтобы сотрудничество между вооруженными силами двух стран крепло и развивалось.

Рецензии

Двадцать экономистов современного Китая: идеи и судьбы

Ли Сянъян. Цзоуцзинь Чжунго цзинцзисюэцзя

(В кругу китайских экономистов)

Шицзячжуан: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2000. 541 с.

В современном Китае об экономистах пишут много. Настолько много, что исследователям все труднее написать об их взглядах что-то новое. Успешное развитие реформ в КНР повышает статус экономической науки, делая экономистов "гордостью эпохи" (предисловие, с.1). Собираательные названия наподобие "четырёх великих актеров" (*сы да миндань*), "семи мудрецов реформы" (*гайгэ ци сянь*) или "четырёх молодых из Пекина" (*Цзинчэн сышао*) приводятся в китайских изданиях без пояснений: считается, что имена входящих в эти группы ученых известны всякому интересующемуся экономикой читателю.

Автор рецензируемой книги попытался найти свой, новый, взгляд на тему, обратившись к персональным биографиям и личным качествам китайских экономистов. Говоря словами самого Ли Сянъяна, он хотел создать "стереоскопические" образы ученых, чтобы читатель мог "понять исторические корни экономических идей этих китайских мудрецов, эпоху, основные составляющие теорий, их влияние на блестящий путь, пройденный экономикой Китая, а также их жизнь, радости и горести..." (предисловие, с.3). Спецификой собранных материалов является то, что значительная часть информации была получена непосредственно от экономистов. При этом каждый из них лично правил рукопись в процессе ее подготовки к печати. Исключение составили только покойный Сунь Ефан и тяжело больной Сюэ Муцяо.

В основу книги положена серия интервью с известными экономистами, публиковавшаяся автором с января 1998 г. в газете "Чжунго гайгэ бао", печатном органе Комитета по реформе экономической системы при Госсовете КНР. Автор, штатный корреспондент газеты, установил своеобразный журналистский рекорд, проинтервьюировав около ста экономистов. Большой успех этих интервью у читателей газеты побудил автора к публикации своих материалов отдельной книгой (судя по предисловию, вышедшая книга с 20-тью интервью будет иметь продолжение).

Авторская концепция книги выстроена вокруг так называемого закона перемещения экономистов с мировой известностью в центры экономического развития. В соответствии с этим "законом" превращение Азии в новом столетии в центр мирового развития естественным образом приведет к тому, что там же сконцентрируются и наиболее знаменитые экономисты. Поскольку Ки-

тай является самой крупной и самой динамично развивающейся страной региона, он "сможет породить самых великих в мире экономистов, достигнуть самых выдающихся результатов в экономической теории" (предисловие, с.2). Мысль о грядущем вкладе Китая в мировую экономическую теорию одним из первых высказал Линь Ифу. Его логика такова: в период экономического лидерства Великобритании (с конца XVIII в. по 30-е годы XX в.) наиболее влиятельными экономистами были англичане, с перемещением центра мирового экономического развития в США там сосредоточились и самые видные ученые¹. Поскольку "в тереме близ воды раньше виден месяц", успех "китайского чуда" также должен сделать китайских экономистов всемирно известными.

Автор искренне надеется на грядущий успех китайских экономистов в мировой науке, включая едва ли не в каждое интервью вопрос о том, когда же, наконец, кто-то из ученых КНР получит Нобелевскую премию по экономике. А пока этот момент еще не наступил, считает Ли Сянъян, нужно поближе познакомиться с китайскими экономистами (эта идея отражена в названии книги) и узнать о них как можно больше. По его мнению, облик и манеры китайских экономистов никому не известны, в то время как "улыбка, голос и внешность некоторых известных западных ученых-экономистов стоят у нас перед глазами". Оказывается, в Китае все знают, что М.Фридмен "небольшого роста и очень сердечный, держится непринужденно и приветливо, умеет говорить и полемизировать"; П.Самуэльсон — "следит за своей одеждой, говорит изысканно, прост в обращении с людьми и благороден"; Дж.Бьюкенен — "высокого роста и крепкого телосложения, с квадратным лицом и румяными щеками"; у Ф.Модильяни — "лоб с залысинами, лицо испещрено морщинами вдоль и поперек"; у Г.Марковица — "такая широкая улыбка, что хочется взять ее в пригоршню"; у Г.Беккера "острый взгляд"; М.Миллер "строг и хладнокровен" и т.п. (предисловие, с.2 — 3).

Такая характеристика облика Нобелевских лауреатов весьма своеобразна, тем не менее, она ярко свидетельствует о популярности в Китае лидеров западной экономической мысли. Для сравнения заметим, что в российских экономических кругах о столь пристальном внимании к облику Нобелевских лауреатов по экономике речь пока не идет. На нынешнем этапе изучения западной мысли не всегда известны даже их имена.²

Книга открывается рассказом о Сунь Ефане, "самом великом экономисте Китая нашей эпохи". Автор подробно и с большим уважением излагает достаточно известные биографические данные и экономические идеи ученого, смещенного в 1960-е годы с поста директора Института экономики АН Китая за "ревизионистские взгляды". Приводится рассказ о том, как заключенный в 1968 г. в одиночную камеру 60-летний экономист ежемесячно повторял свою заученную наизусть книгу "Теории социалистической экономики" объемом более 2 млн. иероглифов. Вспоминая эти годы, Сунь Ефан говорил, что за спасение жизни в тюремных условиях он должен благодарить экономическую науку. О сложности пережитой китайскими учеными ситуации свидетельствует история о том, как в 1975 г. известные экономисты У Цзинлянь и Чжоу Шулянь, критиковавшие Сунь Ефана в период "культурной революции" с "левых" позиций, стали потом перед ним извиняться. На что Сунь Ефан отвечал, что и сам он участвовал в кампании критики видного экономиста Ма Иньчу (с.33).

Хотя Сунь Ефан ушел из жизни на начальном этапе китайских реформ (1983 г.), автор считает, что и ныне "тень" великого ученого присутствует повсеместно. Новым акцентом в изложении научной биографии Сунь Ефана является указание на его призывы к экономистам заняться перспективными темами — изучением западных теорий и математических методов в экономике.

Автор приводит свидетельство главного научного сотрудника Института макроэкономики Госкомитета по планированию развития Хуан Фаньчжана, который вспоминает, как в 1959 г. после окончания Пекинского университета был распределен в Институт экономики АН Китая, где Сунь Ефан предложил ему заняться изучением западной экономической теории. "Я не понимаю западной экономической науки, — сказал Сунь Ефан молодому Хуан Фаньчжану, — но я не хочу, чтобы следующее поколение не знало западной экономической науки" (с. 31). Тогда же Сунь Ефан велел другому молодому ученому У Цзяпэю и заняться экономико-математическими исследованиями. Хотя, на наш взгляд, в этих двух областях заслуги Сунь Ефана весьма скромны, само по себе стремление автора представить изучение западной теории и использование математических методов в экономике в качестве заветов патриарха китайской экономической науки является весьма показательным.

Вторым после Сунь Ефана представителем "четверки великих актеров [на сцене экономической науки]" выступает Сюэ Муцяо (остальные двое — это Юй Гуанъюань и Сюй Дисинь). Его научное мировоззрение, по словам самого Сюэ Муцяо, сложилось в стенах "университета под названием тюрьма". За три года пребывания в гомиьндановской тюрьме Сюэ Муцяо прочитал больше книг, чем читают студенты в университете: он изучил политэкономическую теорию Маркса, "Государство и революцию" Ленина, труды Леонтьева, освоил английский, японский и эсперанто. Вторая возможность для продолжения самообразования появилась в годы "культурной революции", когда Сюэ Муцяо, названный "китайским экономическим советником Хрущева" и "родоначальником ревизионистской статистики", был направлен на перевоспитание в деревню.

Наибольшее внимание автор книги уделяет "золотому веку" научной деятельности Сюэ Муцяо, открывшемуся в 1978 г., после известного пленума ЦК КПК. Ученый призвал к обобщению негативного опыта "большого скачка" (эта тема была в то время запретной) и высказал озабоченность, что сходные ошибки могут повториться. Сюэ Муцяо выступил с критикой идеи ускоренного обобществления и стремления к быстрому достижению нереалистично высоких темпов. По мнению Ли Сяньяна, наиболее значительным экономическим трудом Сюэ Муцяо стала опубликованная в 1979 г. известная книга "Изучение экономических проблем социализма в Китае", в которой на основе обобщения опыта 30 лет экономического строительства ученый пришел к выводу, что в КНР были нарушены объективные экономические законы. Вместе с переизданием в провинциальных книжных издательствах общий тираж этой работы составил 10 млн. экземпляров

В сентябре 1980 г. Сюэ Муцяо впервые предложил внести в документ Госсовета КНР тезис о "товарной экономике", в чем Ли Сяньян видит одну из важнейших научных заслуг экономиста. Хотя приоритет в постановке проблемы принадлежит Чжо Цзюну из провинции Гуандун, в официальный документ понятие "товарной экономики" впервые предложил внести Сюэ Муцяо. После событий 1989 г. ученый не изменил своей приверженности идеям реформы. В июле 1990 г. Сюэ Муцяо выступил на совещании, в котором приняли участие 10 ведущих экономистов страны (Лю Гогуан, У Шучин, Ю Линь, Юань Му, У Цзинлянь и др.). Темой обсуждения было дальнейшее направление реформы — двигаться ли в сторону плана или в сторону рынка. Сюэ Муцяо не только поддержал рыночные реформы, но и написал письмо руководителям страны с критикой тех, кто выступал против курса реформ.

Вместе с тем Ли Сяньян приводит свидетельство неких "авторитетных лиц", вспомнивших, что до "культурной революции" Сюэ Муцяо придерживался крайне левых взглядов, а его теоретические и политические позиции расходились со взглядами Сунь Ефана. Они помирились только накануне смерти Сунь Ефана.

После начала реформ взгляды Сюэ Муцяо сильно изменились, они оказывали большое влияние на решения партии и правительства. Однако, как отмечается в книге, Сюэ Муцяо поддерживал не все предложения китайских реформаторов. Он недвусмысленно выступал против акционирования предприятий и не соглашался с курсом на развитие волостно-поселковых предприятий, называя их "предприятиями на соломенных корнях" (*цаогэнь цие*) (с. 57).

Изложение автором книги взглядов Юй Гуанъюаня (третьего представителя "четверки великих актеров") при всей очевидной уважительности украшено несколькими забавными историями, иллюстрирующими незаурядную многогранность научных интересов и творческую активность ученого. Труды Юй Гуанъюаня составляют несколько десятков миллионов иероглифов, их содержание затрагивает более десяти областей, около 70 направлений — "это редко встречается в современном Китае" (с. 59), библиография его работ занимает более 400 страниц.

В начале 1930-х годов свой путь в науку Юй Гуанъюань начинал с изучения физики. Когда в 1935 г. его преподаватель, профессор университета Цинхуа Чжоу Пэйюань направлялся в США, он взял с собой статью Юй Гуанъюаня по теоретической физике, которую показал Эйнштейну. Автор теории относительности лично внес исправления в статью 20-летнего китайского студента. И в наши дни круг интересов Юй Гуанъюаня остается весьма широким — он возглавляет Китайское общество изучения диалектики природы; ученый выступил одним из первых последовательных противников массового увлечения в КНР явлениями "паранормальных способностей" (*тэи гуннэн*).

Способность ученого быстро включаться в дискуссии по самым неожиданным темам (автор книги лично был свидетелем того, как в 1998 г. на конференции по вопросам стратегии рекламного рынка Китая Юй Гуанъюань, войдя в зал, узнал тему конференции и очень хорошо, со знанием дела и с юмором выступил по этому вопросу) и обилие публикаций дали основание бывшему мэру Тяньцзиня Ху Шаохэну пошутить: "Он способен во время конференции написать статью, он может запомнить твое выступление, также к месту вставить слово, при этом его ручка непрерывно пишет, а после конференции статья уже готова к публикации. Я говорю, что у него паранормальные способности, хоть он и критикует их как проявление лженауки" (с. 84). Секретарь Юй Гуанъюаня также рассказывал, что, бывало, сидя в машине по дороге на конференцию, ученый мог написать 1-2 блестящих статьи.

Главными заслугами Юй Гуанъюаня в области экономики автор книги называет его выступление с систематической критикой экономических взглядов "банды четырех" и подготовку проектов выступлений для 3-го пленума ЦК КПК 1978 г. Еще до пленума он организовал обсуждение проблемы распределения по труду, позднее Юй Гуанъюань инициировал дискуссию о цели социалистического производства. С 1978 г. ученый уделял внимание проблемам экономической реформы, он посетил Югославию, затем исследовал экономическую систему Венгрии. Юй Гуанъюань утверждает, что именно он первым выдвинул в 1980-е годы формулировку "начального этапа социализма", закрепленную позднее в партийных документах. По словам ученого, данная формулировка появилась в результате его настойчивого "стучания кулаком по столу" (с. 78).

Энциклопедизм Юй Гуанъюаня сделал его активным пропагандистом новых направлений экономических исследований, в том числе и междисциплинарного свойства. Еще в 1960-е годы он предложил создать Институт количественной экономики и технико-экономических исследований (он сам придумал это название). Отчасти эта идея родилась у Юй Гуанъюаня в результате ознакомления с работами Дж. фон Нейманна и О.Моргенштерна. После 1979 г. ученый занимался проблемами экономики производительных сил, потребления, образования. Он также основал такие новые направления исследований, как

“экономика национальной территории” (после посещения в 1980 г. Мексики, где уделяется большое внимание планам освоения национальных ресурсов) и “экономика эффективности”.

Фигура Лю Гогуана рассматривается в книге как “связующее звено” (*чэн шан ци ся*) между группами экономистов разных поколений. Он не входит в число “четырех великих актеров”, но при этом он старше и выше по положению популярнейших сегодня в экономических кругах “семи мудрецов реформы” (Дун Фужэн, У Цзинлянь, Ли Инин, Ян Пэйсинь, Сяо Чжоцзи, Сяо Лян и Фан Шэн).

Экономические воззрения Лю Гогуана оказывали прямое влияние на решения в области государственной политики, и потому они затронули интересы различных слоев китайского общества. Хотя многие высоко оценили его идеи, называя их “китайским чудом” и даже “мировым чудом”, но были и недовольные. Лю Гогуан зачитал автору книги пришедшее из провинции письмо со словами: “Рано или поздно ты в Пекине появишься на людях, и тебя угощают арахисовыми орешками” (т.е. пулями) (с. 124). Лю Гогуан исключил наличие у незнакомого ему автора письма личных мотивов для ненависти, отнеся его неприязнь к своим научным взглядам. Экономист сказал, что не боится враждебного отношения к себе, ибо считает себя учеником Сунь Ефана, просидевшего за свою теорию семь лет в тюрьме.

Начиная с первых лет реформы Лю Гогуан писал о ее рыночной направленности. В первой половине 1980-х годов значительный резонанс вызвали публикации Лю Гогуана по проблемам формирования “рынка продавцов”. В ходе исследования моделей экономических систем ученый высказал тезис о том, что необходимы коренные изменения существующей в КНР экономической модели и подверг критике традиционную сталинскую модель централизованной экономики. По мнению автора книги, эти идеи Лю Гогуана внесли “первостепенный вклад” в разработку формулы “государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия” (с.130), ставшей официальной установкой на XIII съезде КПК в 1987 г.

Автор книги подчеркивает, что Лю Гогуан является создателем одной из наиболее авторитетных в экономических кругах школ теории китайской реформы — школы “свободной среды” (Чжао Жэньвэй, Дай Юаньчэн и др.). Представители этого направления выступали за превышение совокупного общественного предложения над совокупным общественным спросом с целью создания конкуренции между товаропроизводителями.

Значительное внимание в научных кругах вызвала разработанная Лю Гогуаном в период “перегрева” экономики КНР концепция “мягкой посадки”. На страницах книги приводится критика ученого в адрес тех людей, которые в 1980-е годы хотели поднять экономику КНР в кратчайшие сроки без учета объективных экономических законов, оправдывая рост цен, сопровождавший “перегрев”, ссылками на теорию “безвредности инфляции”. Лю Гогуан назвал себя “последовательным противником инфляции и роста цен” (с. 122). Его предложения по выводу экономики из “перегрева” без применения крайне жестких мер были успешно применены на практике после 1992-1993 гг.

Вопрос о Нобелевской премии был воспринят Лю Гогуаном с долей скептицизма: по его мнению, присуждение далай-ламе Нобелевской премии мира было “насмешкой”. Тем не менее, ученый признал, что “в теориях лауреатов Нобелевской премии по экономике действительно есть хорошие моменты” (с.125). Лю Гогуан полагает, что получить эту премию китайцам чрезвычайно сложно как вследствие политических предрассудков, так и по причине несоответствия их работ критериям Нобелевского комитета, отдающего предпочтение математизированной экономической науке. Китайские экономисты смогут получить премию лишь в том случае, “если китайская экономическая

наука вестернизируется, встанет на колею западной науки, будет использовать западное мышление, западный язык и западные методы исследования" (с.125). "Если китайская экономическая наука сможет решить проблемы страны, — заключил Лю Гогуан, — она естественно получит мировое признание, и тогда какая разница, будет или не будет получена Нобелевская премия?" (с. 125).

Инициатор реформы собственности и государственных предприятий Дун Фужэн вызвал у автора книги особый интерес: он стал первым китайским экономистом, приглашенным Нобелевским комитетом в качестве эксперта для выдвижения кандидатур на эту престижную премию. С 1989 г. Шведская королевская академия ежегодно направляет ему письменное предложение порекомендовать кандидатуру на Нобелевскую премию.

Авторитет Дун Фужэна среди зарубежных коллег весьма велик. Он неоднократно принимал участие в различных международных конференциях; в 1985 г. в Париже был одним из трех содокладчиков на курсах Института развития Всемирного Банка о реформе экономических систем. Он стал также первым ученым из КНР, которого пригласили принять участие в экономической конференции "трибуна Маршалла" в Кембридже, где собираются известные экономисты. Однако из-за событий 1989 г. намеченная на 1991 г. поездка не состоялась. В 1997 г. он получил награду от правительства Франции.

В 1985 г. Дун Фужэн был приглашенным профессором в Оксфорде, где познакомился с В.Брусом. Ученые пришли к общему мнению о многообразии форм собственности и о смешанной экономике. В 1990-е годы Дун Фужэн совместно с английским ученым из Кембриджа П.Ноланом опубликовал книгу "Сила рынка: дискуссии о Вэньчжоу", а также издал в Англии собственную монографию.

В 1978 г. Дун Фужэн раньше всех выступил с идеей реформы собственности и госпредприятий. Идея реформы госсобственности является ключевой для экономических взглядов ученого. В 1981 г. он предлагал внести в "Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР" фразу об активной роли рынка. Впоследствии его критиковали за это предложение, считая, что оно отражало "югославскую точку зрения" (в те годы югославский самоуправленческий социализм считался в КНР ересью). Многие термины, употребляемые сейчас при обсуждении реформы госпредприятий, впервые были введены в научный оборот Дун Фужэном.

Дун Фужэну принадлежит известное сравнение многоукладной экономики с традиционной китайской "едой из восьми сокровищ" (*бабаофань*): рис в ней — главный компонент, но есть также финики, лотос, и др., в целом образующие это кушанье. По его мнению, социалистическая экономика представляет собой подобие "*бабаофань*", негосударственные формы собственности являются ее важной составной частью.

Размышляя о шансах китайских экономистов на получение Нобелевской премии, Дун Фужэн отметил, что для этого необходимо время. Пока что ученые КНР изучают проблемы перехода от плановой экономики к рыночной, не имеющие первостепенного значения для развитых стран. Тем не менее Китай представляет благодатную почву для экономических исследований. Дун Фужэн полагает, что в процессе изучения проблем региональной бедности, бедности населения, разрыва между городом и деревней, несбалансированности развития экономики регионов китайские ученые смогут создать влиятельные работы мирового уровня (с. 89). Свои надежды он возлагает на молодое поколение экономистов, хорошо знающее иностранные языки и обладающее более прочными познаниями основ экономической науки.

Рассказывая о жизни и идеях Ма Хуна (в 1982 г. стал президентом АОН Китая, с 1985 по 1993 гг. был руководителем Центра исследований развития при Госсовете КНР), автор обращает внимание на два основных аспекта

его деятельности в период реформ: исследование структуры китайской экономики и изучение зарубежного опыта управления экономикой.

В конце 1970-х годов Ма Хун в составе делегации посетил Японию с целью изучения опыта управления предприятиями. Ученый пришел к выводу, что в Японии используются в том числе и те методы, которые применялись в Китае, но потом были забыты. В качестве примера указано успешное и долгосрочное использование японцами элементов управленческих методов, разработанных в КНР в 60-е годы в "Конституции Аньшаньского металлургического комбината" (с. 148).

Позднее Ма Хун побывал в составе делегации в США, где в течение месяца изучал проблемы экономического и управленческого образования. В 1980 г. он побывал в ряде западноевропейских стран (ФРГ, Австрия, Швеция, Италия и др.), во Франции его особенно заинтересовал опыт государственного вмешательства в экономическую деятельность и разработки планов долгосрочного развития.

Одно из самых интересных и содержательных интервью дал автору книги У Цзинлянь, изображенный Ли Сянъяном как наиболее последовательный сторонник рыночных реформ в экономических кругах КНР (за что ученый и получил прозвище "У Шичан" — "У Рынок"). Еще в 1982 г. в ходе дискуссий о плане и рынке сторонников товарного характера социалистической экономики обвиняли в поддержке "буржуазной либерализации". В тот период У Цзинлянь и его единомышленники проявили незаурядную решительность в отстаивании рыночной позиции. Не меньшую принципиальность проявил ученый и в ходе развернувшихся в 1990-1991 гг. вслед за июньскими событиями 1989 г. новых споров о том, не ведет ли рыночная экономика Китая к капитализму.

Важной вехой в становлении взглядов У Цзинляня стало посещение КНР в 1980-1981 гг. экономистами-реформаторами из Восточной Европы В.Брусом и О.Шиком. От увлечения идеями восточноевропейских реформаторов ученый перешел к освоению достижений западной экономической науки. Во время пребывания в 1983 г. в Йельском университете он заинтересовался проблемами оптимального размещения ресурсов. В конце 1980-х годов У Цзинлянь стал первым из ученых, использовавших "теорию ренты" Бьюкенена для анализа проблем китайской коррупции, объяснив с ее помощью явление обмена власти на деньги. В начале 1990-х годов ученый призывал "включить красный свет для власти имущих, идущих в бизнес", полагая, что вмешательство власти мешают формированию конкурентной среды. Начавшийся в 1997 г. азиатский финансовый кризис подтвердил дальновидность ученого, который еще в 1993 г. в условиях растущих спекуляций на рынке ценных бумаг и ажиотажа с недвижимостью писал о "ловушке денежных игр" и опасности для Китая "экономики мыльного пузыря".

Автор книги подчеркивает личную скромность У Цзинляня и его стремление познавать новое. В Йельском университете ученый заново изучал основы современной экономической науки, посещая занятия вместе со студентами. Вспоминая об этом, У Цзинлянь говорил: "Я общался с людьми, находящимися на переднем крае мировой науки; я считаю, что в теории уже не могу подняться до их уровня. Однако их теории я все-таки могу понять" (с. 163). И после возвращения в КНР, несмотря на большую занятость, он вместе со студентами и аспирантами ходит на занятия по математике, в выходные дни приглашает преподавателя по математике, дабы наверстать отставание в знаниях основ современной экономической теории.

Весьма интересно замечание Ли Сянъяна по поводу стиля аргументации У Цзинляня. Он подчеркивает, что ученый создает тонкие и убедительные работы по теории рыночной экономики, не вставляя в них пропагандистскую "силовую терминологию" (среди типичных терминов были перечислены

“решительно” (цзяньцзюэ), “твердо придерживаться” (цзяньчи), “проводить в жизнь” (гуаньчэ), “последовательно” (чэди) — с. 191). Работам У Цзинляня присущи стройная внутренняя логика и ясное изложение, что делает его доводы убедительными. “На самом деле, лишь такой язык является языком настоящего экономиста (чжэньчжэн цзинцзисюэцзя дэ юйянь), а статьи тех экономистов, которые уподобляются политическим пропагандистам, хотя и содержат много “сильных” высказываний, несут оттенок навязывания чего-то людям — непонятно, то ли от бедности теории, то ли от несовершенства логики; в содержательном же отношении погоня за красивой фразой оставляет ощущение дежа вю”(с.191-192).

Еще один представитель “семерки мудрецов” — Ли Инин, прославившийся в научных кругах своей концепцией акционирования и известный своим прозвищем “Ли Гуфэнь” (“Ли Акция”). Ли Сяньян отмечает, что ученый создает впечатление “самого занятого в мире человека”, “в мире только пчелы и Ли Инин — самые занятые” (с. 194). Ученый является депутатом ВСНП 7, 8 и 9-го созывов, он занят законодательной деятельностью, преподает в Пекинском университете, работает по проектам, пишет книги.

Ли Сяньян отмечает, что Ли Инин старается увести своих студентов от бесплодных споров с догматическими концепциями, ориентируя их на освоение новых тем. Еще в 1986 г. ученый сказал молодым экономистам: “Не надо тратить много времени и сил на дискуссии с защитниками традиционных взглядов. Чем больше ты с ними споришь, тем больше они воодушевляются, тем громче становится их тон. Через некоторое время не останется любителей читать статьи с пропагандой старых взглядов, не будет желающих слушать лекции с пропагандой старых взглядов, и у них не останется никакого влияния. Вам нужно сосредоточить внимание на исследовании и решении новых проблем: только это должно быть основным направлением ваших усилий” (с.197). В своей работе Ли Инин уделяет значительное внимание преподаванию, полагая, что его задача состоит в создании условий для плодотворной научной деятельности будущих поколений.

Поиск новых экономических идей сам Ли Инин начал еще в 1950-е годы, заинтересовавшись работами польского экономиста О.Ланге. С того времени Ли Инин уделяет большое внимание дискуссиям о плане и рынке. В молодости он очень высоко ценил труды Ланге и не соглашался с теорией рыночной экономики Хайека. Трудовое перевоспитание в деревне в годы “культурной революции” заставило ученого отказаться от наивных представлений о возможности усовершенствования плановой системы. Он повернулся от Ланге к Хайеку, выделив ряд существенных недостатков в концепции польского экономиста: по существу, Ланге оставил советскую плановую модель нетронутой, он не ставил проблему реформы собственности и мало писал о месте человека в социалистическом обществе.

Автор книги полагает, что в работах периода реформ Ли Инину удалось искусно соединить западную экономическую науку и китайскую действительность. Даже в тех случаях, когда он писал об экономике стран Запада, читатели находили в его работах аналогии с проблемами Китая. Один из читателей книги Ло Чжижу и Ли Инина “Экономика Англии XX в. Исследование “английской болезни”” написал авторам: “Нам не кажется, что читаем книгу об английской экономике, так как мы чувствуем, что в книге говорится о недостатках госпредприятий, препятствовании экономическому росту со стороны традиционных ценностей представлений, о противоречии между “большим котлом” и экономической эффективностью...” (с. 204-205). После прочтения статьи Ли Инина “50 лет “Общей теории” Кейнса” читатели вновь пришли к выводу о том, что “хотя в каждой фразе говорится о Кейнсе, все время кажется,

ся, что речь идет о китайской экономической науке и китайских экономических кругах" (с. 205).

В середине 1980-х годов Ли Инин принял активное участие в споре о приоритетах реформ. У Цзинлянь настаивал на первоочередности реформы цен, которую сравнивал с верхней пуговицей в одежде — если она застегнута неверно, все остальные также будут застегнуты неправильно. Ли Инин, напротив, выступил за первоочередную реформу предприятий. По мнению автора, с точки зрения сегодняшнего дня прав оказался Ли Инин (с. 206). Когда в конце 80-х — начале 90-х годов в КНР обсуждался вопрос о том, что должно стать центральным звеном реформы госпредприятий — акционирование или подряд. Ли Инин назвал подряд не более чем "переходной формой", не считая его главным направлением реформы. И в этом, по мнению Ли Сянъяна, ученый оказался прав (с.206).

Раздел о Ду Жуньшэне обращен преимущественно к периоду 1950-1960-х годов. В 1953 г. Ду Жуньшэн занял пост секретаря отдела ЦК КПК по работе в деревне, главой которого являлся Дэн Цзыхуэй. Впервые он вступил в полемику с Мао Цзэдуном в 1955 г. по вопросу о темпах кооперирования сельского хозяйства. Мао Цзэдун критически оценил позицию Ду Жуньшэна и Дэн Цзыхуэя как проявление "правого уклона", заявив, что руководящие работники не должны отставать от охватившей всю страну волны кооперирования. Мао Цзэдун уподобил их постоянно отстающей от масс "женщине с забинтованными ногами, качающейся в разные стороны" (с.235). Второй раз Ду Жуньшэна критиковали в 1962 г. за совместное с Дэн Цзыхуэем выступление в поддержку развития системы подрядной ответственности (*баочань даоху*) на селе. После этого отдел ЦК КПК по работе в деревне был расформирован.

Идеи Ду Жуньшэна воплотились в жизнь только в период реформ. В своих выступлениях 1980-х годов он отстаивал мысль о том, что трудовая активность крестьян не является результатом идеологического перевоспитания, она коренится в чувстве привязанности крестьян к земле. По его мнению, реформы в китайской деревне были почином 900 млн. крестьян. Ученый полагает, что и в наши дни семейное хозяйствование в деревне не ушло в прошлое.

(Окончание следует)

© 2001

О. Борох
кандидат экономических наук.

1. Линь Ифу. Бэньтухуа, гуйфаньхуа, гоцзихуа: цинчжу "Цзинци яньцэю" чуанкань 40 чжоунянь (Китаизация, стандартизация, интернационализация: отмечая 40-летие "Цзинци яньцэю" // Цинци яньцэю. 1995. №10. С. 13.
2. Как написал в 1997 г. в предисловии к серии книг "Нобелевские лауреаты по экономике" В.Л.Иноземцев, "для российских читателей имена нобелевских лауреатов по экономике известны далеко не так хорошо, как имена Альберта Эйнштейна и Эрнеста Резерфорда, Нильса Бора и Марии Кюри, Уинстона Черчилля и Ивана Букина, Альберта Швейцера и Михаила Горбачева" (Бьюкенен Дж.М. Сочинения. М., 1997. С. X). Замысел полиомасштабного ознакомления России с трудами Нобелевских лауреатов еще не реализован - к началу 2001 г. "Сочинения" Бьюкенена продолжали оставаться первым и последним томом серии.

**А. Г. Ларин. Китайцы в России. Краткий исторический очерк.
Информационный бюллетень Института Дальнего Востока
РАН. 2000, № 4.**

Уже около полутора веков существуют проблемы, связанные с китайской эмиграцией в России. Нередко они приобретали особую популярность среди широкого круга обывателей, раздувались средствами массовой информации, становились предметом большой политики. Словом, "китайский вопрос" волновал российскую общественность, однако наукой он исследован слабо, в отечественной и мировой историографии не было обобщающей работы по истории китайцев в России. В самом конце XX в. появился исторический очерк "Китайцы в России". Отечественная историческая наука благодаря усилиям Александра Георгиевича Ларина преодолела этот барьер: он опубликовал работу, освещающую историю китайской общины в России в течение всего периода ее существования.

Во введении А.Г.Ларин справедливо отмечает, что современная ситуация "и в существенном, и в деталях разительно напоминает то, что уже было в России в прошлом, а потом оказалось забытым" (с. 3). Правда, не совсем понятно, почему автор считает, что китайская диаспора существовала с конца 50-х гг. XIX в. и до 30-40-х гг. XX в. На самом деле китайская община в России на протяжении прошлого века не исчезала. Хотелось бы, также отметить, что в середине XIX в. одновременно сформировалось два различных направления китайской эмиграции: в Приамурье и в районе Забайкалья-Иркутска.

А.Г.Ларин обоснованно акцентирует внимание на том, что китайская миграция являлась важнейшим фактором российско-китайских отношений. Но было бы нелишне отметить, что история китайской общины в России — это еще и история многих россиян, имевших среди своих предков китайцев. Так уж сложилось, что китайцы в нашей стране не смогли оформиться в устойчивую и влиятельную группу, большая часть их ассимилировалась в русской среде. У нас не сформировалось российской китайской интеллигенции, способной развивать свою культуру и изучать историю своей общины. Возмо-

жно, по этой причине в некоторых книгах по истории Владивостока или Благовещенска китайцы даже не упоминаются.

Во введении автор дал краткий обзор историографии вопроса, указал все основные труды о китайской общине в России. Хотелось бы отметить, что незаслуженно забыто первое исследование, посвященное китайцам в Приамурье, — работа А.Ф.Будищева. В начале XX в. были десятки серьезных публикаций по данной проблеме, но все они касались лишь Дальнего Востока. Китайская эмиграция в Сибири и Европейской России практически не исследовалась. Вызывает сомнение тезис А.Г.Ларина о том, что в конце 50-х гг. "появилось большое количество научных и публицистических работ", освещавших участие китайцев в Гражданской войне (с. 5). Работы действительно появились, но вопрос не был достаточно полно рассмотрен. Автор справедливо отмечает, что в последние годы "изучение китайской диаспоры... возобновилось" (с. 5). Но поскольку сегодня работы провинциальных историков часто недоступны даже московским ученым, он не имел возможности использовать публикации, появившиеся в Омске, Барнауле, Томске, Красноярске, Иркутске и других городах нашей страны.

Во введении А.Г.Ларин обращается также к проблеме терминологии, анализирует понятие "миграция", соотносит его с понятием "эмиграция", "община", "диаспора". Но стоило бы, рассматривая вопрос о терминах, проанализировать и понятие "китайцы".

В первой главе А.Г.Ларин представил основные этапы развития китайской эмиграции в Приамурье, отметил причины ее роста, показал динамику и ареал расселения китайцев на российской территории. Изучая хозяйственную деятельность китайской общины в Приамурье, он справедливо отметил, что "в промышленности края китайский наемный труд был преобладающим" (с. 16). При этом проанализировал не только труд китайцев в торговле, но и "роль китайского населения в

развитии земледелия" (с. 18). Автор отметил все аспекты русско-китайских взаимоотношений — "проявление расовой дискриминации", и "проявление искреннего сочувствия".

Особое место в первой главе занимает раздел "Китайская диаспора — источник повышенной опасности". По объему он самый большой, составляет почти половину главы, и круг представленных в нем проблем самый широкий. Хотелось бы отметить, что автор не поддался искушению использовать для заголовка этого раздела расхожее клише — "желтая опасность". Соответственно и к рассмотрению проблем подошел более взвешенно и осторожно. Но, к сожалению, не все они раскрыты достаточно полно. Например, о событиях в Амурской области в июле 1900 г., возможно самых драматических в истории китайской общины в России, сказано лишь то, что акция выселения китайцев "была совершена с помощью методов не менее, пожалуй, жестоких, чем обращение ихэтуаней с христианами" (с. 28). Отдельно А.Г.Ларин рассматривает "китайские общества". Трудно не согласиться с его выводом: "Непрозрачность... жизни китайских обществ порождала с российской стороны запреты... Ответом на запреты было усиление тайной деятельности, а та, в свою очередь, углубляла недоверие" (с. 41).

В конце первой главы, в разделе "Китайский труд во время мировой войны", исследование выходит за пределы Дальневосточного региона. Автор справедливо отмечает, что "зоной расселения китайцев... стала фактически вся европейская часть России" (с. 44). Хотелось бы добавить, что китайских рабочих во время Первой мировой войны завозили не только на Урал и в Европейскую Россию, но и в Западную Сибирь. Говоря о проявлении китайского недовольства, можно привести примеры, кроме массового бегства с предприятий, еще и вооруженного сопротивления китайских рабочих.

Вторая глава посвящена китайской эмиграции в период революции и гражданской войны. Эта проблема в отечественной историографии исследована гораздо меньше, и автор вынужден опираться в основном на архивные данные и мемуары участников событий. И потому в центре его внимания — не Дальний Восток, а Европейская Россия.

В этой части исследования вполне обосновано особое внимание к Союзу ки-

тайских рабочих, к участию китайских интернационалистов в гражданской войне. И делается справедливый вывод о том, что китайцы во время революции "были уравнены в правах с остальными иностранцами" (с. 69).

Автор рассматривает также проблему взаимоотношений новой власти с китайской буржуазией, например, такую конфликтную ситуацию, как бойкот китайцами новых российских денежных знаков летом 1920 г. Достаточно полно и всесторонне освещает влияние китайской диаспоры на развитие советско-китайских отношений. Исследует и ее роль в развитии политической борьбы в Китае, а также рассматривает участие его в иностранной интервенции. Однако вполне уместным было бы в этой связи коснуться и ввода китайских войск в Туву, которая де-факто являлась частью российского государства.

Третья глава посвящена истории китайцев в СССР. Сразу следует отметить, что работа А.Г.Ларина является первой в нашей стране значительной научной публикацией по данной теме. На основе статистических сведений и архивных материалов он показывает историю китайской общины в Советском Союзе, выделяет этапы ее развития и анализирует связанные с ней основные проблемы. Впервые упоминаются вопросы, касающиеся граждан Китая — мусульман в Средней Азии. Не со всеми тезисами можно согласиться. Автор, например, утверждает, что советские власти не признавали принятия русскими женами китайцев китайского гражданства, но в архивных документах первой половины 20-х гг. нет этому подтверждения.

В конце речь идет о депортации китайцев с Дальнего Востока и приводятся статистические данные об уменьшении их численности в СССР во 2-й половине XX в. Автор справедливо полагает, что "часть их была репатрирована" (с. 103). Но это мнение справедливо лишь по отношению к китайцам, высланным с Дальнего Востока. Что касается китайцев, проживавших в других районах страны, то в основной своей массе они, а точнее их потомки, ассимилировались в русской среде. Однако в 70-80-х гг. во многих советских городах имелись свои небольшие "чайнатауны". К тому же в Среднюю Азию в начале 50-х гг. бежали гоминьдановцы, а в Сибирь переселились из Маньчжурии потомки смешанных браков и проч. К концу

80-х гг. эти эмигранты также были близки к ассимиляции в русской среде, но открытие границы с КНР дало новый импульс для развития самостоятельной китайской диаспоры в России.

Работа А.Г. Ларина, несомненно, является определенным достижением в развитии отечественной историографии по данной проблеме. Вопрос, бывший на протяжении полутора веков предметом общественно-политических дискуссий и политических спекуляций, наконец-то рассмотрен в обобщающем научном исследовании, к недостаткам которого следует отнести чрезмерную сжатость многих положений, исключение из сферы исследования некоторых регионов и многих других вопросов.

Для всестороннего и полного освещения истории китайской эмиграции в России нужна, скорее всего, многотомная работа. В ней должны быть представлены проблемы китайцев и в Иркутске, и на Сахалине, обучение китайцев в России, работа чаеводов на Кавказе, история различных волн беженцев из Китая, жизнь и быт ссыльнопоселенцев в Красноярском

крае, участие китайцев в Великой Отечественной войне и многое другое. Нашей исторической науке необходимо выработать свое, отличное от китайского, содержание понятия хуацяо в России. Несомненный интерес у современников вызовут также проблемы межкультурного взаимодействия, адаптация китайцев в русской среде, принятие ими православия, российского гражданства, межнациональные браки и многое другое.

В заключение хотелось бы отметить, что А.Г. Ларин вводит в научный оборот значительное число документов, не только российских, но и китайских, прежде не известных и не доступных отечественным исследователям. Его работа отличается добротностью, в ней нет неточностей, непроверенных сведений, необоснованных положений и выводов. А.Г. Ларин избегает политических штампов и социологических схем, тщательно изучает факты, их анализирует и обобщает, из чего следуют взвешенные выводы. Работа "Китайцы в России", несомненно, послужит основой для будущих исследований истории китайской эмиграции в нашей стране.

© 2001

*В. Дацышен,
кандидат исторических наук,
г. Красноярск*

"Китайский Благовестник": обзор журнала за 1999-2000 гг.

В 1999 г. в Москве начал выходить журнал "Китайский Благовестник". По замыслу его учредителей (Группа исследования проблем Православной Церкви в Китае) и издателей (Свято-Владимирское Братство) — это не новое периодическое издание, а возобновление журнала, с 1904 г. издававшегося в Харбине под названием "Известия Братства Православной Церкви в Китае", а затем, с 1907 г., — в Пекине, уже под названием "Китайский Благовестник". Журнал выходил до 1954 г., когда была закрыта Российская Духовная Миссия в Китае. В нем освещались деятельность Миссии, история христианства в Китае, вопросы духовной жизни российских эмигрантов, оказавшихся в Китае после Октябрьской революции.

Возобновив на грани XX-XXI веков издание журнала, Русская Православная Церковь засвидетельствовала свое желание продолжить участие в развитии традиций российского Китаеведения. К настоящему времени вышло четыре номера журнала — по два в 1999 и 2000 годах. Сформировались основные рубрики: *Официальные документы. Из истории китайского Православия. Христианство в современном Китае. Христианство и китайская культура. Проблемы современной религиозной жизни в Китае*. Кроме того, в журнале помещаются богослужебные тексты на китайском языке, рецензии, отчеты о научных конференциях, на которых затрагивались проблемы христианства на Дальнем Востоке и межцивилизационных контактов в этом регионе мира.

В рубрике *Официальные документы* публикуются документы Синода Русской Православной Церкви, связанные с попечительством о пастве Китайской Автономной Церкви и развитием научных и деловых контактов с государственными учреждениями, общественными и научными организациями КНР, а также китайские документы по вопросам религиозной жизни в стране. Так, в № 2 за 2000 г. помещен перевод "Новых правил, регули-

рующих религиозную деятельность иностранцев в Китае", вступивших в силу в сентябре того же года.

Статьи российских и зарубежных авторов в рубрике *Христианство и китайская культура* зачастую представляют собой серьезные исследования, опирающиеся на китайские источники и обширную литературу. Те, кто интересуется вопросами взаимовлияния духовных культур, не могут не обратить внимания на интересную статью А. Ломанова "Раннехристианская проповедь в Китае", в которой автор рассматривает процесс адаптации несторианства к китайской культуре как "начальный и исторически изолированный этап в процессе межцивилизационного взаимодействия духовных традиций Китая и Запада" (1999. № 1. С. 11). На основе анализа сохранившихся письменных несторианских памятников автор показывает, как буддийский лексикон, даосская символика, конфуцианские социально-политические ценности использовались несторианами для того, чтобы приспособиться к китайскому цивилизационному контексту, отмечая при этом, что "изложение основ христианского вероучения несло с собой ознакомление и с западной картиной мира" (1999. № 1. С. 21).

Уникальные картографические источники использованы философом из Владивостока В. Соколовым при написании статьи "Образ "христианского царства" на крайнем Востоке в европейский картографии XIV-XVIII вв.". В этом материале рассказывается о существовавшей в Западной Европе и России традиции изображения на картах Дальнего Востока легендарного "христианского царства" Тендук (2000. №2). В той же рубрике опубликована в переводе с английского глава из книги иеромонаха Дамаскина (Христиансена) "Христос, Вечное Дао" (1999. № 2). Автор обосновывает свое мнение о близости древнекитайской и древнегреческой философских традиций, сходстве учений древних философов Китая и Греции о Вселенной. Эта тема продолжена в другом

перевод с английского — лекции иеромонаха Серафима (Роуза) “Душа Китая”, посвященной особенностям мирозерцания китайцев. Подчеркивая уникальность китайской культуры, иеромонах Серафим вместе с тем писал о том, что в ее истории “есть вехи, которые невероятным образом схожи с историей Западного мира, хотя между этими цивилизациями не существовало связи. Как будто это был дух времени, который одновременно достиг Рима, Китая, Индии, внешне не связанных между собой” (2000. № 1. С. 40).

В определенной мере тематически близка к названным выше материалам статья А. Юркевича “Китайские боевые искусства и православное сознание (к постановке проблемы)” (2000. № 1). Отметив значительную популярность на Западе и в современной России китайских боевых искусств и показав их роль и место в китайской культурной традиции, автор задается вопросом: в каких формах и в какой части китайские боевые искусства могут быть приняты православным сознанием? Не давая жестких оценок и выводов, А. Юркевич заключает, что по крайней мере некоторые аспекты боевых искусств (конкретные приемы рукопашного боя, способы отработки технических действий и физических тренировок) могут быть приняты и христианской культурой, однако при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что “уточнение границ приемлемого и недопустимого в отношении китайского *гунфу* требует постоянных усилий и православных гуманитариев разных специальностей, не говоря уже о богословах и представителях естественно-научного знания, медиков и т.п.” (2000. № 1. С. 121).

В рубриках *Из истории китайского Православия* и *Архив* помещаются материалы о различных сторонах деятельности Российской Духовной Миссии в Китае XVIII-XX вв., а также публикации о духовной жизни русских эмигрантов и о положении Православия в Китае. Так, читатели могут познакомиться с “Описанием Пекинского Сретенского монастыря в историческом и топографическом отношении”, принадлежащим перу архимандрита Даниила (Сивиллова) (2000. № 2). В 1820-1831 гг. он входил в состав Духовной Миссии в Пекине и выполнял переводы китайских литературных и философских

произведений, а впоследствии стал профессором китайского языка в Казанском университете. В статье историка Е. Митыповой, сопровождающей публикацию “Описания”, указывается на то, что в Национальном архиве Республики Бурятия имеется фонд Селенгинского Троицкого монастыря, где архимандрит Даниил с 1844 г. был настоятелем. “Материалы этого фонда, — заключает Е. Митыпова, — могут пролить свет на историю Пекинской Духовной Миссии и российско-китайских отношений XVIII-XIX вв.” (2000. № 2. С. 77).

Об изменениях в составе и деятельности Российской Духовной Миссии на рубеже XX столетия и роли в этих процессах начальника Миссии Иннокентия (Фигуровского) пишет В. Дацышен в публикации “Епископ Иннокентий (Фигуровский). Начало нового этапа в истории Российской Духовной Миссии в Пекине” (2000. № 1). Автор показывает, как владыке Иннокентию удалось предотвратить закрытие Миссии и значительно активизировать ее деятельность. С именем епископа Иннокентия связано создание в 1914 г. Московского подворья Российской Духовной Миссии в Пекине, о чем подробно рассказывает священник, доктор исторических наук Петр Иванов (1999. № 2).

В ряде публикаций освещаются проблемы, связанные с духовной жизнью русских людей на территории Китая. Священник Дионисий Поздняев в статье “Духовные школы Маньчжоуго” (1999. № 1), “Церковная жизнь в Маньчжоури в начале XX века” (1999. № 2) показывает просветительскую деятельность Русской Православной Церкви в Китае, ее роль в сплочении русской эмиграции на основе национальных ценностей. Г. Прозорова (Владивосток) в статье “Русская Православная Церковь и Христианский Союз молодых людей в Харбине” (2000. № 2) прослеживает участие русских эмигрантов в деятельности этой организации, где была создана довольно эффективная воспитательно-образовательная система. Положительно оценивая политику Православной Церкви, она делает вывод о том, что “позитивный опыт многовекового Православия не был растворен в опыте американских миссионеров, а православное духовенство сумело выполнить одну из главных миссионерских задач — убе-

речь свою паству от влияния протестантских стандартов религиозного потребления и сохранить национальное самосознание" (2000. № 2. С. 35).

Диакон Иоанн Хайларов в статье "Харбинские архиереи и поклонение Аматерасу в Маньчжурской империи" (2000. № 2), используя архивные материалы Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, показывает, как духовенство Харбинской епархии выступало против требования японских властей, чтобы русское православное население Маньчжурии участвовало в религиозных общественных церемониях поклонения императору Пу И и в других ритуалах. Автор статьи считает, что, несмотря на разницу во взглядах и некоторые противоречия личного характера, архиереи "как могли, защищали религиозную свободу православной части русской эмиграции в Маньчжурии" (2000. № 2. С. 27).

Подробно о взаимоотношениях Православной Церкви с китайской паствой идет речь в статье последнего китайского православного священника г. Тяньцзиня протоиерея Иоанна Ду "Распространение Русской Православной Церкви в Тяньцзине и его окрестностях" (1999. № 2), где автор привел уникальный материал о русских и китайских священнослужителях Тяньцзиня и остановился на малоизвестных фактах отношений Русской Зарубежной Православной Церкви с китайским клиром.

В 2000 г. журнал отметил столетие гибели китайских православных христиан во время восстания ихэтуаней в 1900 г., опубликовав перепечатку материалов из семи (10-16) выпусков "Китайского Благовестника" за 1917 г. — "Сказание о мучениках Китайской Православной Церкви, пострадавших в Пекине в 1900 году", а также статью священника Дионисия Поздняева "Церковь на крови мучеников" (2000. № 1). С 2000 г. в журнале стали публиковаться богослужебные тексты на китайском языке (молитвы "Символ веры", "Отче наш", "Утренние молитвы", "Краткое вечернее правило"), материалы, разъясняющие некоторые положения церковной жизни: "Православие в вопросах и ответах", "Десять заповедей", "Православный Катехизис" (2000. № 1-2). К этому разделу примыкают статьи об основных подходах к переводам богослу-

жебной литературы: священника Петра Иванова — "Православные переводы Нового Завета на китайский язык" (1999. № 1), послушника Петко (Хинова) — "О принципах перевода богослужебных книг на китайский язык" (2000. № 1), А. Ивановского — "Богослужебные книги Православной Церкви на китайском языке" (2000. № 2).

В рубрике *Христианство в современном мире* значительный интерес для историков представляет статья священника Петра Иванова "Сунь Ятсен и христианство" (2000. № 2), в известной степени восполняющая пробел в довольно обширной китаеведческой литературе об основателе партии Гоминьдан. В статье подробно охарактеризована роль, которую христианство играло в жизни вождя китайской революции. Хотя, как пишет автор, Сунь Ятсен до конца дней считал себя христианином, но на его идеологию христианство не оказало существенного влияния: "На фоне забот о социальной революции и освобождении Китая такие идеи, как бессмертие души и стяжание Царства Небесного, представлялись ему бессодержательными утопиями, далекими от реальных задач текущего момента" (2000. № 2. С. 69).

Проблема поиска путей синтеза конфуцианских и христианских ценностей на примере жизни и деятельности двух католических и трех протестантских деятелей рассмотрена в статье профессора Торонтского университета Джулии Цин "Новозаветная любовь, конфуцианская гуманность и борьба в китайском христианстве XX века" (2000. № 1).

Еще две статьи — "Современная проповедь Римо-Католической Церкви в Китае. Проблемы и перспективы" (2000. № 1) М. Козловой и "Организационная структура и деятельность "Китайской патриотической католической церкви" и "Китайского католического Синода"" (1999. № 2) Сюн Цзыцзяня (научного сотрудника Центра по изучению международных отношений университета Чжэнчжи на Тайване) посвящены проблемам распространения католицизма в КНР. С ними перекликается статья А. Ломанова "Канонизация католических мучеников" (2000. № 2) из рубрики *Проблемы современной религиозной жизни в Китае*. Она написана в связи с проведенной Ватиканом 1 октября 2000 г. канонизацией 120

католиков, погибших в основном в XIX в., в том числе в Китае, и затрагивает спорные вопросы в отношениях между Ватиканом и КНР.

Весьма актуальная с точки зрения религиозной ситуации в Китае тема затронута в статье священника Петра Иванова о новой китайской секте "Фалуьгун" (2000. № 1). Автор останавливается на истории создания "Фалуьгун", личности ее основателя и руководителя Ли Хунджи, его идеях, структуре и практической деятельности секты, мотивах ее официального запрещения в КНР. Он справедливо указывает, что причины популярности "Фалуьгун" (число ее последователей исчисляется миллионами) коренятся в современном состоянии китайского общества, в недовольстве значительной части населения положением в стране и некоторыми негативными последствиями реформ (диспропорции в развитии различных регионов, коррупция, рост безработицы в городе и деревне, де-

вальвация ценностей официальной идеологии и т.п.). Можно вполне согласиться с заключением автора о том, что деятельность "Фалуьгун" представляет собой "наступление мистицизма, хорошо организованного и сильно укорененного в национальной традиции", и является серьезной проблемой для руководства КНР (2000. № 1. С. 94).

Знакомство с вышеприведенными номерами журнала "Китайский Благовестник" позволяет заключить, что в России появилось самобытное периодическое издание, в котором история и современная духовная жизнь в Китае рассматриваются в контексте взаимопроникновения и взаимовлияния ценностей, присущих восточной и западной цивилизациям. Хочется пожелать учредителям, редакционному совету и издателям "Китайского Благовестника" успешного продолжения трудного в нынешних условиях, но нужного дела — выпуска этого интересного и полезного журнала.

© 2001

*А. Волохова, кандидат исторических наук
О. Воропаева, кандидат исторических наук*

**Классическое конфуцианство. В двух томах. Т. 1. Конфуций.
Лунь-юй. Перевод, вступительные статьи, комментарии
А. Мартынова. СПб.: Нева, 2000. 381 с.; Лукьянов
А.Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М.:
Восточная литература РАН, 2000. 384 с.**

В последние годы в России и странах СНГ наблюдается повышенный интерес к китайской культуре. Особое внимание читающей публики привлекает китайская классика, прежде всего — памятник "Лунь юй" ("Беседы и суждения"), содержащий высказывания и описания поступков Конфуция (Кун-цзы, 551-479 до н.э.). И это не удивительно: идеи Конфуция легли в основание духовной культуры не только Китая, но и целого ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Недаром Японию, Южную Корею, Тайвань и Сингапур принято относить к так называемому конфуцианскому культурному региону, а социально-экономический строй перечисленных стран нередко именуют "конфуцианским капитализмом".

Весьма примечательно, что первыми эту растущую потребность россиян в познании воззрений Учителя китайской нации почувствовали издатели, живущие по законам свободного рынка. На читателя обрушился целый вал переводов "Лунь юя", к сожалению, не всегда качественных, иной раз даже без указания фамилии переводчика. Спрос определял предложение. Приятным исключением в череде переводов, рассчитанных на массового читателя, явилась книга, выпущенная издательством "Кристалл" (СПб., 1999)¹. То была первая попытка представить обществу более чем столетнюю историю переводов "Лунь юя" на русский язык. Составитель Р.В. Гриценков, не будучи синологом, сумел собрать воедино все переводы, начиная с текстов основателя кафедры синологии Санкт-Петербургского университета В.П. Васильева, изданных в 1876 г., и кончая теми, что появились в 1998 году. В обширном разделе "Примечания" составитель поместил почерпнутые из специальной синологической отечественной литературы многочисленные переводы отдельных суждений Конфуция, принадлежащие

русским исследователям, как современным, так и дореволюционной поры. Меня порадовало, что эта массивная книга (58,8 печатных листов), изданная тиражом в 10 000 экземпляров, разошлась почти мгновенно. Успешно раскупалось и подготовленное мною научное издание "Лунь юя"².

Поначалу могло показаться, что в отечественной синологической литературе проблема перевода "Лунь юя" успешно решена. Однако, внимательного изучения переводы А.С. Мартынова и А.Е. Лукьянова, я еще раз убедился, насколько были правы многочисленные китайские и корейские комментаторы текста, штудировавшие его в течение многих столетий, ожесточенно спорившие меж собой и все-таки оставившие немало "белых пятен" последующим поколениям исследователей. Мысли Конфуция рассматривались как великая ценность, а их роль в социально-политической и культурной жизни обуславливала огромную моральную ответственность толкователей и интерпретаторов, стремившихся как можно полнее постигнуть и объяснить смысл слов и поступков Учителя.

Не меньшая ответственность ложится и на современных переводчиков и исследователей, через которых великий китайский мыслитель обращается к другим народам и культурам. Именно специалистам-синологам приходится противостоять многочисленным в современной художественной литературе и публицистике попыткам фальсификации и вульгаризации высказываний Конфуция. Увы, тиражи наших научных работ ни в какое сравнение не идут с тиражами "остросюжетных" книг, где сплошь и рядом цитируется Конфуций, и посредством которых в сознание россиян входят афоризмы типа "черной кошки в темной комнате", не имеющие никакого отношения к Учителю. Порой создается впечатление, что некоторые мастера популярных жанров сами

¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 01-01-00-135а.

придумывают угодные им суждения Конфуция. Опошление его идейного наследия вовсе не безобидно — оно приводит к искажению облика Учителя и самой китайской культуры в массовом сознании, ослабляет узы духовного взаимопонимания между народами России и Китая.

Приятным исключением на общем безрадостном фоне являются книги Бориса Акунина, одного из самых читаемых авторов детективных романов. По его книгам ставятся пьесы, готовится телевизионный сериал. Меня как специалиста заинтересовало, что литературный герой романов Акунина — Эраст Фандорин — хорошо знаком с учением Конфуция, часто цитирует его, а главное — по замыслу автора, воплощает в себе образ *цзюнь цзы*, конфуцианского “благородного мужа”, или “совершенного мужа”. Таким образом, нельзя недооценивать степень воздействия акунинского Конфуция на массового читателя. К сожалению, наряду с правильным цитированием в книгах Акунина допускаются и весьма вольные интерпретации суждений китайского мыслителя: “Благородный муж идет не тем путем, что легок, а тем что труден”³; “благородный муж знает, в чем его долг и не пытается от него уклониться”⁴ и т.п. Поскольку Борис Акунин по специальности японист, то он действительно имеет вполне реальное представление о “благородном муже”. Беда в том, что его знание “Лунь юя” в значительной степени основано на популярных переложениях древнего памятника, которые тиражируются в странах Восточной Азии и рассчитаны на массового читателя.

Каноническая литература, как никакая иная, требует и от переводчика, и от того, кто прибегает к ее цитированию, крайне бережного отношения к слову. Нисколько не принижая качество переложений, рассчитанных на современных китайцев, корейцев и японцев (у этих книг свое, строго определенное предназначение), хочется отметить, что в “Лунь юе” остается еще немало спорных мест, над которыми до сих пор бьются лучшие комментаторы стран конфуцианского культурного региона, стремясь обнаружить первоначальный замысел того или иного высказывания. Поэтому для читателя, принадлежащего иной культуре, так важна комментаторская часть перевода, кото-

рая открывает перед ним внутреннее видение текста. Это обстоятельство максимально учтено в новаторских работах известных российских синологов А.С. Мартынова и А.Е. Лукьянова.

Труд А.С. Мартынова рассчитан не только на специалистов-китаеведов, но и на массового читателя. В предваряющем перевод авторском тексте А.С. Мартынов, следуя традиционным для такого рода изданий рубрикам, рассказывает о личности Конфуция, его жизни и учении, об основных категориях классического конфуцианства. Однако соотношение объемов комментариев, написанных к тем или иным частям текста “Лунь юя”, не совсем привычно. Автор, солидаризируясь с английским китаеведом Д. Лесли⁵, в качестве исторически наиболее достоверного материала выделяет первые девять глав памятника, поэтому именно они и снабжены самыми подробными примечаниями — им отдано 376 из 482 страниц примечаний к 20 главам памятника.

Как бы возражая во “Введении” сторонникам модной ныне концепции “глобализации”, А.С. Мартынов отмечает, что процесс образования “единой этики человечества” будет сопряжен с большими трудностями духовного порядка: “Великие учения, может быть за исключением буддизма, плохо приспособлены к слиянию друг с другом и плохо воспринимаются извне, с позиций другого учения и другой идеологии” (с. 9). Особые сложности возникают с восприятием конфуцианства. Представители западной культуры не усматривают в нем “философии” в привычном для них понимании и не склонны признавать его актуальным. Упования на социально-экономический прогресс, показателем которого принято считать технологический и научный потенциал, заслоняют от носителей современного европейского сознания такой естественный для Конфуция и его единомышленников оценочный критерий, как “вклад в созидание или разрушение гармонии общественной жизни” (там же).

“Введение” знаменательно тем, что автор, по сути, концептивно излагает в нем результаты своих многолетних исследований специфики китайской духовной и политической культуры. В качестве основных категорий классического конфуцианства А.С. Мартынов выделяет поня-

тия *жэнь*, *ли*, *вэнь* и *дэ*. Анализ первых трех категорий присутствует у каждого исследователя взглядов Конфуция в качестве условия, минимально необходимого для постижения мысли Учителя. Когда исследователь полагает, что ему удалось обнаружить нечто новое, то он к этим основным трем категориям, носителем которых является личность *цзюнь цзы*, обычно присовокупляет "свою", наиболее ему дорогую. Например, в своей последней работе я поступил подобным образом с категорией *тэ*, прошедшей долгий путь эволюции от "достижения единства через разномыслие" к современному значению — "гармония"⁶.

А.С. Мартынов в качестве главного ключа к постижению внутреннего механизма духовной и политической культуры Китая берет свою излюбленную категорию *дэ*. Я солидарен с автором в том, что одним словом "благодать", которым предлагает переводить *дэ* известный российский философ-китаевед А.И. Кобзев, значение этого понятия ограничено быть не может. Оно многозначно и содержание его изменяется в зависимости от контекста — такова специфика некоторых основных категорий классического конфуцианства. Трудно не согласиться и с тем мнением автора, что справиться с этой полисемией путем навязывания одного нормативного значения затруднительно. Перспективнее другой подход: "Поставить обнаруженную полисемию в более широкий контекст, который бы сообщал ей достаточно отвлеченное, но тем не менее весьма ощутимое единство, придающее логическую стройность всем фиксируемым в различных текстах значениям данной категории" (с. 36). По мнению автора, одним из самых общих определений *дэ* может служить следующая характеристика: "*Дэ* — некая созидательная сила, направленная от хаоса к космосу... *дэ* служит характеристикой самых различных проявлений активности (или потенциальных возможностей такого проявления) в самых разных областях, указывая на их созидательную направленность. Диапазон здесь, естественно, весьма широкий — от самосовершенствования души во время богослужения до мироустройства и государственного строительства" (с. 38).

Исходя из данной характеристики *дэ*, автор полагает, что такие важнейшие

категории конфуцианской доктрины, как *жэнь*, *вэнь* и *ли*, могут быть интерпретированы как разновидности *дэ*: "Так, *жэнь* может быть истолкована как "гуманное или гуманистическое *дэ*", *ли* — как "нормативное *дэ*", а *вэнь* — как "просвещенное *дэ*" (с. 35).

Анализируя эволюцию категории *дэ* в сфере политической культуры древнего Китая, автор приходит к выводу, что если в раннежозускую эпоху (XI-VIII вв. до н.э.) *дэ* было сориентировано на единственного сакрального носителя — правителя, то у Конфуция возникают два равнозначимых субъекта — государь и подданный: "Конфуцианская доктрина, по сути дела, знает только один тип обладателей *дэ* — тех людей, которые достигли этой благой силы путем внутреннего совершенствования. Поэтому и у монарха, и у *цзюнь цзы* (совершенного мужа) *дэ* по своей природе едино. Его можно назвать мерой внутреннего этического совершенства" (с. 50). Переводя некогда высокосакрализованное *дэ* из области культа в сферу этики и интерпретировав его как результат образования и самосовершенствования, Конфуций, по мнению автора, изменил и само представление об управлении, выделив в нем гуманистический аспект.

Об этом свидетельствует и содержание трех производных от общей благотворной потенции *дэ*, выраженных категориями *жэнь*, *ли* и *вэнь*.

Поскольку категория *жэнь*, традиционно переводимая как "человечность", "гуманность", занимает очевидно центральное место в учении Конфуция (в "Лунь юе" она употребляется 104 раза), то автор уделяет ей особое внимание. Рассуждая о "конфуцианском гуманизме", он предлагает различать гуманистическую традицию как таковую и "гуманистические периоды". Все центры человеческой культуры пережили подобные периоды, но если Европа переживала их по крайней мере дважды, то Китай лишь один раз. Ибо гуманистическая традиция, основанная Конфуцием, оказалась столь прочной, что, став одним из важнейших компонентов официальной культуры, не прерывалась вплоть до XX века. Именно конфуцианство, по мнению А.С. Мартынова, позволило Китаю совершить переход от безличной "государственной науки" —

знания, поставленного на службу администрированию, к индивидуальному философскому размышлению нравственно автономной личности.

Заслуживает внимание раскрытие автором смысла категории *жэнь* — “гуманность”. Ознакомив читателя с трактовками ведущих китайских ученых XX в. — Го Можо, Хоу Вайлу, Люй Чжэньюя и других, А.С. Мартынов солидаризуется с Фэн Юланем, выделявшим в *жэнь* два значения: этическое и психологическое. Поскольку данная категория охватывает различные аспекты созидательного действия, направленные на поддержание общественной гармонии ненасильственными средствами, то автор предлагает выделить две сферы поведения, определяемого как *жэнь* — “гуманное”: в обществе (социально-этическое) и в государстве (политическое). Каждая из этих сфер, в свою очередь, имела две стороны: внутреннюю и внешнюю. “В результате получается деление “по квадрату”, которое дает следующие группы значений категории *жэнь*: этическое внутреннее и этическое внешнее, политическое внутреннее и политическое внешнее, которые, как нам представляется, охватывают все случаи употребления категории *жэнь* в “Лунь юе”” (с. 69).

Автор обращает внимание читателя на такой существенный аспект учения Конфуция: гуманность является внутренней потенцией каждого человека, она таится внутри каждого и реализуется только изнутри, а не извне. Поэтому он посвящает несколько страниц объяснению смысла известного изречения Конфуция: “*Кэ цзи фу ли*” — “сумей преодолеть себя и возвратиться к нормативности”. Преображенный таким образом человек (а преобразование совершается на основе чувств “сыновней почитательности” и “уважения к старшим”) овладевает всеми нормами общественного поведения. “Политическая гуманность” проявляется лишь у преобразованного человека, ибо он лишен своекорыстия и жажды власти.

Конфуцианский гуманизм, по мнению автора, безусловно составляет эпоху в духовном развитии всего человечества”. Громадную заслугу Конфуци он видит в том, что тот привнес в общественное сознание главную идею “абстрактного гуманизма”: “К другому, вне зависимости от

того, какое место он занимает в обществе, надо подходить как к самому себе, с позицией равенства и помнить, что этот другой достоин любви” (с. 73).

Анализируя семантическое поле категории *ли*, 74 раза встречающейся в “Лунь юе”, автор справедливо отмечает, что для нее, так же как для *дэ* и *жэнь*, невозможно подыскать какого-либо одного лексического эквивалента. Он раскрывает перед читателем сложную эволюцию этой категории на протяжении длительной истории китайской культуры. Такой подход позволил автору показать, что, взяв за основу значение *ли* как “надлежащих норм поведения”, Конфуций основное внимание уделил нормам поведения “совершенного мужа”, что сразу резко изменило содержание *ли*, превратив эту категорию из средства выражения общественного статуса в один из важнейших показателей внутреннего совершенства *цзюнь цзы* (с. 80). В нашей литературе принято рассматривать *ли* по-преимуществу как важнейшую контрольно-регулятивную функцию социально-политического характера. Автор же видит в данной категории и элемент персональной самодисциплины, внутреннего самоограничения как необходимого условия становления “совершенного мужа”. А такой подход позволяет по-новому взглянуть на вклад Конфуция в разработку основ политической культуры Китая: в ней была выделена новая категория людей — не по признаку общности политических интересов, но по “внутренним человеческим совершенствам” (с. 82).

Переходя к реконструкции категории *цзнь*, А.С. Мартынов не обещает читателю однозначного ответа, он лишь вновь говорит об “обширном семантическом поле” указанного понятия. Автор снова отсылает читателя к “осевому” времени китайской культуры, подчеркивая, что Конфуций всюду оказался первым. Именно он создал новую концепцию культуры и концепцию “совершенного мужа”, в основу которой лег такой критерий, как знание канонических текстов. В его модели культуры текст становился “квинтэссенцией социально-политического опыта, необходимого всем, кто в той или иной мере участвует или собирается участвовать в государственном управлении” (с. 87). Именно Конфуцию, подчеркивает автор,

принадлежит концепция преобразования человека через образование. При этом конфуциански образованный человек должен быть человеком "обширного" внутреннего мира. Великий преобразователь духовной культуры Конфуций стремился к тому, чтобы не "небесная благодать, не мандат Неба, а усвоенный через текст культурно-исторический опыт превратился в источник креативной общественной силы, соизмеримой с силой дэ" (с. 93).

Как бы суммируя свои прошлые высказывания, автор "выводит" Конфуция уже в роли первого стратега, предложившего потомкам в качестве главного инструмента внешней политики умение "сочетать *вэнь* и *дэ*"?

Завершая раздел о категории *вэнь*, автор отмечает, что если вычленив наиболее актуальные для Конфуция аспекты этой категории и соединить их в единое целое, то читатель увидит одну из наиболее характерных особенностей духовной культуры Китая — ее направленность "от письменного знака и текста — к понятию духовного наследия и просвещения, от просвещения — к благотворному общественному созиданию, приводящему к миру, к столь страстно желаемому людьми "великому покою" (с. 94).

Как уже отмечалось выше, автор весьма подробно анализирует каждое суждение первых девяти глав "Лунь юя". Он привнес много нового в истолкование целого ряда суждений Конфуция. Во многом ему помогло как обращение к классикам китайской комментаторской школы, так и прекрасное знание династических историй и официальных документов императорского Китая, широко оперировавших идеями, образами и цитатами из конфуцианской классики.

Объясняя читателю, почему комментаторская часть работы названа "Пояснениями", А.С. Мартынов указывает, что его задача — не просто комментировать те или иные филологические трудности, а ввести читателя в неизвестный ему "интеллектуальный контекст, или, выражаясь иными словами, в незнакомую ему сетку понятий" (с. 22). И он иллюстрирует такую постановку вопроса на примере лишь одного слова — "учеба" (*сюэ*). У конфуцианцев учеба подразумевала прежде всего мучительный и долгий путь этического становления, не пройдя кото-

рый, человек не имел морального права претендовать на обладание властными функциями. "В плане истории духовной культуры, — пишет автор, — конфуцианскую учебу можно в какой-то мере сблизить с христианской верой в Господина (видимо, опечатка — в Господа. — Л.П.) и буддийской техникой трансформации обычного сознания. Все это — подсобные средства перехода человека из обычного состояния в некое иное качество" (с. 212). Думается, читатель оценит тонкость и глубину такого рода пояснений, которые помогут ему понять, почему для многих жителей конфуцианского региона суждения Учителя актуальны и по сей день. В том числе те, что говорят о взаимоотношениях с властью имущими.

Дабы не быть голословным, приведу пояснения А.С. Мартынова только к одному суждению, над скрытым смыслом которого бились многие китайские ученые. В параграфе 9 главы 8 Конфуций касается принципов взаимоотношений власти и народа. Стоит ли управляющим посвящать его в свои планы? Или он по природе своей не достоин этой чести и должен лишь слепо выполнять указания свыше? Некоторые переводчики предлагали своему читателю именно второй вариант, ибо так диктовало поверхностное прочтение текста. Отдельные китайские исследователи предлагали иную его разбивку на смысловые отрывки, так что народ выступал уже не слугой, а хозяином власти. Именно так трактовали данное суждение участники тьяньаньмэньских событий 1989 года⁸. Стремясь быть как можно ближе к оригиналу, я предложил следующий вариант: "Народ можно принудить делать это, но нельзя принудить осознать, ради чего это". Далее следовал обширный комментарий. А.С. Мартынов поступает иначе — он уточняет суть мысли Учителя, вводя в скобках слово "Путь": "Учитель сказал: "Народ можно заставить (следовать надлежащим Путем), но нельзя заставить понимать (этот Путь)". По мнению переводчика, в данном высказывании Конфуция речь идет прежде всего о предлагаемом народу Дао-пути. Хотя, "поглощенный своими ежедневными заботами, народ не сможет пройти сложный и трудный процесс становления и трансформации, обязательный для *цзюнь цзы*", но при надлежащем правлении он "имеет

возможность следовать тем же путем, правда, без надлежащего осознания его принципов. Иными словами, речь в данном высказывании идет о присоединении простого народа к "учению", а не об осуждении народа за недостаточный интеллектуальный потенциал, что находилось бы в вопиющем противоречии со всем духом конфуцианской доктрины" (с. 346).

Если А.С. Мартынов анализировал творчество Учителя как историк и социолог, уделяя основное внимание проблемам этики, строительства идеального общества и государства, то А.Е. Лукьянов поставил перед собой задачу — доказать, что Конфуций был именно философом. Эта позиция предполагает неприменное сопоставление философских основ конфуцианства с базовыми компонентами западной философии.

Если у А.С. Мартынова излюбленной категорией является *дэ*, то у А.Е. Лукьянова — *Дао*⁹. Рецензируемая книга состоит из двух самостоятельных, но внутренне взаимосвязанных частей. Они основаны на переводах основных даосистских и конфуцианских канонов, но сами переводы составляют лишь небольшую долю в общем объеме книги. Это не удивительно: А.Е. Лукьянов, подобно А.С. Мартынову, должен был постепенно ввести неискушенного читателя в неизвестную тому сетку координат, погрузить в китайскую систему мышления.

В первой части книги — "Философия Дао Лао-цзы" — автор раскрывает связь текста основополагающего даосского трактата "Дао дэ цзин" ("Канон Дао и дэ") с древними космологическими моделями и современными концепциями базовых "космических" и культурных архетипов; освещает систему философских категорий Дао, его онтологию, гносеологию и психологию; очерчивает даосские представления об идеале личности и путях его достижения, а также обретения социальной гармонии; сопоставляет личность и идеи Лао-цзы и Конфуция, а также Лао-цзы, Гераклита и Эмпедокла. Завершает эту часть перевод "Дао дэ цзина".

Вторая часть книги — "Философия Дао Конфуция" — повествует о памятнике "Лунь юй" и личности основоположника конфуцианства, показывает место названного текста в системе конфуцианских канонов; описывает специфику конфуци-

анской школы; освещает концепцию нового человека, идеал "благородного мужа" и представления Конфуция о Дао-Пути, типологию категорий человека в "Лунь юе", место категорий Дао и дэ в учении Конфуция; описывает духовный архетип Дао и его связь с мотивами гармонизации ойкумены — Поднебесной. Автор также дает свое видение соотношения учений Конфуция, "И цзина" ("Канона перемен") и Лао-цзы. Аналогично первой части, в завершение представлен перевод "Лунь юя".

Приступая к анализу текста, тем более такого загадочного, как "Дао дэ цзин", о котором написаны сотни трудов и который до сих пор вызывает споры, каждый исследователь обязан определить свои исходные теоретические позиции. Автор воспринимает текст как живое существо, живую копию космического Дао, сплетенного двойной спиралью иероглифов-узоров: "Как живой организм, он живет своей собственной космической жизнью безотносительно к логико-лингвистическим препаратам исследователя... Можно сказать, что в собственной живой и подлинной космической сути текст ДДЦ ("Дао дэ цзина". — Л.П.) пока современностью не читан. Он читается не враз постранично, а по Дао, "исполняющему свои танец и песню" в каждый из пяти периодов циклического круговорота космоса" (с. 12).

Подробно проанализировав эволюцию концепции Дао у Лао-цзы, автор установил четыре ее специфических черты: 1. Дао Лао-цзы есть философское продолжение естественного Дао, которое выступает основой всех сфер древнекитайской культуры. Образно говоря, если естественное Дао признать прародительским, "старым" (лао), то философское Дао надо назвать его "ребенком" (цзы). 2. Между естественным Дао и рождением в нем философского Дао нет никакого исторического и мыслительного "зазора". 3. Дао Лао-цзы есть философское первоначало в первоначале естественного Дао, и Лао-цзы по праву является Первым Философом китайской Поднебесной — как в даосистском направлении, так и во всей китайской философии. 4. Своим Дао Лао-цзы пробудил историко-философское сознание и сам продемонстрировал его в критике конфуцианства (с. 28-29).

Для меня до прочтения работы А.Е. Лукьянова полемика даосистов с Конфу-

цием ограничивалась репликами отшельников, осуждавших Учителя за то, что тот слишком отдается политике. Оказалось, что организация текста в “Лунь юе” чем-то напоминает “Шан цзюнь шу” (“Книгу правителя области Шан”, IV в. до н.э.) — в этом легистском памятнике вы не найдете прямых ссылок на Конфуция, однако весь текст пронизывает антиконфуцианский настрой. Конфуцианская концепция разоблачается как утопическая, по мнению автора названного трактата Шан Яна, не соответствующая самой природе человека, изначально ориентированной на приобретение материальных благ. Скрупулезное исследование философии “Дао дэ цзина” позволило А.Е. Лукьянову обнаружить новый, более глубокий уровень полемики, которая получила отражение в “Лунь юе”, что действительно является большим научным открытием.

А.Е. Лукьянов показывает, что Лао-цзы и Конфуций исходили из одной культурологической основы Дао, но выбрали ее разные архетипические составляющие. Лао-цзы базирует свое учение на горизонтали архетипа Дао и нижнем (земном) пределе, Конфуций — на вертикали и верхнем (небесном) пределе. Соответственно, их учения ретранслируют противоположные вселенско-космические ритмы. Даосизм пульсирует в ритме *инь*, это “темный”, телесный ритм, ритм чувственных интуиций и земной “души” (*гуй*). Конфуцианству присущ ритм *ян*, “светлый”, разумный, ритм познавательного мышления и небесного “духа” (*шэнь*). “Центр — это точка гармонии, к которой даосизм и конфуцианство стремятся. Они должны были встретиться, и их слияние дало бы эффект рождения детища — совокупного учения о Дао. Но этого в тот период не произошло... В культуре Дао им предreshено по происхождению находиться вместе, однако они соприкасались в Поднебесной без плодоносящего синтеза и время от времени вступали в единоборство” (с. 125).

Автор отмечает, что Лао-цзы и Конфуций неодинаково представляли себе генезис Дао. У первого работают космогенные основания, у второго — антропогенные, у Лао-цзы Дао спонтанно рождается, у Конфуция — активно творится человеческим субъектом. Отсюда вытекают и различные пути гармонизации Поднебес-

ной: у Лао-цзы — через Дао природного космоса, у Конфуция — через Дао космоса социального. Поэтому, доказывает автор, теоретическая реставрация Дао осуществляется у Конфуция посредством создания концепции новой личности и построения модели идеального правления.

Определение собственно философской специфики культуры Дао позволило автору рассматривать “Лунь юй” как философское произведение. Перед многими из тех, кто пытался обнаружить философское начало у Конфуция, всегда вставала трудноразрешимая проблема — почему у Учителя нет термина, адекватного понятию “философия”? Хочу обратить внимание профессионалов и читателей на знаменательный историко-философский факт, отмеченный А.Е. Лукьяновым (с. 272-277). В мировой синологической литературе, а также в китайской науке до сих пор преобладало устойчивое убеждение в том, что китайская философия не имела собственного наименования. Естественно, в сравнении с западной философией это как бы снижало ее статус как философской дисциплины. Творцами термина, понятия и идеи философии до наших дней безоговорочно признавались древние греки. Однако А.Е. Лукьянов убедительно опровергает это мнение и показывает, что в философском Дао имеется не одно, а целых два понятия о философии: в конфуцианстве это хао сюэ (“любить учиться”), в даосизме — цзюэ сюэ (“отрицание учебы”). Причем хао сюэ и греческая “любовь к мудрости” являются кальками друг друга. Он отмечает, что и у Пифагора и у Конфуция “идея философии формируется из нравственной потребности” (с. 274). Таким образом, обнаруживается, что китайское Дао и греческий Логос независимо от предвзятых мнений всегда стояли и стоят в одном ряду философской мудрости.

Исследование А.Е. Лукьяновым текста “Лунь юя” отличается постоянным вниманием к компаративному анализу. Во-первых, “Лунь юй” рассматривается в системе конфуцианской классики, с учетом того, что свод ее основополагающих трактатов сложился много позже появления этих произведений по отдельности. Автор выясняет, чем с философской точки зрения могли служить песни (поэзия), история, ритуалы, законы, космогония и кос-

мология конфуцианскому Дао (с. 221-230). Во-вторых, автор прослеживает генеалогию конфуцианского Дао. В отличие от даоского Дао, как уже отмечалось, оно имеет антропогенное происхождение — зачинается в почве “почитания родителей и старших братьев” (сяо ти), прорастает через “человеколюбие” (жэнь) и расширяется преобразенным человеком.

Представляют интерес выделение автором феномена “совершенномудрого человека” (шэнь жэнь) как предтечи философа, определение философа, раскрытие системы в построении конфуцианской школы. По мнению автора, Конфуций, а вслед за ним и конфуцианство дистанцировались от образа древнего “совершенномудрого” и в качестве идеала полагают нового “совершенномудрого” в будущем (согласно памятнику “Чжун юн” — “Срединность и постоянство”). Для гармонизации исторического настоящего Конфуций, полагает А.Е. Лукьянов, разработал новый тип действующего и размышляющего субъекта — цзюнь цзы, который стал ведущим во всех областях теории и практики жизни Поднебесной. Как находит А.Е. Лукьянов, решающую роль в философском осмыслении личности “благородного мужа” играет критерий “следования середине”, которое мыслится как овладение мерой гармонии и делает “культуру Дао” имманентной “благородному мужу”.

Конфуцианская школа рассматривается А.Е. Лукьяновым не просто как замкнутый кружок единомышленников, а как наследница предшествующей “совершенной мудрости”. Данная школа строится по системе архетипа “культуры Дао” и создает свою спиральную парадигму этого архетипа, на основе которой вырабатывает теорию и практические способы гармонизации Поднебесной. Конфуцианская школа весьма многочисленна, Конфуций и его ученики — только философское ядро, которое питает “благородных мужей”, рассредоточенных по всем социальным уровням Поднебесной.

По-видимому, впервые в нашей литературе А.Е. Лукьянов проанализировал состав и содержание основных философских категорий конфуцианства в ключе архетипа *у син — у чан* (“пять движений — пять постоянств”), наметил этапы их формирования, а также проиллюстрировал способы размещения над ними новых

слоев теоретических конструкций (с. 253-259 и другие).

Сравнительный анализ происхождения греческой, индийской и китайской философией позволил автору выявить имманентные китайской философии основания ее генезиса. Таким образом, А.Е. Лукьянову принадлежит первая в мировой историко-философской науке культурогенная концепция китайской философии, в которой прослеживается и объясняется рождение философии из определявшей мировоззрение древних китайцев “культуры Дао”. Примечательно, что автор подходил к изучению предмета, не сковывая себя заранее заданными абстрактными схемами и аксиомами, его выводы основываются исключительно на анализе текстов. В результате концепция А.Е. Лукьянова, будучи оригинальной по исследовательскому исполнению, т.е. авторской, наиболее адекватно отражает историческое и логическое движение китайского философского гнозиса. В общетеоретическом плане А.Е. Лукьянов распространяет культурогенную концепцию на генезис философского греческого Логоса и индийского Ом, что придает ей в сфере историко-философских исследований методологический характер.

Несомненной заслугой А.Е. Лукьянова является то, что он выявил спиральный структурно-функциональный архетип культуры Дао и сумел дешифровать его даоскую и конфуцианскую модификации. Раскрыв спиральные генетические коды даосского и конфуцианского философского Дао, он дал новые критерии для мировоззренческого сравнения двух идейных систем и ключ к типологии их философских суждений (с. 249-253).

Подобным образом он сопоставил древние конфуцианство и даосизм с учением “Канона перемен” (с. 263-283). Исследование А.Е. Лукьянова открыло новое направление в изучении конфуцианства как собственно философского учения, предоставив единую методологическую основу для сравнения китайской мысли с восточной (индийской) и западной (греческой и италийской) философскими традициями.

Несколько замечаний по поводу перевода “Лунь юя”. В отличие от А.С. Мартынова А.Е. Лукьянов не дает подробных комментариев по ходу текста — у него

совсем иные задачи. Подробное и объемное компаративистское исследование "Дао дэ цзина" и "Лунь юя" понадобилось ему для доказательства наличия философской составляющей в воззрениях Конфуция. В ряде пассажей текста автор уловил поэтическую ритмику Слова Конфуция, что проливает свет на стилистику философского диалога Учителя и учеников, способствует пониманию особенностей конфуцианского философского суждения.

В заключение отмечу, что отечест-

венная синология внесла новый, весьма ощутимый вклад в исследование глубин духовной культуры китайского народа и мне доставляет радость поздравить своих коллег с их достижениями. Благодаря им читатель получил прекрасную возможность в новых ракурсах увидеть традиционную китайскую мудрость и сопоставить выработанные ею представления о самопреобразовании личности с теми задачами, которые жизнь ставит перед человеком и обществом в наши дни.

© 2001

*Л. Переломов,
доктор исторических наук*

1. Беседы и суждения Конфуция. СПб.: Кристалл, 1999. 1120 с.
2. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. Исслед., пер. с кит., коммент. М.: Восточная литература РАН, 1998. 507 с.
3. Акунин Борис. Смерть Ахиллеса. М.,: Захаров, 2000. С. 22.
4. Он же. Статский советник. МЛ., Захаров, 2000. С. 255. Примечательно, что на встрече министра внутренних дел России Б.Грызлова с деятелями искусства и культуры, состоявшейся 25 июня 2001 г. и широко освещавшейся в средствах массовой информации, Эраст Фандорин упоминался как имеющий вполне современное звучание прообраз положительного героя — сотрудника правоохранительных органов.
5. См.: Leslie, D. Notes on the Analects // T'oung Pao. Leiden, 1961. Vol. XLIII. Livr. 1-2.
6. См.: Переломов Л.С. Указ. соч. Ч. 1. Гл. 1-4.
7. Предпосылки этой концепции содержались уже в книге, которую мы с А.С. Мартыновым некогда опубликовали на английском языке (Imperial China: Foreign-Policy Conceptions and Methods. Moscow, 1983).
8. Подробнее об этом см.: Переломов Л.С. Указ. соч. С. 352-356.
9. Исследованию первых шагов философского самосознания жителей Поднебесной посвящены предыдущие книги А.Е. Лукьянова: Становление философии на Востоке: древний Китай и Индия. М., 1989; Лаоцзы (философия раннего даосизма). М., 1991; Истоки Дао (древнекитайский миф). М., 1992; Дао "Книги перемен". М., 1994; Начало древнекитайской философии. И цзин. Дао дэ цзин. Лунь юй. М., 1994.

Лепехов С.Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 1999. 237 с.

Одним из первых западных интеллектуалов, заговоривших о "буддийской цивилизации", был О. Шпенглер. Он понимал под этим обозначением одну из самых упадочных форм цивилизации как "окоственевшего тела культуры", причем форму нигилистическую, подобную стоицизму и социализму. Книга С.Ю. Лепехова написана с противоположных позиций: она фактически обосновывает роль *Pax buddhica* в качестве перспективной модели для будущего развития человечества.

Рассмотрев различные толкования понятия "цивилизации", автор приходит к выводу о том, что буддийская цивилизация, утвердившаяся на обширных пространствах Восточной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, отвечает любым критериям, когда-либо выдвигавшимся обществоведами-теоретиками. Он предлагает понимать под "буддийской цивилизацией" социально-историческое явление "большой длительности" (в том смысле, который придает этому выражению французская историографическая "школа Анналов"), характеризующееся "особой культурой, хозяйственным укладом и формой политической организации общества и гетерохронно существовавшей на евразийском пространстве"; общей идейной основой этой целостности стало "учение, зафиксированное в буддийском каноне и комментариях, а социально-исторической памятью — собственная единая историография" (с. 10). Автор признает, что границы цивилизации задаются культурой, но расположены в реальном пространстве и времени, тогда как границы культуры, по его мнению, пролегают через сознание. Цивилизация может объединять и примирять различные культуры, она более, чем культура, связана с государственным, социальными и экономическими институтами (хотя так же не совпадает с ними полностью); это всецело историческое образование, тогда как культура являет собой непрерывность символического пространства и может существовать после гибели цивилизации.

Буддийскую цивилизацию автор относит к цивилизациям "второго", если не "третьего порядка" (с. 11), т.е. к тем, что в значительной степени связаны с переосмыслением предыдущих культурных систем. Это предполагает чрезвычайно важную роль философской рефлексии в фор-

мировании ее основ.

Подвергнув анализу мнения о буддийской философии, принадлежащие, в первых, видным историкам философии, во-вторых, самим буддийским мыслителям, автор констатирует, что буддийская *Дхарма* ("Закон" в исключительно широком смысле) не укладывается в узкие рамки "философии" уже в силу того, что буддисты с самого начала отдали предпочтение достижению "единства" как целостности и непрерывности символического пространства, а это может быть задачей только культуры в целом. Вместе с тем "именно философский подход был определяющим в процессе формирования буддийской *Дхармы*, т.е. теоретической модели буддийской культуры и цивилизации" (с. 160). Уже предварительная медитационная практика буддистов — *смирти* ("осознание") — служила предпосылкой философского мышления, поскольку вводила в мир, в котором действовали исключительно природные силы и не существовало иных связей, кроме естественных причинно-следственных. Следующий этап практики — *самадхи* — погружает человека во внеличную психическую реальность, причем методы-ступени медитации — *дхьяны* — так же безличностны и воспроизводимы (в отличие от любого другого мистического опыта), как безлично и воспроизводимо состояние *нирваны*.

Поэтому "буддизм знает не одного Шакьямуни, а "тысячу будд", а личностные паттерны, которые в ведийской традиции объединяли черты реальных людей и персонажей мифов для демонстрации идеальных образцов поведения, в буддизме играют лишь вспомогательную роль. "Гораздо важнее... общие законы функционирования психики в их соотносительности с общими принципами буддийской *Дхармы*" (с. 19). Отсюда принцип определения "ортодоксии" в буддизме: "Все, что сказано хорошо — сказано Буддой", а также характерная черта контактов между буддийскими школами — стремление включить в свое учение все ценное и полезное из арсенала оппонентов. Автор отмечает, что сами буддисты, отрицательно относясь к определению своего учения в качестве философии, "хорошо осознавали его претензии на роль метафилософии, метафизики и метарелигии" (с. 20). Анализируя социально-исторические истоки буд-

дизма, С.Ю. Лепехов показывает, что "надстроечный" характер буддийской цивилизации по отношению к цивилизациям, возникшим на основе этногенеза, обуславливал востребованность ее институтов "всякий раз, когда речь шла о преодолении религиозных, этнических рамок и национальных границ" (с. 26). Предельный универсализм философии и социального учения буддизма, освобожденного от этнических и варновых ограничений, позволял использовать его в качестве политического обоснования для создания многонациональных государственных образований со времен древнеиндийской империи Ашоки (268-231 до н.э.).

На примере эдиктов Ашоки автор показывает становление *Дхармы* в качестве духовной и идейной опоры государства, возникновение соответствующих принципов и идеологем, получивших продолжение в социально-политической жизни многих народов Азии. Один из главных таких принципов — "защита страны с помощью *Дхармы*" — предусматривал тотальный отказ от убийства, а оборотной стороной этого принципа стала знаменитая *дхармавиджая* — "завоевание с помощью *Дхармы*", т.е. с помощью покровительства буддийской миссии и *сангхе* — буддийской общине. Идея неразрывности царской власти и *Дхармы* (концепция *чакравартина*) трансформировалась в идею династийной связи всех царей буддийского мира и способствовала утверждению буддизма *махаяны* в странах Азии.

С.Ю. Лепехов подробно рассматривает версии происхождения и распространения традиции *праджняпарамиты* — теоретической основы школ *махаяны*, доминирующего направления в буддизме. Он освещает историю махаянской миссии и утверждения буддизма в Юго-Восточной Азии, Китае, на Корейском полуострове, в Японии и в Центральной Азии. При этом автор отмечает почти повсеместно мирный характер интеграции буддизма в локальные культуры. Противоречия на религиозной почве приобрели крайние формы только в Тибете, где буддийские школы и монастыри жестко разрешали конфликты между собой и с местной религией Бонпо, что С.Ю. Лепехов объясняет чисто политическими и экономическими причинами. *Дхарма* как основа построения ненасильственной цивилизации и поныне вдохновляет буддистов многих стран.

Не оставляет автор без внимания также экономические аспекты функционирования буддийской цивилизации. В качестве ее основного структурного элемента он рассматривает монастырь. Помимо того, что буддийские монастыри бы-

ли крупными культурными и образовательными центрами, они существенно изменяли структуру хозяйственной деятельности в странах, где распространялся буддизм. Сельскохозяйственные угодья обычно не покрывали всех потребностей общины, что вынуждало монахов проявлять максимум хозяйственной предприимчивости: они сдавали в аренду помещения монастыря торговцам, ремесленникам, бродячим актерам, устраивали лотереи, театральные представления, различные празднества, объективно способствуя развитию товарно-денежных отношений, искусств и ремесел. Буддийские монастыри выполняли важную общественную функцию демографического регулятора, а также "поглотителей" избыточной денежной массы в экономике и, отчасти, банков. Под руководством и по инициативе монахов велись работы по благоустройству страны (иригация, строительство дорог, создание сельскохозяйственной инфраструктуры), финансирование которых во многих случаях было затруднительно даже для правительства. Социальноэкономическая модель буддизма привлекла внимание ряда западных экономистов, усматривающих в ней оптимальное сочетание сбалансированных потребностей (личных и общественных), общего высокого качества жизни, минимизированных затрат ресурсов, высокой трудовой мотивации и относительно равномерного распределения прибавочного продукта. Буддийская этика ненасилия, по мнению автора, способствовала не только сглаживанию конфликтов в обществе, но и сохранению биологического разнообразия в природе.

Именно "цивилизационный" ракурс исследования С.Ю. Лепехова обусловил его внимание к философии *мадхьямиков* и исходной для нее традиции *праджняпарамиты*, поскольку именно они легли в основание большинства центрально- и восточноазиатских версий буддийской доктрины. В отличие от многих специалистов по истории индуизма и буддизма автор склонен подчеркивать не разрыв буддизма с ведическими и брахманистскими традициями, а развитие и переосмысление им этих традиций. Рассматривая генезис основных философских категорий буддизма, он четко прослеживает этимологическую связь базовых буддийских понятий — *дхарма*, *дхьяна* и *дана* — с ведийской космологией. Вместе с тем основной упор он делает прежде всего на те понятия, что получили развитие в русле учения *мадхьямиков* — *пратитьясамутпада* ("причинно-зависимое возникновение"), *шунья* ("пустота"), *татхагата* ("так приходящий"), *праджня* ("муд-

рость”) и т.п. Он подчеркивает “незамкнутость” философских категорий буддизма на “одномоментно” и “одноместно” сосредоточенной рациональности. Их живая связь с древней традицией обуславливает, по выражению автора, свободное “перетекание” от мифологем к философемам и обратно, легкое превращение философского понятия в художественный образ, в юридическое установление или в религиозный догмат (с. 114).

Рассматривая воздействие философских идей *праджняпарамиты* и *мадхьямиков* на политику и культуру стран Центральной и Восточной Азии, автор отмечает особую роль буддийских текстов в их культурных традициях. Так, доктрина “защиты с помощью Дхармы” обусловила специфические функции некоторых *праджняпарамитских* сутр, обряд чтения которых был призван обеспечить благополучие и мир в государстве, предотвратить стихийные бедствия. Конкуренция буддийских школ приводила к смене официально признанных комментариев к таким сутрам, а в ряде случаев драматические политические события сопровождалась сменой сакральных текстов: например, в Японии период смут XV–XVI в. привел к падению авторитета прежней “сутры-хранительницы” “Нинно-ке” (кит. “Жэньван-цзин”) и ее фактическому изъятию из обращения в поздних буддийских школах. В исследовании показано влияние идей и текстов *праджняпарамиты* на художественную жизнь стран “буддийского” региона, их взаимодействие с исконно местными идеями и духовными системами, что имело особое значение для Китая с его древней культурной традицией. Автор на примере сакральных и художественных текстов доказывает интегрирующую роль буддизма в складывании системы религиозного и культурного синкретизма в Китае. Отдельно он рассматривает идею взаимодействия светской власти и духовной иерархии в буддизме, оказавшую особое влияние на политическую культуру стран Центральной Азии. Завершается исследование приложением в виде выполненных автором переводов ряда классических *праджняпарамитских* сутр с санскрита и тибетского языка.

Буддийскую цивилизацию С.Ю. Лепехов считает “почти идеальным” медиатором между другими культурами и ци-

вилизациями, разными этносами. Он упоминает в этой связи индийцев и греков; кушан, индийцев и бактрийцев; индийцев и китайцев; индийцев и тибетцев; тибетцев и монголов; китайцев и корейцев; китайцев, корейцев и японцев; примеры того же рода, по его мнению, дает демпфирующая роль буддизма в отношениях между даосизмом и конфуцианством, конфуцианством и синтоизмом, между различными философскими школами Индии. “Если сравнить рекомендуемые специалистами в области глобальных проблем современности ориентиры и идеалы наиболее оптимальной модели развития человечества в XXI в. с основными экономическими, культурными и духовными параметрами буддийской цивилизации, то окажется, что большинство этих идеалов уже давно были воплощены в жизнь многими поколениями индийцев, китайцев, японцев, корейцев, тибетцев, монголов, бурят, калмыков, вьетнамцев, кхмеров, тайцев, сингалов, бирманцев и др.”, — утверждает автор (с. 183).

Думается, что не для всех читателей это заявление, фактически выразившее лейтмотив исследования, прозвучит одинаково убедительно. Идеалы имеют печальное свойство осуществляться отдельными подвижниками, и то Бог весть как последовательно, а отнюдь не целыми цивилизациями. Буддийская философия и медитация не мешали проявлениям не самой миролюбивой идеологии самурайства, кровавым конфликтам между буддийскими школами Тибета, а восстания сект буддийского толка в Китае по случаю прихода очередного самозванного “будды Майтрейи” вряд ли были менее разрушительны, нежели бунты, поднятые сектами даосской или конфуцианской ориентации. “Консенсус различных идеологических и религиозных направлений”, в котором автор видит одну из существеннейших черт буддийской культуры (с. 127), так или иначе сводился к интеграции буддизмом того, что он был в состоянии принять, и к отбрасыванию того, что он интегрировать не мог. Однако при всей спорности некоторых идейных установок автора, трудно отрицать научные достоинства его работы, скрупулезный подбор фактов, точность многих наблюдений и оценок, касающихся истории буддизма, его общекультурных, философских, идеологических и социально-политических аспектов.

Юбилей ученого

Вадиму Ивановичу Шабалину — 70 лет

Исполнилось 70 лет китаеведу и дипломату, доктору экономических наук Шабалину Вадиму Ивановичу.

В 1954 г. В.И.Шабалин окончил экономический факультет Московского государственного университета по специальности экономика Китая, а затем продолжил учебу в аспирантуре МГУ, стажировался в Пекинском и Народном университетах КНР, преподавал политическую экономию в Московском университете.

Широкое университетское образование, внимательное отношение к опыту Китая обусловили интерес В.И.Шабалина к ряду методологических вопросов экономической науки, что проявилось, в частности, в ранних его публикациях по проблемам "экспроприации экспроприаторов", возможности разнообразных путей и форм национализации и обобществления производства.

В 1961 г. В.И.Шабалин был приглашен на работу в Министерство иностранных дел СССР и направлен в советское посольство в КНР. С этой поры он "идет на двух ногах", сочетая научные исследования и практическую деятельность.

В течение нескольких десятилетий В.И.Шабалин находился на политической и дипломатической работе, в том числе в международных отделах ЦК КПСС, был послом СССР и Российской Федерации в Республике Филиппины, в Союзе Мьянма (Бирма), заведующим отделом межпарламентских связей Верховного Совета РФ. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного посла. Несколько раз ему приходилось оказываться в эти годы в гуще драматических событий: начало "культурной революции" в Китае — острый ее момент, связанный с ситуацией вокруг советского посольства в Пекине; государственный переворот в столице Филиппин Маниле в 1986 г.; пребывание в "Белом доме" в Москве при его штурме в октябре 1993 г. В 1994-2000 гг. В.И.Шабалин трудился главным специалистом банка "Мир" — головного банка предприятий и научно-производственных организаций ракетно-космического комплекса страны.

Юбиляр являлся участником ряда межгосударственных совещаний, политических и научных конференций и симпозиумов, в том числе в качестве члена правительственных делегаций СССР на сессиях ЮНКТАД в Найроби и Женеве, а также конференций Европейской ассоциации китаеведов в Италии, Германии, Англии. Он в общей сложности направлялся в служебные командировки в более чем 30 стран Европы, Азии, Африки и Америки.

На всех стадиях своей практической деятельности В.И.Шабалин проявлял лучшие деловые качества — чувство ответственности, высокопрофессиональный аналитический подход к выполнению стоящих задач, стремление честно служить Отечеству, государственным интересам страны. Был награжден несколькими орденами и медалями СССР и РФ.

Свою работу во внешнеполитических и экономических учреждениях Вадим Иванович успешно сочетал с научной деятельностью. В 1961 г. он защитил кандидатскую и в 1975 г. — докторскую диссертацию по проблемам экономики КНР, опубликовал ряд книг и брошюр, в том числе монографии “Вопросы преобразования национального капитала в КНР” и “Государственный капитализм в КНР”, а также другие труды общим объемом 100 п.л. Он являлся главным редактором, составителем и автором разделов в коллективных работах: “Структура экономики Китая”, “Экономика КНР”, “Об опыте экономических преобразований в КНР” и др. Некоторые книги и многие статьи В.И.Шабалина, выходящие в свет под псевдонимами В.Ванин, В.Вятский, В.Хлынов, публиковались также на английском, французском, немецком, испанском, монгольском, арабском и других языках.

В своих научных работах, наряду с исследованием конкретных экономических процессов по преимуществу на материалах Китая, В.И.Шабалин обосновывает две основные идеи, имеющие в известной мере общезначимый научный характер. Во-первых, это тезис об объективной обусловленности существования многообразных форм собственности и моделей хозяйствования и движения экономического строя различных стран, включая современные Китай и Россию, в направлении формирования смешанной экономики. Во-вторых, положение о необходимости государственного регулирования указанных процессов — регулирования, без которого рыночное хозяйство не могло бы развиваться, не нанося ущерба социальным и национальным интересам страны. При этом он выступает против волюнтаризма, за сбалансированный, взвешенный подход к роли государства в сфере экономики.

Многие годы плодотворного сотрудничества связывают В.И.Шабалина с Институтом Дальнего Востока. Он был заместителем директора ИДВ в период создания Института, членом Ученого совета ИДВ и Ученого совета по проблемам Дальнего Востока Академии наук СССР. В настоящее время является главным научным сотрудником, руководителем научно-издательского отдела и членом диссертационного совета по экономическим наукам ИДВ РАН. Как член редколлегии принимал на протяжении длительного периода активное участие в работе журнала “Проблемы Дальнего Востока”. Постоянно участвовал китаевед В.И.Шабалин в деятельности Общества дружбы с Китаем.

Все, кто многие годы контактирует с Вадимом Ивановичем в научно-исследовательской деятельности, отмечают его эрудицию, профессионализм, высокую требовательность к себе и товарищам по работе, сочетающуюся с доброжелательностью, объективностью.

Коллеги и друзья В.И.Шабалина по ИДВ РАН, члены редколлегии журнала ИДВ искренне поздравляют его с юбилеем, желают ему здоровья, новых творческих успехов и счастья в личной жизни.

Маркова Светлана Даниловна
1923-2001

6 июня 2001 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончалась Маркова Светлана Даниловна, ветеран Института Дальнего Востока РАН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Ушел из жизни замечательный человек, наш добрый товарищ и коллега. Более 30 лет трудилась Светлана Даниловна в Институте и внесла весомый вклад в изучение проблем культуры Китая.

Всю свою жизнь Светлана Даниловна посвятила служению отечественному китаеведению. После окончания в 1945 г. китайского отделения Восточного института иностранных языков Советской Армии Светлана Даниловна преподавала китайский язык в этом же Институте до 1948 г. и одновременно работала в Советском информационном бюро. Затем до 1950 г. она работала редактором в Представительстве Совинформбюро в г. Далянь (Китай), преподавала русский язык в Даляньском университете, участвовала в составлении и подготовке к изданию уникального, не имевшего в то время аналогов, китайско-русского словаря. В 1953 г., окончив аспирантуру Института востоковедения АН СССР, защитила кандидатскую диссертацию.

В дальнейшем она плодотворно трудилась в системе Академии наук СССР: в Институте востоковедения, Институте китаеведения, Институте народов Азии, Институте экономики мировой социалистической системы, Институте Дальнего Востока, где на протяжении многих лет работала в отделе культуры Китая.

С.Д. Маркова была известным специалистом в области китайской литературы и культуры. В список ее научных трудов входят несколько монографий, главы в коллективных монографиях, около сотни статей, научных докладов, рецензий. Многие из этих работ были изданы за рубежом. Научные труды Светланы Даниловны отличали глубина исследования, новаторство, пытливость, любовь к изучаемой стране, забота об интересах Отечества.

Активно участвовала она в международных научных конференциях, форумах, посвященных защите мира, много сделала для развития российско-китайских культурных связей.

Светлана Даниловна навсегда останется в нашей памяти человеком огромного трудолюбия, скромным, удивительно тактичным и отзывчивым, готовым поддержать коллег в трудную минуту. Она пользовалась заслуженным всеобщим уважением.

Коллектив Института Дальнего Востока и все китаеведение понесли невосполнимую утрату.

Светлая память о Светлане Даниловне Марковой навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция и профсоюзная организация ИДВ РАН

Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"

**Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.**

Сдано в набор 10.06.2001 г. Подписано к печати 16.07.2001 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,5 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 918 экз. Зак. 2383

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2001 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 — журналы

Глубокоуважаемые читатели!

Ученым, специалистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам великим подспорьем в труде всегда служили и будут служить научные статьи и книги. Помочь им, а также работникам библиотек правильно и оперативно ориентироваться в издательских проектах призван журнал "Научная книга", с 1998 г. выпускаемый четыре раза в год издательством "Наука".

Журнал "Научная книга":

- это достоверный источник информации о сегодняшнем дне российской науки;
- это оперативные и надежные сведения "из первых рук" о публикациях отечественных ученых и специалистов;
- это верный компас в море общеакадемических, региональных и институтовских издательских проектов.

Журнал "Научная книга":

– это профессиональная трибуна издателей, полиграфистов, распространителей научной книги;

– это интересные, часто уникальные материалы из истории издательской деятельности как Российской академии наук, так и книгоиздания страны, а также по актуальным проблемам книговедения;

– это самые последние официальные материалы и нормативные документы, регламентирующие профессиональную деятельность российских издателей, полиграфистов, книгораспространителей.

Журнал "Научная книга":

– это увлекательный рассказ о рождении и жизни научной книги на всех этапах ее развития: от "чернильницы" автора до полки книжного магазина, библиотеки и до рук ученого, специалиста, любителя научной книги;

– это самая свежая информация о состоявшихся в стране и за рубежом книжных и полиграфических выставках, ярмарках, о презентациях новых интересных изданий;

– это своеобразная "путеводная звезда" в мире научной литературы для ученых, специалистов и всех книголюбов.

Журнал можно выписать по Объединенному каталогу "Пресса России", т. 1, индекс 26099. Возможно также оформление подписки непосредственно в издательстве "Наука", тел. (095) 334-74-50.

Отдельные номера журнала можно приобрести в фирме "Наука-Инициатива", тел. (095) 334-98-59, а также в редакции (117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90, к. 327, тел./факс (095) 334-75-21).